ISSN 0131—0097

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 40 СЕНТЯБРЬ 1989

ЦИРК ПРОДОЛЖАЕТСЯ

КАК ЖИВЕТСЯ В ПОДНЕБЕСЬЕ?

ВСТРЕЧА С ЛА СКАЛА

ЦЕНА ПАЙКИ ХЛЕБА

СУД СОВЕСТИ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 40 (3245)

30 СЕНТЯБРЯ — 7 ОКТЯБРЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Здравствуй, новый старый цирк! (См. в номере материал «Цирк зажигает огни!».)
Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

Оформление Н. П. КАЛУГИНА
при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп.,
на полгода — 10 руб. 38 коп.,
на квартал — 5 руб. 19 коп.

Условия коммерческого проката, подписки и приобретения выпусков «ОГОНЕК — ВИДЕО» по телефону 212-15-79.

Сдано в набор 11.09.89. Подписано к печати 26.09.89. А 10598. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 6,3. Усл. кр.-отт. 14,35. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 3 300 000 экз. Заказ № 1172. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-23-27; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-59; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Секретариат — 250-46-98; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

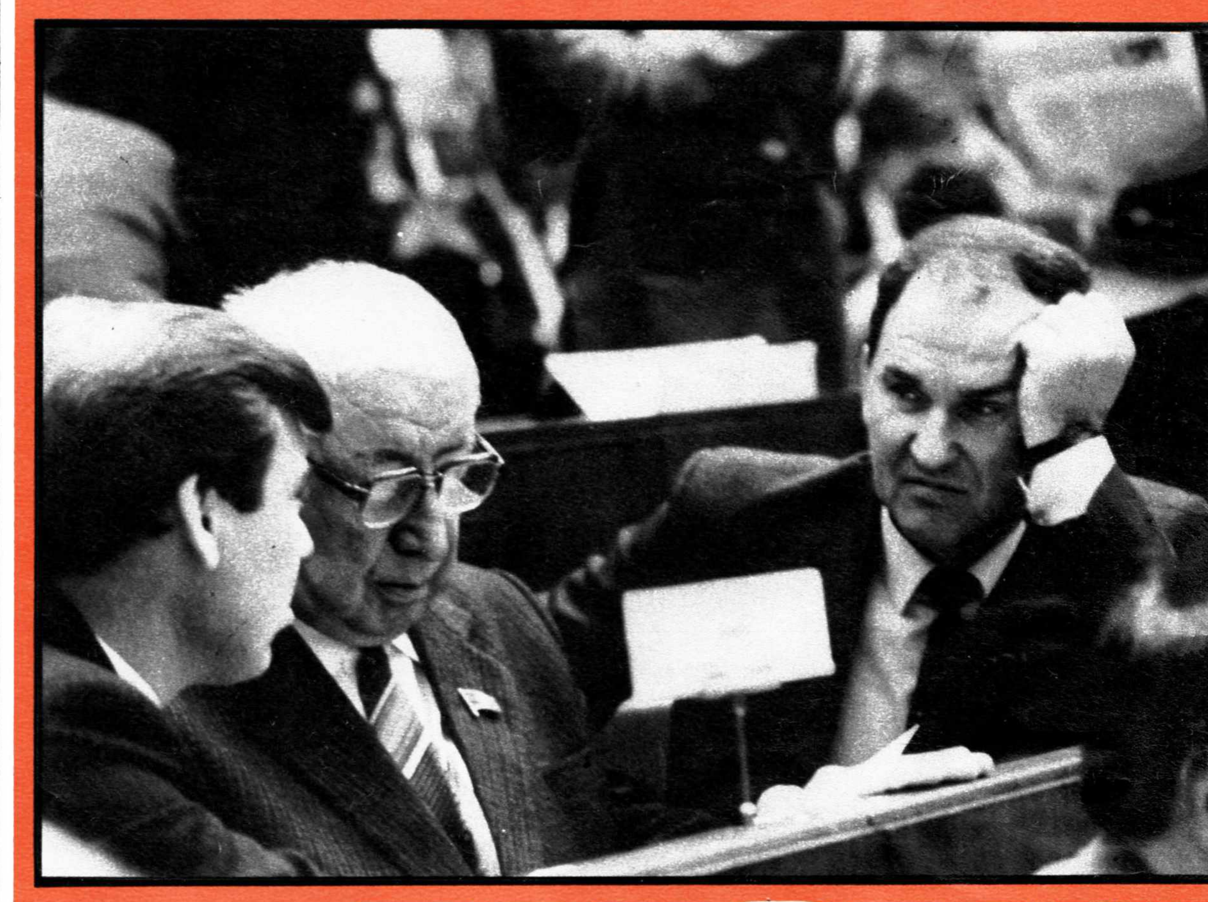
Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ДЕВИЗ СЕСС

ДЕЛОВИТ

ИИ-

25 сентября в Кремле совместным заседанием Совета Союза и Совета Национальностей начала работу вторая сессия Верховного Совета СССР. На совместном заседании обеих палат выступил Председатель Верховного Совета СССР М. С. Горбачев.

После обсуждения с учетом внесенных поправок были утверждены повестка дня и порядок работы сессии.

С докладом о Государственном плане экономического и социального развития СССР на 1990 год выступил первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Л. А. Воронин.

С докладом о Государственном бюджете СССР на 1990 год и об исполнении бюджета за 1988 год выступил министр финансов СССР В. С. Павлов.

Сессия продолжает работу.

Фото Алексея ГОСТЕВА

ОСТЬ

КТО ТАКИЕ РЕВИЗИОНИСТЫ? ●
ГИМН КРАСНОДАРСКОМУ ЗАБОРУ ●
ОГОРОДЫ... НА КЛАДБИЩЕ ●
СКОЛЬКО СТОИТ «САНАТОРНАЯ АРМИЯ»? ●

■

Я русская, родилась и некоторое время жила в Грузии, и национальную проблему ощущаю сердцем, как мне кажется, вижу изнутри.

Вспоминается острое заседание Верховного Совета СССР, когда депутаты из Прибалтики добивались для республик экономической самостоятельности. До сих пор неудобно за всех нас, у кого вымаливалось это право на экономическую самостоятельность, право, вытекающее из самой перестройки. Ошеломляющим по справедливости было брошенное в зал обвинение одного из депутатов: чего мы боимся? Что другие будут жить лучше нас? Почему не боимся, что вдруг станут жить хуже нас? Какие человеческие качества мы потеряли?

Спасибо той русской школе, где учителя научили меня грузинскому языку. И тогда, и теперь считаю: каждый гражданин любой национальности, проживающий в союзной республике, должен хотя бы элементарно знать ее язык. Это и уважение к хозяевам земли, и удобство, и равноправие. Я не против единого языка для межнационального общения. В Грузии, например, при незнании их родного языка будут говорить по-русски, и это свидетельство культуры народа. Но если ты не приезжий, а местный, нельзя же любезностью пользоваться бесконечно и односторонне. Мы приезжаем в Англию и не требуем, чтобы с нами говорили по-русски, изъясняемся на местном языке, не оскорбляясь при этом. Почему же намерение сделать родной язык в республиках государственным встречено с непониманием?

Проживая в союзной республике, надо помнить, что мы в гостях, и вести себя соответственно. Каждый народ будет ревниво беречь, развивать свою нацию и преумножать свою культуру, способы самовыражения. Чем меньше народ, тем яростнее. Что же, удивляться этому или осуждать? Так есть, и так будет до тех пор, пока будут различия между нациями, подобно различиям между морем и землей, лесом и горами.

Достаточно признать право нации на самовыражение в своем доме, и исчезнет обида, шепоток о том, что на руководящие должности назначают только своих, детей продвигают только своих... Конечно, хорошо, когда все гармонично, и чем выше будет культура нации, тем меньше будет местного национализма, но достичь этого можно проявлением двустороннего уважения и понимания. Если хочешь жить и работать в союзной республике, приложи к тому усилия, врастай в нее сам.

Укоренившееся ложное представление, что я — хозяин везде, заставляет меньшинство, людей пришлых, требовать, чтобы приноравливались к ним. Я против забастовок, прошедших в Прибалтике, не только потому, что они причиняют материальный ущерб, я против потому, что они еще и демонстрируют неуважение к решениям, воле местного населения, каким бы малочисленным оно ни было, какие бы спорные решения оно ни принимало. Ни одна нация, большая ли, малая, никогда не поступится своей независимостью, как бы тяжело ей ни пришлось. Также невозможно содружество наций без одновременного уважения ко всем национальным особенностям. Россия как нация тоже ждет своего возрождения.

Единственное пожелание — давайте поймем и поможем друг другу

С. Н. ЧЕРНЯКОВА,
юрист, член КПСС с 1953 года

■

Я, как и многие мои сограждане, с удовлетворением воспринял известие о частичном сокращении рядов Вооруженных Сил СССР, потому что теперь не один миллион рублей будет дополнительно направлен в различные сферы народного хозяйства.

Однако не совсем понятно, каких именно служб Министерства обороны сокращение коснется. Для народа, за чей счет содержится армия, этот вопрос совсем небезразличен. Ни для кого не секрет, что Министерство обороны имеет в своем ведении большое количество санаториев и домов отдыха, туристических баз и дач для высшего командного состава. И тут совсем не понятно, почему в военных санаториях все врачи — офицеры действующей армии, почему для работ на этих «объектах» привлекаются солдаты срочной службы (например, в радиоузлах, на коммутаторах связи и т. д.). Разве одного офицера, например, начальника санатория не достаточно для руководства и организации хорошего отдыха и лечения? Ведь если собрать по Союзу всех таких «воинов», в масштабах страны получится целая «санаторная армия». Так почему же эту «армию» должны содержать мы, налогоплательщики?

Чувство недоумения возникает и тогда, когда видишь за рулем обычного гражданского автобуса типа ЛАЗ дюжего прапорщика. Или эта «спецтехника» приравнена к танку или БТР и ее управление нельзя доверить гражданскому водителю?

Понятно только одно: зарплата аттестованной обслуги из «санаторной армии» значительно выше, чем у их вольнонаемных коллег. И оплачивается эта разница из нашего кармана, нашим подоходным налогом. И что-то не горят желанием в Министерстве обороны передать часть дач детям и инвалидам.

Неужели и дальше будут нести свою службу военнослужащие «санаторной армии», получая очередные повышения за службу в курортных зонах?

В. В. ШИРОЧЕНКО
Киев

■

Посылаю вам вырезку из газеты «Вечерний Минск» от 26 августа. Это материалы с собрания актива областной партийной организации, и называются они «По усилению политического влияния на ход перестройки». Хочу обратить ваше внимание на выступление секретаря парткома Минского часового завода В. В. Чикина. Вот только некоторые выдержки из его речи:

«...совершенно непонятно то олимпийское спокойствие и пассивность, с какими руководящие органы партии взирают на попытки отстранить КПСС от власти, развалить существующую федерацию и демонтировать социализм. А ведь только в таком духе можно трактовать раздающиеся безудержные восхваления мелкобуржуазных ценностей и откровенное презрение ко всему советскому, агитацию за рыночные отношения капиталистического типа и какую-то болезненную любовь к кооперативам. Со всем этим, а также безудержным шельмованием партийных кадров, которое ведется под вывеской борьбы со «сталинизмом», бюрократизмом и с прочими «измами», мы сталкиваемся ежедневно, но адекватного отпора этим явлениям не даем, а если и даем, так с большим опозданием».

«Нам совершенно непонятно, почему правящая партия практически без боя уступила оппозиции свое влияние на средства массовой информации. Я не призываю немедленно закрыть пожелтевший «Огонек», «МН» и подобные им издания. В конце концов на знаменах перестройки начертаны слова «демократия» и «социалистический плюрализм мнений». Будем просто считать их оппозиционными со всеми вытекающими из этого последствиями».

«Мы считаем, что членство в партии и участие в оппозиционном ей движении несовместимы. Настала пора у таких людей отобрать партийные билеты. Делать это надо немедленно, ибо, кроме всего прочего, именно они являются носителями идей, разлагающих основы партии... Все нахальнее звучат призывы к отмене принципа демократического централизма. Это называется одним словом — ревизионизм. А как следует поступать с ревизионизмом и ревизионистами, я думаю, рассказывать не надо».

Думаю, что все-таки следует уточнить у парторга Чикина, как надо поступать с ревизионистами. Чтобы стало ясно, кто есть кто.

Д. Б. ЯКОВЛЕВ
Минск

■

В вашем журнале было напечатано стихотворение «Гимн забору». Так это гимн городу Краснодару! Очень хотелось бы, чтобы вы послали его нашему горисполкому.

Есть у нас такая малюсенькая улица Клубная, всего двенадцать номеров, и она вся в заборах. Школа № 54 возвела трехметровый (в высоту), железобетонный. Это показалось обидно АТС-4, и они соорудили уже четырехметровый железобетонный забор, прихватив заодно и тротуар. Под номером 10 находится небольшое здание, где расположены организации культуры. Они решили не отстать от соседей и загородили забором большую площадь, также прихватив тротуар. С фасада здания металлический забор высотой два—два с половиной метра, а с тыльной части — четыре—четыре с половиной метра. Напротив этой организации находится еще одна школа, № 23. Ее территория была обнесена сетчатым забором. Дирекция школы, следуя примеру соседей, заменила сетку на забор из толстого уголка и толстых металлических прутьев.

Все это только на маленькой улочке, а если взять город? Создается впечатление, что в Краснодаре некуда девать металл, да и деньги тоже, как только сооружать заборы. Хорошо бы за эти художества платить из своего кармана.

А. И. ИВАНОВА
Краснодар

■

Мне было девять лет, когда в 1937 году забрали отца, больного, с постели, и дали десять лет. В марте 1939 года он умер, а может, ему помогли умереть, кто знает? У моей матери каким-то образом оказались два письма, писанных карандашом, из которых мы знали, что он был в Свердловской области в Туринских лагерях для политзаключенных. Когда вышло постановление «Об увековечении памяти жертв репрессий», я написал письмо в Туринский райком КПСС и получил вот такой ответ:

«Туринский райком КПСС на ваше письмо сообщает, что действительно в г. Туринске в 1939 году был лагерь заключенных. Всех умерших хоронили на кладбище возле озера Панино.

В настоящее время это кладбище не существует, т. к. оно было закрыто в связи с ликвидацией лагеря в 1960 году. Место это распахано под частные огороды. Какими-либо подробностями смерти отца мы не располагаем. У нас в городе есть старожилы, которые работали в тот период в лагере. Например, Чернышов Платон Иванович, проживающий... Если вас интересуют какие-либо подробности того периода, можете обратиться по данному адресу».

Не было у нас детства, нет и спокойной старости. Я боюсь об этом писать сыновьям, я убью их души, они оба в Советской Армии. А как сказать об этом внукам? Хочу восстановить доброе имя отца, а мне советуют обратиться к бывшему работнику лагеря. Да разве можно меня к нему подпускать, я же его могу задушить своими руками, если почувствую, что он из тех, кто мучил людей.

Поехать в Туринск, увидеть огороды просто боюсь, сердце подведет.

П. В. АЛЕКСЕНКО
пос. Борисовка
Белгородской области

■

После того как в августе 1988 года Всероссийское общество инвалидов обрело юридический статус, образовалось наше Пермское отделение. Изменилась ли за прошедший год наша жизнь? Скажу сразу: мы остались теми же бесправными просителями, хотя чувствуем ответственность за всех инвалидов, от лица которых ходатайствуем — в нашей, Пермской области, по общим подсчетам, их 77 тысяч.

Нас принимают вежливо, вроде бы и не отказывают, даже обещают, правда, порою упрекают, что мы не так действуем. Но можно ли нас обвинять, коль наши силы и возможности не запрограммированы на ту систему, в которой приходится порой проходить все круги ада, прежде чем чего-то добьешься?

Оттого, что мы так долго буксуем, просматривается угроза жизненности ВОИ. Видимых результатов нет, и нам, нашей деятельно-

сти, не верят в первую очередь сами инвалиды, уже притерпевшиеся к положению второсортных людей, растерявшие всякие иллюзии, связанные с переменами в своей горькой жизни.

На существующие на сегодняшний день доходы общества от членских взносов собственную материально-техническую базу не построишь. Стало быть, ее предполагается строить на «милостыню», и опять мы обречены на роль просителей. Ощущение беспомощности, неверие и стыд перед теми, за кого ходатайствуем, наконец, острое осознание своей несостоятельности — следующее звено в угрозе существованию общества.

Насколько же наивны мы были, веря в предполагаемую схему, по которой должно было пойти развитие: группа активистов выявляет главные проблемы инвалидов, систематизирует их, составляет программу действий и доводит до сведения власть и силу имущих. Нас выслушивают, берут это в голову, а главное — в свои планы и говорят: «Все ясно, ваш социальный заказ принят. Давайте вместе и станем его решать». Такое представление не более, чем иллюзия. Отдельные встречи ничего не дают. Остаются все те же письма-прошения и делегации ходоков в расчете на добрых, совестливых и сочувствующих директоров, начальников, депутатов, СТК предприятий. Ни помещений, ни производственной базы, ни транспорта... Кидаемся от одного к другому, авось где получится.

Пора к обществу инвалидов и его проблемам отнестись как к социальному заказу. А для этого исполнительным органам на разных уровнях принять решения о реализации программ инвалидов и выделить для этого средства.

Хотелось бы, чтобы группы содействия нашему обществу в области, городе, районе состояли из ответственных, облеченных правами людей, умеющих внимать и реагировать делом. Не должно быть безымянно-безадресного вопля инвалидов.

Нужна гарантия — Закон об инвалидах. Мы хотим одного: чтобы каждый, пока здоров, не жил в вечном страхе перед судьбой-случаем. И чтобы человек, пострадавший физически, имел право на нормальную жизнь.

По поручению Пермского областного правления Всероссийского общества инвалидов Галина ДУБНИКОВА

■

Хочу сделать свой вклад в важное дело — сбор валюты на борьбу со СПИДом. Что же, спросите, я могу — одинокая пенсионерка с небольшой пенсией, которой хватает только на жизнь?

В газете «Советская культура» (№ 1 за этот год) я прочитала статью Мэлора Стуруа о лондонском аукционе, на котором среди прочего продавались и активно покупались коллекционерами книжки поэта-футуриста А. Крученых за крупные пятизначные (!) суммы.

У меня имеется небольшая книжечка А. Крученых «Цветистые торцы», 1920-го года издания, с собственной, авторской надписью. Есть и еще кое-какие издания тех лет.

Я предложила их Фонду культуры для продажи на аукционе с тем, чтобы вырученные средства употребить на реставрацию памятников русской культуры.

Но из отдела дарений Фонда я получила ответ, не удовлетворяющий меня: мне написали, что книжки возьмут (и даже пришлют за ними сотрудника), но продавать не будут, а передадут в какой-нибудь музей.

Возможно, что я не права и книга А. Крученых — хороший экспонат в музейной витрине. Однако ужасающее положение, создавшееся в нашей стране, требует экстренных мер. Каждый должен сделать все, что может. Если на лондонском аукционе действительно так высоко ценятся эти вещи, то я предлагаю «Цветистые торцы» А. Крученых для продажи на международном аукционе в пользу АнтиСПИДа.

Т. А. ДЕРЖАВИНА
Краснодар

■

В последнее время много говорится об опасности заражения СПИДом, о том, что не хватает одноразовых шприцев. Поскольку у государства валюты нет, а у меня есть, то я решила помочь сама себе. И вот какое разъяснение получила от заместителя начальника Ленинградской таможни на свой запрос:

«На Ваше заявление в Главное управление гостамконтроля при Совете Министров СССР о порядке пропуска в СССР одноразовых шприцев сообщаем, что таковые не являются предметами, запрещенными к ввозу в СССР. Они могут быть Вам пропущены по медицинским показаниям при предъявлении соответствующего документа медицинского учреждения».

Интересный ответ, правда? Можно, но нельзя, так как при обращении в медучреждение я, естественно, никакого документа не получила.

В. Б. ФРОЛОВА
Ленинград

■

Недавно в печати было рассказано о бедственной судьбе фресок в церкви Сергия Радонежского в Симоновом монастыре в Москве. И о том, что отношение к этому имеет Управление государственного контроля по охране и использованию памятников исполкома Моссовета. Инспектор управления определил и свое отношение к Музею Андрея Рублева, заявив: «Пропади он пропадом» («Известия», 15 мая). Это же управление санкционировало, поставив визы, снос старинного московского дома по Гоголевскому бульвару и переделку другого здания по соседству. Именная бумага за подписью председателя исполкома Моссовета В. Сайкина гласит о передаче двух помещений по Гоголевскому бульвару, 31, постпредству Туркменской ССР для создания культурно-торгового центра.

Двухэтажный особняк типично московской архитектуры начала XIX века по бывшему Пречистенскому бульвару был уже на генплане Москвы в 1820 году. В 70-е годы прошлого века здесь помещалась одна из первых в России прогрессивных гимназий, а с 1910 по 1917 год находилось издательство «Мусагет», связанное с именами А. Белого, А. Блока, В. Иванова, сюда приходили молодые Пастернак и Цветаева. Но Управление нежилыми помещениями считает, что эти дома можно рушить и переделывать. Историческая и культурная память города управление, к сожалению, не волнует. Куда важнее, по их мнению, для Москвы культурно-торговый центр с рестораном!

Соседнее здание тоже имеет свою историю: здесь долгие годы жил дирижер Большого театра, друг Чайковского, И. К. Альтани, работавший с Ф. Шаляпиным. В доме, который намечено снести, собирались лучшие люди русской культуры. Где же элементарная логика и здравый смысл: создавая один культурный центр — уничтожать остатки московской старины? Мы не против культурных центров республик в Москве. Но это не должно носить характер застойной показухи. Логично было бы передать оба дома для выставочных залов Союза художников СССР, который находится поблизости,— тут равноправно было бы представлено искусство всех республик страны — или устроить музей русской культуры начала века.

И столь ли необходимо тратить Туркмении миллионы на этот центр, когда в самой республике неблагополучно с музыкальными и художественными училищами, выставочными залами?

Снова и снова сталкиваемся мы с решениями, принятыми келейно, без обсуждения с общественностью, с москвичами. Начальник Управления нежилыми помещениями тов. Митичкин готовит решение, оно подписывается и обретает силу закона. На языке гласности такие решения — незаконные декреты, и мы требуем их отменить.

Андрей ВАСНЕЦОВ,
народный депутат СССР,
председатель
правления Союза художников СССР;
Михаил ЕМЦЕВ,
член Международной ассоциации
писателей-фантастов;
Савелий ЯМЩИКОВ,
член президиума правления
Советского фонда культуры;
Юрий ДАВЫДОВ,
писатель,
лауреат Государственной
премии СССР

■

В сельском хозяйстве всегда найдется работа для подростков, а вот городские школьники не всегда могут найти применение себе и получить возможность заработать на свои нужды, в помощь семье.

Приближается зима, а с нею — гололед, нечищеные тротуары, заметенные снегом улицы. И как результат — падения, ушибы, переломы. Предлагаю в городах (можно при школах) создать кооперативные артели по уборке улиц, дворов и подъездов. Если не хватит средств у ДЭЗов для оплаты их труда, жильцы могут помочь. Это приучит ребят к труду, даст возможность не сидеть на шее родителей. И если оплата будет зависеть от качества уборки, то, может быть, появится надежда, что мы наконец-то будем жить в чистоте и комфорте. Подростки не позволят глумиться над своим трудом и потребуют от жильцов (и от себя!) соблюдения элементарных правил общежития. Не надо будет и предоставлять квартиры дворникам, как делается это до сих пор.

Я учительница на пенсии, много лет убирала вместе со своими воспитанниками школьные классы, двор и улицы бесплатно, но это был принудительный труд — мы были должны трудиться для отчетности, для галочки. В школьных артелях, которые я предлагаю организовать, ребята будут заинтересованы в результатах своего труда.

Р. Т. СИВОЛАП
Ровно

■

В последнее время благодаря гласности нашей печати мы становимся свидетелями печальных событий: аварий, катастроф и т. п., влекущих за собой трагические последствия.

Истоком этих печальных случаев оказываются ошибочные проекты, утвержденные нашими министерствами, халатность на местах и, конечно, наша общая бесхозяйственность и равнодушие.

И вот еще один такой проект — строительство в районе города Загорска комплекса для переработки и захоронения ядовитых отходов промышленности.

Само сочетание — заповедная зона Загорска, густо населенная людьми, и химический полигон — здравомыслящего человека приводит в содрогание и ужас. И если олицетворением безумных, сатанинских разрушений 20—30-х годов стал для нас, русских, советских людей, взорванный храм Христа Спасителя, то 90-е годы, в случае осуществления этого проекта, могут ознаменоваться захоронением самой Троице-Сергиевой лавры, где покоятся мощи святого Сергия Радонежского, благословившего на битву Куликовскую князя Димитрия.

Уже не говоря о том, что все отходы могут вернуться обратно в более концентрированном виде в атмосферу и в саму столицу: газообразные продукты неполного сгорания при определенном направлении ветра, утечки и потери при транспортировке и т. п. Будет отравлена и питьевая вода. В этом районе расположены водохранилища питьевой воды на ст. Челюскинская и огромное водохранилище в самом селе Шеметово. Предполагаемый полигон и захоронения отравят и верховья реки Дубны, которая, как известно, впадает в Волгу и может стать второй Припятью.

Кроме того, думается, что очищение Москвы за счет Загорска выглядит не очень благородно тем более, что сам Загорск нуждается в экологическом очищении, о чем неоднократно говорилось в передачах Центрального телевидения, в центральной и местной печати, на демонстрациях и в письмах жителей Загорска в различные инстанции, а по поводу отмены проекта захоронений химических веществ было принято решение Загорского Совета народных депутатов.

Трудно поверить, что в наши дни специалисты, Совет Министров СССР, Моссовет и другие поддерживающие проект организации не внемлют зову разума — в противном случае захоронения в колыбели русской культуры могут стать началом захоронения самой русской культуры.

Просим деятелей культуры, науки и религии присоединиться к нашему голосу.

В. ЗОЛОТУХИН, Т. ДОРОНИНА,
Г. БУРКОВ, Н. ГУБЕНКО,
Л. КУРАВЛЕВ, А. АБДУЛОВ,
И. АЛФЕРОВА, А. ДЖИГАРХАНЯН
и другие — всего 17 подписей

■

По ЦТ мы видели, как рухнула колоннада здания Киевского почтамта.

Просматривая фотоальбом «Город праздничный», я обратил внимание на то, что многие годы к каждому празднику на фасад здания поднимались и крепились огромные транспаранты (18×24 м), что не могло не сказаться на состоянии колонн и фасада. В этом можно убедиться, посмотрев альбом, копии некоторых страниц которого я высылаю в редакцию. По всей видимости, тяжесть обязательств и призывов застойного и других периодов оказалась непомерной не только для людей, но и для камня.

В. П. МЕРКУЛОВ
Макеевка Донецкой области

Наш адрес:
101456, ГСП,
Москва,
Бумажный проезд, 14.

Последние два-три года мы все живем словно двойной жизнью. В газетах и журналах читаем о перестройке, слушаем призывы руководителей государства и думаем: началось наконец-то. И верим, что все теперь иначе, и настраиваем себя на то, что и все вокруг уже не те, и мы другие. Особенно это ощущение было сильно в дни работы Съезда народных депутатов, а затем сессии Верховного Совета. Кажется, выйдешь завтра из дома, и все вокруг кипит, и хочется самому немедленно участвовать в этом процессе обновления, менять и улучшать систему своими руками.

А утром приходим на работу или в какое-то учреждение, а там все по-прежнему, все на своих местах, даже те, кто, давно известно, и делать ничего не может, а главное — не хочет. А попробуй покритиковать начальство или порядки в родной организации, вдохновившись выступлениями наших публицистов, даже просто предложи что-то изменить. Что тут начинается! Быстренько поставят тебя на место, у самого найдут сотню грехов, организуют выговор и намекнут, что лучше бы самому уйти по собственному желанию. Как будто газеты и все хорошее, что нам обещают и к чему призывают,— это во сне, а наяву — как было, так и осталось. То же равнодушие к делу и к нам, людям, посетителям и просителям. Разве только в учреждениях, может быть, не так агрессивно от тебя отделываются. Но та же пустота и отчужденность во взгляде, когда обращаешься со своим вопросом. Куда ни придешь, везде словно сонное царство. Или суета и бестолковщина, никто ничего решать не хочет.

Говорят, у нас такое положение, потому что платят мало. Наивно думать, что, если чиновнику будут платить в пять раз больше, он будет в пять раз больше делать. Бездеятельность и безответственность развратила наших бюрократов, они разучились (а может, и не умели никогда?) работать и думать.

Наверное, нужны другие, те, кто хотел бы служить Отечеству. Таких людей мы иногда видим и слышим. Но сумеют ли они прорваться и позволят ли им?

Неужели мы так и будем жить дальше? Но возможна ли тогда перестройка?

З. БОГДАНОВА
Орел

В дни, когда все только и говорят о борьбе с бюрократией, я бы предложил организовать... новый комитет содействия перестройке, объединивший бы всех ее сторонников.

Эта организация должна в случае нарушения государственных интересов каким-либо ведомством вмешиваться непосредственно в его деятельность: отменить устаревшие инструкции, тормозящие развитие производства и внедрение новых изделий, разобраться в конфликте с государственных, а не с узковедомственных позиций, привлекая с этой целью широкую общественность, поддержать изобретателя и его новинку, которую авторитеты одобряют, а ведомство не хочет внедрять.

При этом новая организация имела бы минимум сотрудников и была бы фактически общественной. В нее мог бы обратиться любой гражданин со своими конкретными предложениями по перестройке работы учреждения, выпуску новой продукции или другим вопросам.

Организация, изучив в короткий срок предложение, проводит экспертизу у специалистов и при его ценности поручает определенным министерствам внедрение, причем контроль и надзор за внедрением поручает автору, наделяя его большими полномочиями и ответственностью за порученное дело.

Такой стимул заставит ведомство быстрее перестраиваться, внедрять новое. Суть в том, чтобы передовая мысль убеждала бы бюрократов, что идти с ней в ногу, принимать ответственные, смелые решения гораздо выгоднее и безопаснее, чем прятаться за различные ведомственные, подчас противогосударственные инструкции. И когда мы будем не только бороться с бюрократом, а и привлекать его на свою сторону, тогда процесс перестройки пойдет быстрее, ведь бюрократ такой же человек, но, имея преимущества до перестройки, боится лишиться теплого места, пайка и поэтому противится на словах и на деле где только может.

Сейчас бюрократия на всех уровнях власти перешла в наступление и стала реальной угрозой для перестройки. А не лучше ли с нами, чем против нас?

В. РУДКОВСКИЙ
Москва

Письма, подобные этим, ежедневно приходят в редакцию. Мы попросили известного публициста Андрея Нуйкина поразмышлять над тем, о чем пишут обеспокоенные ходом перестройки читатели.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

ко всем бюрократам, коррупционерам, взяточникам, военно-промышленным ястребам, дельцам теневой экономики, мафиози и прочим захребетникам Советского Союза

Андрей НУЙКИН

Давайте, как это и полагается деловым людям, поговорим начистоту, «без эмоций», как не устают нас призывать руководители партии и правительства. Положение наше — дрянь! И ваше — тоже. В каком-то отношении ваше даже хуже, ибо мы-то уже осознали, что дальше так жить невозможно, вы же все еще питаете на этот счет юношеские иллюзии. Боюсь, что подобное легкомыслие плохо для вас кончится. И для нас тоже? Разумеется. Но для вас-то это будет слабым утешением.

Чем я вас пугаю? Единственно, наверное, чем можно вас всерьез напугать,— это растущая активность народа, но...

Не успели мы порадоваться неожиданным зрелости и организованности шахтеров-забастовщиков, как в газеты и в Верховный Совет хлынул поток писем наших старых знакомых. Тех самых, похоже, что не так давно учили патриотизму Твардовского.

«Что произойдет с нашей Родиной, если весь народ будет добиваться решения своих проблем путем забастовок? — со скорбным пафосом вопрошают забастовщиков труженики колхоза «Россия».— По-вашему, селяне должны сгноить хлеб, умертвить скот и т. д.? Одним словом, создать искусственный голод 33-го и 47-го годов?..»

Далее колхозники красочно описывают, насколько их жизнь беднее и бесправнее жизни шахтеров, и, гордясь собою, сообщают, что, несмотря на это, они, как и «все добросовестные люди» не бастуют, а терпеливо «ждут от правительства, Верховного Совета СССР и народных депутатов решительных действий по наведению порядка в нашей стране». («Правда», 20.07.89.)

С какого именно года они заняты своим патриотическим ожиданием — с 1933-го или с 1947-го,— колхозники не оговаривают. Думается, с 1929-го. Наверное, вы (вслед за крестным отцом всех времен и народов) очень высоко цените два главных качества простых русских людей — их терпеливость и почтительность к уполномоченным. Цените, но не очень уважаете. Сталин, рассказывают, погуливая в поскрипывающих «штиблетах» над мертвым Лениным, говаривал своим сообщникам, тоже «верным ленинцам» (после окончания парада и перед началом демонстрации): «А сейчас бараны пойдут!..»

Увы, триста лет монголо-татарского ига плюс триста лет крепостной кабалы, достойно увенчанные тридцатью годами сталинского «социализма», изменяли формулу нашей крови, вырождали наши души. Даже представители бюрократического аппарата, выслушав забастовщиков, признали, что у них не было выбора, что их вынудили, спровоцировали на крайние меры. А братья по классу только что в открытую не называют их врагами народа, проводя прозрачную параллель с теми, кто когда-то, ненавидя социализм, нарочно гноил хлеб, умерщвлял скот с целью создать искусственный голод. И добро бы не знали труженики колхоза «Россия», в результате какой «забастовки» был организован голод 33-го года! Знают, но слишком глубоко в кровь и плоть нашу вошла жажда бескорыстно потрафить начальству, цыкнуть на того, кто раньше других пробует поднять голову и расправить плечи.

Нет, не стоит закрывать на правду глаза — на ваш век народной темноты и готовности услужить сильным мира сего еще вполне может хватить. А (действительно быстро растущую) активность народа можно ведь умело направить и против перестройки. Например, взять и науськать его на кооператоров, которые-де по ночам кровь христианских младенцев фужерами хлещут, или натравить на иноверцев и инородцев, дескать, тайные интриги эти негодяи плетут, должности самые хлебные и земли самые плодородные захватывают и вообще кушают слишком много, оттого и продуктов в стране не хватает.

Шахтеры-забастовщики нагнали на вас страху своей организованностью, но... можно ведь и тут инициативу перехватить. Да и в Чили низвержение Альенде началось с забастовки. Рабочей. Так что...

Чем же вас тогда можно напугать? Новой выборной кампанией? Но чего вам бояться избирательных урн в стране, в которой не оказывается ни единого органа, ни единой общественной организации, которые хоть немножко бы взволновались, узнав про подтасовки, махинации и фальсификации при выборах высших органов власти (как это было при выборах народных депутатов)! Ну, а если уж «игра в демократию» обретет действительно опасный для вас характер, то вы ведь вполне можете однажды перестать «поступаться принципами» и не побояться крутых мер, чтобы пресечь сползание социализма в болото буржуазной псевдодемократии.

Правда, Борис Ельцин недавно использовал свой авторитет, чтобы успокоить на этот счет пугливые «московские круги»: «Могу заверить вас, что государственный переворот невозможен. Ни со стороны военных, ни со стороны отдельных членов Политбюро» («АиФ», 1989, № 27).

Приятно такое услышать, но... Политика — дело деликатное. Как говорится, хочешь слышать приятные ответы, не задавай неприятных вопросов! Что и кто, собственно говоря, способен помешать произвести переворот, если уж вам очень того захочется?

ВЦСПС поднимет всех трудящихся на баррикады? Три «ха-ха», как острили во времена моей юности. Профсоюзы у нас не для того государством созданы. Они у нас не университеты борьбы, а школы коммунизма. При коммунизме же, как точно установлено, конфликтов быть не может, стало быть, и учиться в «школе коммунизма» надо только мирным профессиям: снабженца, например, или там банщика, официанта...

Но, может быть, неформалы в случае переворота сумеют взбаламутить страну своими митингами? Охо-хо, где они будут, эти неформалы, если исходить из того факта, что переворот *уже* состоялся?

Или, может быть, оппозиционные партии потребуют всенародного референдума? Партии эти на данном этапе истории в колымской вечной мерзлоте позакопаны. Оттуда не «потребуешь»!

Высказывается иной раз такая вот, видимо, специально для успокоения либералов придуманная концепция, согласно которой вы на решительные действия совершенно не способны, слишком трусливы для этого, чересчур креслами своими, дачами и связями дорожите... Один переселившийся за рубеж наш соотечественник так вот вас понимает: «Мне довелось видеть в разных странах представителей разных господствующих классов; были они всякими и особым мужеством не отличались. Но нигде я не видел класса, в такой степени дрожащего за свою шкуру, благополучие и карьеру, как класс номенклатуры...»

Все правильно в общем-то соотечественник говорит, но чрезмерно полагаться на вашу пугливость — значило бы проявлять не столько смелость, сколько глупость. Маленькая, слабенькая птаха, защищая самое для нее дорогое — птенцов,— становится бесстрашной, как лев. Неужели вы хуже этой дуры? Ваши миллионы и кабинеты с длинноногими секретаршами — стимул повесомее, чем какой-то пискливый цыпленок! Рисковать вы не любите, спору нет, но если уж условия позволяют вам всемером одного досмер-

Рисунок
Алексея
МЕРИНОВА

ти запинать, то в отваге вам не откажешь. В коридорах же реальной власти вас по сравнению с этими выскочками — «прорабами» перестройки» пока не в семь, а в семьдесят раз больше. Как минимум.

Так что, признаюсь честно (а мы ведь в начале договорились вести разговор только так), я убежден, что при особом желании вы могли бы уже не раз покончить с перестройкой. И сейчас еще можете. Думаю, и у вас самих на этот счет нет особых сомнений. По крайней мере в режим «долгостроя» перестройку вы перевели с такой легкостью, с какой Брумель преодолевал высоту в полтора метра. А вот приканчивать ее не торопитесь. Почему бы это? Народ вы практичный, житейски смекалистый, но, честно говоря, в основной своей массе темноватый и к системному историческому мышлению не очень приспособленный. В связи с чем возникает подозрение: мудрую предусмотрительность вы в данном случае проявляете неосознанно, интуитивно.

Все дело в том, мне кажется, что, сорвав перестройку, вам пришлось бы брать полностью власть в свои руки.

Я не настолько наивен, чтобы начать стращать вас властью как таковой. Слава тебе, господи, не на Западе живем, где все рвутся к богатству. У нас богатство не самоцель. Что с ним делать-то у нас, если главные блага не продаются, а распределяются? Так что вы вполне разумно рветесь не столько к богатству, сколько к власти. А цель власти, как точно установил Джордж Оруэлл,— сама власть! Это не означает, разумеется, что рвущихся к власти ничего на свете больше не волнует. Будет власть — будет (по крайней мере в условиях реального социализма) и все остальное.

Власть ведь (по крайней мере у нас) — это бесконтрольное распоряжение гигантскими (еще недавно считалось — «неисчерпаемыми») ресурсами сказочно богатой (как еще недавно считалось) страны. Власть — это право вершить, разрешать и запрещать, тащить и не пущать, не давать, отбирать, огребать, награждать, сажать, пытать, репрессировать, амнистировать... Власть — это масса приятнейших привилегий и благ; это безнаказанность за любое надругательство над страной, за любое уголовное преступление... Власть — это ощущение своего превосходства, своей исключительности и значительности; это сладостное чувство допущенности, включенности в круг избранных... Нет, пасую и замолкаю. Чтобы воспеть власть, нужен талант Гомера и слог Державина! Я и не собирался с ними конкурировать, просто надеялся показать, что понимаю, сколь она интимно желанна вам всем. Вот и поразмыслите: если она вам столь дорога, то почему же вы ее все-таки сейчас не берете? (Хотя и из рук не выпускаете.)

Вот-вот. Именно поэтому — момент очень уж смутный, непредсказуемый, выждать надо. Это вы так думаете, что непредсказуемый. Обманывая себя. Разве вы когда-нибудь колебались, устремляться к власти или нет, если появлялся хоть один шанс из ста? Не было такого. В том-то и дело, что чутье ваше классовое здесь иное говорит, более правильное и разумное: очень даже предсказуемый момент мы переживаем. В том смысле, что взять-то власть вы вполне еще можете, но вот удержать — никак. Тут и на тысячу одного шанса не просматривается. Не верите? Что ж, попробую обосновать это утверждение предельно популярно.

Западные наблюдатели, прочитал я как-то в одной из книг, понимая, как много забот и проблем у руководящих работников такой гигантской державы, как наша, сильно недоумевают: когда же они ухитряются не только спать, но и бывать к тому же на банкетах и приемах; ездить за границу и по стране, жить неделями на дачах, заниматься своими женами и не-женами, охотиться и наслаждаться сладкой жизнью. Смешные люди эти «западные наблюдатели»! Какой бы смысл было вообще рваться к власти, если бы она для всего этого не оставляла времени? В этом-то и состоит ведь весь смак власти. Не для работы же и не для забот к ней люди стремятся! Работать или лысеть от забот можно и без власти хоть круглосуточно. На кой, простите, ляд вам власть как морока, как забота, как каторга и бессонница от навалившейся ответственности? Ни на кой. Но ведь в том-то и состоит главная закавыка текущего момента, что в сложившейся ситуации каждый, кто возьмет рычаги управления в свои руки, будет вынужден непременно и безотлагательно искать выход из целого лабиринта тупиков, в который забралась наша страна, пока ее вожатые, радуясь жизни, добивали под коньячок редкое зверье в заповедниках.

Прежде всего, разумеется, необходимо найти выход из экономического тупика. Газеты вы читаете, телевизор смотрите, так что не буду повторять общеизвестное, да и скучно вам, наверное, слушать «очернительскую» правду о плодах вашего хозяйничанья. Однако уровень современной советской, очень «экономной» экономики хотя бы одним штрихом обрисовать не удержусь.

Экономист Т. Дзокаева не так давно очистила отчетные данные хозяйств в Северной Осетии от всякого рода узаконенной Госкомстатом отчетной «липы» и с удивлением обнаружила, что даже в передовом колхозе имени Ленина Кировского района, у которого рентабельность, измеренная по обычной, госкомстатовской методике, значилась «132 рубля прибыли на гектар», реально составила всего три рубля! Три рубля — цена одного цыпленка! «У вас имеется,— резюмирует экономист,— гектар плодоносной земли. Вы затрачиваете на него еще 1500 рублей, а через год получаете в результате такого хозяйствования одного цыпленка» («ЛГ», 11.05.88).

Наверное, не открою вам секрета, сообщив, что в результате подобного хозяйствования в нашем якобы социалистическом обществе рабочий эксплуатируется интенсивнее американского (это достаточно наглядно измеряется той долей произведенной работающим стоимости, которая идет ему в зарплату). А зарабатывает он за час (тут надо учитывать разницу в производительности труда) в десять раз меньше американского рабочего.

Многие десятилетия наши трудящиеся об этих цифрах не знали. Узнав, некоторое время по инерции предпочитали думать, что варварские поборы с них идут на общий алтарь скорейшего возведения светлого здания коммунизма. Сегодня начинают осознавать: вашу жизнь своим почти бесплатным трудом они делают лучезарной, а не свою и не своих внуков. В этом именно и заключается специфика сегодняшней ситуации. Не разрешит власть (любая) быстро и радикально экономические проблемы страны — и пролетарии, которым не только «нечего терять», но уже и нечего есть, хлынут на улицы.

Вы не верите, вы надеетесь, что не впервой, что как-нибудь рассосется, что как-нибудь протянем!.. «Как-нибудь» нам удавалось тянуть только за счет мародерства над природой! Но это раздолье для временщиков, считайте, кончилось. То есть можно еще найти кусочки для разграбления, но одновременно количество зон экологического бедствия увеличивается столь стремительно, что неизвестно, что возмутит разгневанные массы в большей степени и доведет до крайности — полное исчезновение мяса и макарон в магазинах или отравленность воздуха и воды.

А ведь из экологических проблем, разрастающихся, как снежный ком, не выпутаться, не разрешив проблем экономических. Тут ведь пропасть средств и ресурсов потребуется. И новый уровень научно-технической культуры. Какую, простите, альтернативу горбачевской программе по всей совокупности этих проблем способны предложить вы, ликвидировав перестройку? Без весомых экономических стимулов, без хозяйственной инициативы и самостоятельности, без широкого развития рыночных отношений на базе конкуренции, без замены продразверстки продналогом, без демократизации всех общественных структур и отношений достаточного рывка в области экономики не совершить, новой ступени научно-технической революции не одолеть. Или у вас все же есть за душой какая-то альтернативная программа? Поделитесь, не таите, если так. Но что-то не похоже.

И в том, чтобы выпутаться из межнациональных конфликтов, у вас нет и не может быть никакой реальной программы. Размахивание дубинками и лопатками, имперская твердолобость, великодержавный «интернационализм»?.. Можно, конечно, пропасть предпочесть тупику, но стоит ли?

И в области международных отношений у вас альтернативной (по отношению к предложенной Горбачевым) программы нет. Круг вновь и вновь замыкается.

И все более очевидным становится, что ни из одного нашего тупика любому получившему власть сегодня не выбраться, не обретя поддержки широких слоев населения, не добившись нового уровня их активности, сознательности, даже энтузиазма. Перестройка, пока в ней народ не разуверился, еще способна объединить людей и воодушевить их на новые усилия, новые жертвы. Ну, а если она окажется сорванной? Ответом, бесспорно, будет глухая апатия к любому «воодушевляющему» лозунгу, любой программе.

Вы более полувека нехудо стригли народную доверчивость, доили его энтузиазм, но загадили вы живой родник, замусорили, испохабили, кончился он, иссяк. Это я не в упрек вам говорю (странно было бы считать вас хранителями родников и святынь. Это все совершенно не по вашей части!). Я просто констатирую факт, чтобы объяснить вам: нынче «в стойло загнать» посложнее будет, чем в 30-е годы. Тогда сами в него шли — от энтузиазма. Нынче же можно рассчитывать только на силу, значит, она должна быть очень большой, стараниями только МВД и КГБ тут уже не управиться. Так что без армии сегодня народ в стойло не загонишь! Реально ли включение нашей армии в политическую борьбу?

Помнится, на «круглом столе» в журнале «Век XX и мир» я спросил у представителей военного ведомства: а с кем окажется армия, если кто-то попробует силой остановить перестройку? Долго после этого и в частных, и в официальных документах на мою бедную голову сыпались гневные командирские выволочки. Суть их одна: как посмел такое спрашивать?! Совсем непонятное раздражение. Я бы, например, на аналогичный вопрос с гордостью ответил, что в случае необходимости готов взять оружие в руки и защищать перестройку! Но для военных чинов невинный мой вопрос почему-то оказался неудобным, бестактным. Так и не получил я на него до сих пор прямого ответа.

На улицах при помощи дубинок, танков и газов, может быть, и удастся навести «порядок», ну а в научных исследованиях, например? Вообще в любом деле, где требуются добросовестность, вдохновение, где нужно выкладываться не за страх, а за совесть? В душах людей, наконец?.. Чем спасут военные нашу разваливающуюся экономику, умирающую природу? В международных отношениях, однако, у них может возникнуть и даже наверняка возникнет «альтернативная программа»: новый железный занавес, новые «происки империализма» и новый виток гонки вооружения. Выжить с такой про-

граммой очень трудно. Не нам даже, а человечеству.

И потом... Обретя власть и войдя во вкус «наведения порядка», захотят ли военные с вами со всеми этой властью делиться? Я понимаю, что кое-кто из вас — это и есть они, но что будет с остальными вами? На одном только запугивании, на кнуте без пряника вообще никто у власти удержаться долго не в силах, в условиях же, когда котел народного гнева на грани взрыва,— это просто невозможно. С первых же шагов диктатуры ее лидерам остро потребуется чем-то повернуть в свою сторону общественное мнение, чем-то оправдать свой приход к власти. Всерьез увеличить количество товаров и продуктов на прилавках, снизить налоги и поднять зарплату они, естественно, не смогут. В этой сфере после кратковременных и ничем не подкрепленных жестов и имитаций диктатура способна пойти только на интенсивное урезание. Что же «сильной руке» останется делать?

Подумайте не спеша... Сообразили? Правильно: самый дешевый и эффективный способ обрести некоторую популярность — «выдать головой» народу для утоления его гнева партийный аппарат, часть коррумпированных элементов государственных и всякого рода распределительных служб, а также наиболее «зарвавшихся» лидеров мафий. Армии такое по плечу. Потом, конечно, еще быстрее начнут плодиться новые полчища взяточников и расхитителей, но есть серьезные основания подозревать, что это будете уже не вы. Новое время — новые песни, новые песни — новые певцы. Так что «наведение порядка» очень даже может повернуться, вопреки вашим мечтам, для многих из вас стороной весьма обидной. Это ведь сейчас вы все (на почве ненависти к перестройке) друзья и союзники, а захватив власть, вмиг станете конкурентами и соперниками. Ну, а что делают с соперниками, не мне вам объяснять.

Не убедил? «В жертву толпе принесут лишь малую часть, лишь тех, кто не сумеет найти общий язык с новой властью, перестроиться, приспособиться»,— думаете вы, втайне уверенные, что это будет обязательно кто-то другой, а не вы. Се ля ви, пусть неудачник плачет!.. Что же, давайте просчитаем и эту оптимальную для вас ситуацию. Итак, работа из-под палки, диктатура, террор, порядок, апатия народа, цинизм... Спрашивается, а сколько такое состояние может продолжаться в условиях предельного кризиса экономики? Очень недолго! Обществу срочно придется искать выход из диктаторской системы. Те люди, которые уже успели распрямиться и обрели достоинство, начнут борьбу. Схемы тут известные: кружки, группы, подпольные организации, нелегальные партии, народные фронты, взрыв народного гнева (на некоторое время отсроченный террором и подачками), гражданская война (в этих условиях, при такой власти совершенно, думается, неизбежная), распад федерации, голод, кровь, разруха, то есть обычный путь, который пришлось пройти почти всем народам, самостоятельно (без помощи извне) низвергающим диктаторские режимы.

Боюсь, что и вам за этот пустой кровавый виток развития придется заплатить полную цену, которую уже не раз платили в ходе истории гораздо более, чем вы, укорененные в жизнь, более продуктивные для экономики и духовного прогресса эксплуататорские классы. К сожалению, жадность застит глаза и затемняет разум. Любители жить за чужой счет всегда ведут себя, как бурбоны,— не хотят ничего забывать, не хотят ничему учиться (на горьком опыте предшественников своих).

Множество раз (притом заблаговременно!) предупреждали умеющие заглядывать в будущее люди тогдашних российских захребетников о приближающемся кошмаре, давали советы, чем надо поступиться, чтобы избежать его. Священник Григорий Петров говорил: «Николай Романов ни полушки права народу не даст. И тогда уже кровь. Море крови. Ожесточение...» Лев Толстой предупреждал об этом же, Леонид Андреев, Короленко, Лесков...

Почему я столь скептически отношусь к вашей возможности остаться у сытных кормушек в ходе грядущих социальных катаклизмов, ведь и послушненькие карьеристы, и ловкие дельцы до сих пор славились своей непотопляемостью, умением быстро приспособиться к любым условиям?

Ну, во-первых, пора осознать, что речь идет о настоящей революции, а не о серии декоративных реформ (как вам мечтается). Революции сметают с поверхности земли целые классы. Предшественники-то ваши по захребетничеству не хуже вас умели оседлывать случай, а где они сейчас?

А во-вторых, вы слишком долго и слишком всесторонне контролировали ситуацию в стране, в итоге чего опрометчиво поверили в полную свою безнаказанность. Два факта для наглядности. Первый: работница, украв кофе на 200 советских рублей, получает за это 6 лет лишения свободы. Второй: на предприятии испорчено и расхищено оборудования на 28 миллионов инвалютных рублей — виновные «наказаны»... выговорами! Можно третий добавить: из 130 миллиардов рублей, выделенных за 20 лет Минводхозу на его планетарно-разрушительную деятельность, половина, как сообщалось в печати, оказалась попросту разворованной. Нашли тех, в чьих сейфах и карманах осели эти миллиарды? По-моему, даже не ищут. Министр же, ответственный за подобное разграбление, с почестями отправлен на пенсию. Ловко? Еще бы. А какой урок!.. Плохой. Для вас прежде всего, уверившихся, в силу малой своей исторической образованности, что раз так, то можно никого не бояться, ничего не стесняться — в итоге вы утратили всякую осторожность. А ведь вы почти все столько «наследили», настолько «засветились», что вам, в случае качественной перемены общественной ситуации, не спрятать концов, не убрать свидетелей, не подкупить обвинителей — их слишком много для того.

Весьма плохую службу сослужил вам и тот факт, что преступления сталинско-бериевской компании и их многочисленных подручных остались практически безнаказанными. Наш отходчивый народ уж и требовать перестал суда над судьями-палачами, следователями-убийцами, доносчиками-клеветниками, правоведами-людоедами. Все реже и реже услышишь усталый вздох по поводу доживающих в достатке и почете персональных пенсионеров, по которым, если исходить из опыта Нюрнбергского суда, все эти годы виселица плачет.

«Уж если такое сходит с рук,— делаете вы из этого факта логичный, но опрометчивый вывод,— то наши-то куда менее кровавые грехи тем паче спишутся как естественные потери при возведении здания социализма». Зря вы благодушествуете, мне кажется. Обратите внимание, что если о сталинских преступлениях говорят с гневом, смягченным скорбью, то о тех, менее впечатляющих, хотя не менее масштабных, что совершались в брежневские времена,— с несравненно большим раздражением. Слишком мал срок давности, слишком бесспорен для всех антинародный, жульнический характер того, что творили медуновы, романовы, кунаевы и иже с ними. И заметьте, что накал ненависти к вам не спадает, а возрастает. Прямо пропорционально росту дефицита и инфляции.

Вот уже и Верховный Совет под воздействием этих настроений постановление об усилении борьбы с преступностью принял. Не смертельно оно для вас? Заглохнет и этот «почин», как все прочие? Может быть, может быть... Но народный гнев не заглохнет. Не учтете вы всерьез этого фактора, и народ однажды вместо временных комиссий создаст постоянную, да такую, что и законы, столь снисходительные пока к большинству взяточников, самодуров, финансовых, экономических и экологических преступников, станут к вам безжалостными, следствие — зрячим, а судьи — к телефонным звонкам глухими. И срок давности вдруг может перестать быть защитой.

Глядишь, тогда и за ввод войск в Афганистан кому-то наконец ответить придется; и за чернобыльскую трагедию не только несколько «стрелочников» предстанут перед судом; и за хладнокровно утопленных возле норвежского берега моряков; и за карательно-устрашительную акцию в Тбилиси; за предумышленное убийство (при отягчающих обстоятельствах) Аральского моря; и за превращение черноземов в асфальт, а лучших в мире пойменных лугов — в дно безжизненных гниющих водоемов; и за трагедии малых народов; и за «психушки»; и за фальсификацию выборов в высший орган государственной власти; и за пытки во время следствия; и за сознательный развал экономики; и за безграничное воровство, взяточничество, коррупцию, укрывательство преступников... Впрочем, вам ли не знать, за что с вас давно уже полагалось бы спросить по всей строгости закона?

И именно в эту, очень неприятную для вас сторону ведут с неизбежностью попытки силой прервать ход начатых сверху реформ и преобразований. Так что поразмышляйте, стоит ли искушать судьбу и своими руками подталкивать историю в сторону «революции снизу»? Это я не из любви к вам, сами понимаете, советую, а из понимания, что надежды обрести «альтернативу» перестройке в диктатуре (любого типа) слишком дорого могут обойтись народу, всем нам при любом самом победном для демократии финале.

Очень взвешенно надо вам, господа захребетники, подойти к неустойчивой сегодняшней ситуации, не поддаться эмоциям, не пойти на поводу наименее политически зрелой части вашего класса — всяких там «воров в законе», «паханов» и т. д. Нетипичная ситуация требует нестандартных, неожиданных решений, нетрадиционных подходов. «Нового мышления», если хотите.

И начать лучше всего с трезвой оценки самих себя и своей жизни. Так ли уж хорошо вы живете, как вам кажется?

Конечно, наиболее преуспевшая ваша часть имеет почти все, что имеет на Западе миллионер и даже миллиардер. Однако радости-то жизни, ради которых вы и рветесь к власти, имеют не столь уже высокий потолок насыщения. Не требуются вовсе для его достижения миллиарды!

Только и эти, самые преуспевшие, все отчетливее начинают ощущать растущий дефицит почтительности к себе. Общественное мнение, увы, все отчетливее осознает: ворованное ваше благополучие, грязное, стыдное. С каждым годом все неуютнее будет вашим детям и внукам жить у себя в стране. Но наиболее преуспевшим хоть есть за что терпеть презрение, а остальным? Основная ваша масса живет, если исходить из международных стандартов, весьма убого. Даже материально, не говоря уж обо всем прочем.

Михаил Восленский, увы, имеет основания (что и делает в своей книге «Номенклатура») издевательски «сострадать» нашему очень гордому своим преуспеянием карьеристу-номенклатурщику: «Вам живется хорошо только в сравнении с вашими же подданными. Подумайте: ведь это патология — жить хуже, чем вы могли бы, ради того только, чтобы всем другим в стране было еще хуже!»

По-моему, совершенно на то не претендуя, этот самый Восленский раскрыл тайну фантастической прочности «развитого социализма» перед лицом загнивающего капитализма. Стадию первичного накопления капитала вы уже прошли. Немало вполне конвертируемой валюты припрятано у вас в тайниках. Экономисты оценивают величину ваших капиталов в сотни миллиардов рублей! Немало колоний приходилось ограбить до нитки вашим предшественникам, чтобы достигнуть подобного уровня первичного накопления. И ведь многие десятилетия в стране не было буквально никаких политических сил, которые могли бы всерьез помешать вам изменить несколько фраз в Конституции, провозгласить священным право на частное владение заводами и фабриками и начать обирать народ не воровски, а открыто, официально, как это делается во всем цивилизованном мире. Я до сих пор не пойму, почему вы этого не сделали во времена Брежнева и Черненко? Что именно помешало вам легализовать наворованное под их высоким покровительством и обрести право извлекать из него радости жизни не таясь? Не преданность же идеалам коммунизма в конце концов?! Право слово, похоже, что дело именно в том, о чем написал во имя сатирического заострения этот перебежчик из нашего лагеря в их лагерь. Вы готовы жить плохо, лишь бы другим было еще хуже!

В категорию «богатых» у нас попадает приблизительно такой же процент граждан, что и в США (2,3 процента семей — у нас и 3 процента — у них; естественно, «богатых» по их и по нашим меркам). Но вот в категорию «малообеспеченных» (по их понятиям) в США попадает всего 20 процентов, а у нас в категорию «бедных» — 86,5 процента! «Обеспеченных» (17 процентов) американские «богатые» в смысле получения нормальных человеческих радостей особенно удивить ничем не могут, но ведь и оставшиеся 60 процентов среднего класса не будут потрясены, узнав, что миллионер каждый день может кушать семгу и пить растворимый кофе. Не поразит их и сообщение, что у каждого члена семьи «обеспеченного» есть своя машина и своя ванная комната. Скажите на милость, какая радость быть богатым, если 80 с лишним процентов твоих сограждан не ощущает к тебе мучительной зависти? То ли дело у нас! В «Правде» как-то приводилась цифра: от 56 до 100 процентов всех деликатесов, поступающих в одну из областей Нечерноземья, скушивает всего 0,04 процента населения этой области (сотрудники аппаратов обкома, облисполкома и члены их семей). Можно вообразить, сколько дополнительного счастья испытываете вы от каждого кусочка семги, от каждого глотка чешского пива! Один мой знакомый, побывав в закрытом недавно спецраспределителе на Грановского, разочарованно признался, что в любом сельском магазине Португалии и выбор богаче, и качество продуктов выше. А еще говорят, что при их хваленой демократии со стимулами все в порядке! Да стоит ли виться ужом всю жизнь, льстить, врать, давать взятки, нарушать уголовный кодекс и т. д. и т. п., чтобы в итоге есть то же, что и все прочие, живущие без риска и без унижений? Ведь не в самой же по себе семге счастье! Счастье в том, чтобы, кушая ее, знать: никто другой ее кушать не может. А человек ведь создан для счастья, как птица для полета, не правда ли? Впрочем, насчет птиц — это явно устарелая концепция. Отлетались болезные.

Что же вы, безумные, делаете с обществом, к чреву которого так жадно присосались, с планетой, давшей вам жизнь?..

Вот лишь несколько штрихов для пояснения. Всемирной организацией здравоохранения допустимой в продуктах нормой нитратов считается 40 миллиграммов на 1 литр (или килограмм). Когда у нас в одной из студенческих столовых произвели замеры, оказалось, что в килограмме капусты их содержится 4560 миллиграммов, в килограмме редиски — 5700 миллиграммов, салата — 6350, зеленого горошка — 1073... В детском морковном пюре нитратов

было 1245 миллиграммов на 1 килограмм, в 1 литре морковного сока — 1100 миллиграммов («Огонек», 1989, № 16)... Наши опрыскиватели в сельском хозяйстве доставляют лишь малую часть ядохимикатов и гербицидов куда положено, остальное уходит на бессмысленное отравление окружающей среды: почвы, растений, рек, озер, грунтовых вод, насекомых, птиц... При этом наличие пестицидов проверяется только у 5—10 процентов сельхозпродукции.

Авторы одной из публикаций в журнале «Ньюсуик» с многообещающим названием «Агрохимия на обед» пробуют доказать, что опасности отравиться или заразиться во время принятия пищи сильно преувеличиваются паникерами. Не так страшен черт!.. Надо только соблюдать некоторые несложные правила. Такие, например: «Чтобы уменьшить опасность, исходящую от каких-либо остатков пестицидов, мойте все овощи и фрукты водой с мылом... Наконец, выращивайте собственные овощи и фрукты!..» «Отравления сальмонеллой легко избежать. Вымойте сырую куриную тушку (не с мылом ли? — **А. Н.**) и все, к чему она прикасается,— посуду, разделочную доску, крышку стола (с хлоркой.— **А. Н.**)... Ни в коем случае не ешьте яиц всмятку...», «Озерная рыба представляет большую опасность, чем океаническая... Некоторые виды рыбы... содержат полихлорированные дифенилы, а также пестициды ДДТ, хлордан, альдрин, дильдрин, токсафен и свыше 100 других соединений, содержащихся в промышленных стоках... Не имея возможности проверить качество купленной рыбы с помощью газового хроматографа, все, что вы можете сделать,— это ограничить потребление пресноводной рыбы, особенно жирных видов...», «Подвергайте крупу и муку тепловой обработке для снижения содержания очень токсичного соединения афлатоксина...».

Очень скоро оптимисты будут уверять нас, что воздух наших городов не так уж и плох. Стоит «всего-навсего» надеть противогаз, выходя на улицу, и большая часть смертельно ядовитых веществ осядет на его фильтры. И воду тоже можно пить без опаски — для этого нужно «всего-навсего» отколоть от ледников Антарктиды айсберг, рибуксировать его до ближайшего к вам причала и растапливать себе по кусочку перед завтраком, обедом и ужином... Люблю я оптимистов, без них нам кусок в горло сейчас не полез бы, ведь пессимисты уверяют, что с каждым из этих кусков мы вводим в организм еще одну порцию селитры, гормонов, пестицидов, нитратов, нитритов, антибиотиков, кормовых дрожжей, стимуляторов и ингибиторов развития и прочей химической отравы...

Вижу, вижу, как в этом месте глаза ваши засветились торжеством. Вы убеждены, что уж к кому-кому, а к вам пророчества пессимистов никакого отношения иметь не могут, ибо...

Ибо не только под Киевом есть в совхозах «закрытые» спеццеха, где круглогодично выращивают (в грунте, не на гидропонике!) без всякой химии экологически чистые огурчики, морковочки, баклажанчики, молодую картошечку, цветную капусточку и т. д. и т. п. В прочих цехах производство напичканного химией килограмма огурчиков обходится в 53 копейки, ваш «чистый» — в 14 рублей 12 копеек! Думаю, вы и по 53 копейки не платите за свои спецогурчики в своих спецмагазинах, спецбуфетах и спецстоловых. Поэтому обычным смертным огурцы (химически грязные) большую часть года приходится покупать по 3 рубля за кило. В этом вот и вся «тайна» ваших самодовольных улыбочек. Дешевая тайна про дешевые баклажанчики, но если вы доиграетесь до полноценной «революции снизу», тайна эта довольно дорого может вам обойтись. Опыт истории учит: именно такого рода дешевые радости чаще всего становятся детонаторами социальных взрывов. Но опять же, не будем исходить из того, что то ли будет, то ли нет. Вы вот о чем поразмыслите.

«Смог над городом»... Это про Омск. Люди задыхаются, болеют, умирают. Принимаются аварийные меры, закрываются наиболее вонючие предприятия, ограничивается передвижение транспорта... Так ведь почти все наши крупные города в похожей ситуации, и она стремительно ухудшается. Но огурчики и колбаску чистые вы себе пока в состоянии обеспечивать, а что вы будете делать с воздухом?

«По поступившим на 1 июля данным, из-за неудовлетворительного состояния пляжей, загрязнения моря канализационными стоками закрыты отдельные пляжи в Баку, Сумгаите, в Мариуполе, Феодосии (3 пляжа), Керчи (2 пляжа), Одессе (10-я, 13-я, 16-я станции Большого Фонтана и пляж Черноморка). В Латвийской ССР не рекомендовано купаться на пляжах курорта Юрмалы в течение всего сезона, в Эстонской ССР — на пляжах Пярну, Валгеранд, Уулу...» (АиФ, 1989, № 27).

«На время закрыты пляжи в зоне ялтинских санаториев «Украина», «Марат», «Днепр», в Мисхоре, Симеизе, Алупке (детский пляж и «Лазурный берег»), в Песчаном Бахчисарайского района...» («Известия», 1989, № 203).

Ну, санатории-то вы для себя научились отдельные возводить, но моря-то при помощи своего Минводхоза если и сооружаете, то гнилые, для оздоровления организма, ослабленного на руководящей работе, не подходящие. Вы же волей-неволей в тех же канализационных стоках купаетесь, что и обычные люди, неужели это так вкусно и ароматно?

А радиоактивные выбросы грядущих Чернобылей, к которым (под вашим руководством) мы идем с неотвратимостью? А разрушающийся при вашем активном попустительстве озоновый слой? Вы что же, надеетесь дождаться, когда Земля вновь станет пригодной для жизни, спрятавшись в свои бункера? Знаете, если уж умереть неизбежно, то лучше умереть быстро. Растягивать ужас и агонию на десятилетия... Я бы не хотел обрести такую «привилегию», хотя, честно говоря, она, наверное, единственная из всех, которую вы рискуете получить заслуженно.

А задумывались ли вы, в каких спецраспределителях вам в недалеком будущем удастся отыскивать химически чистых невест для своих сынков и генетически не выродившихся женихов для дочек? Не улыбайтесь — это достаточно серьезно. Оттолкнемся снова от конкретной цифры.

«Около восьми процентов московских детей — олигофрены. Это лишь официально зарегистрированные идиоты (тяжелая форма заболевания), имбецилы (средняя форма) и явно выраженные дебилы (легкая форма олигофрении). Стертые формы дебильности, проще говоря, туповатость и посредственность, в медицинской участковой практике не регистрируются. Следовательно, реальная численность олигофренов гораздо выше — 1/5 — 1/6 всех детей. И это только в Москве!.. Доля ослабленных детей в столице составляет до 70—90 процентов». Продолжая эту мрачную инвентаризацию вырождения, заведующий кафедрой статистики Плехановского института Б. Искаков утверждает, что из 287 миллионов жителей нашей страны относительно здоровая часть народа не превышает 137 миллионов. И процесс деградации под воздействием загрязнения среды обитания, увеличения числа пьяниц, алкоголиков, наркоманов и т. д. все ускоряется: «На начало 1989 года детей, подростков и молодежи до 24 лет насчитывалось около 117 миллионов, из них ослабленных — 55—80 процентов, то есть 60—80 миллионов. Каждый третий новорожденный — маргинал (то есть хроник или дефектив.— **А. Н.**)! 45 процентов учащихся к 17 годам становятся маргиналами. Глубина деградации может быть столь велика, что генофонд народа нельзя будет спасти... Речь идет о вырождении народа!» («Смена, 1989, № 12).

Вы грабите миллионы, копите бриллианты, приобретаете роскошные квартиры, виллы, машины, открываете счета в зарубежных банках, пренебрегая ценой, которую придется платить за это стране и человечеству. Во имя чего? Зачем? Все ведь не съедите, не истратите? Для них, для наследников, которые, получив все это, уронят слезу признательности на ваши могильные плиты?.. Думается, в этом вопросе тоже пора расставить некоторые точки над некоторыми «i». Бросьте утешаться трогательной ложью самим себе. Для чего вы берете каждодневный грех на душу? Чтобы детям и внукам своим организовать интересную жизнь, обеспечить им богатство, положение, комфорт, связи?.. Полноте! Мировые процессы, развивающиеся при вашем активном содействии, не оставят, если их не пресечь сегодня (завтра будет поздно), им никаких шансов даже на элементарное благополучие.

В начале века исчезал один вид животных за год. Сейчас один вид исчезает за день. Вид! Загляните в энциклопедию, чтобы вспомнить, что это такое. В Европе под угрозой скорого исчезновения две трети птиц, треть бабочек, более половины рептилий и земноводных. То же и с растениями. Похоже, что выжить в «ноосфере», так поэтично воспетой великим Вернадским, удастся только воронам, воробьям, тараканам и крысам.

Ваши дети и внуки будут плевать с ненавистью и презрением на ваши могилы. И чем больше вы им завещаете бриллиантов и вилл, тем злее будут они. Ни за какие ваши миллионы и миллиарды им не купить новую планету, на просторах которой можно было бы дышать без противогазов, есть без проверки каждого куска при помощи газового хроматографа, купаться без опасения получить химический ожог, любить без скафандра.

Но не поздно ли заводить эти апокалипсические разговоры? Есть ли хоть малый шанс, что вы, прозрев, смогли бы еще покончить с экологическим, экономическим и духовным беспределом, который вы провозгласили в планетарном масштабе? Может быть, единственно, что нам осталось,— попировать во время чумы? Не знаю. Абстрактная возможность спасти природу и цивилизацию пока вроде бы еще есть. Директор института «Наблюдение за миром» Листер Браун считает, что если бы человечество на протяжении большей части 90-х годов выделило для своего спасения 150 миллиардов долларов в год, то мир можно было бы вернуть «на путь правильного развития». Возврат этот можно осуществить, двигаясь по пяти приоритетным направлениям. Это: возобновление лесного покрова, планирование состава семьи, сохранение плодородного слоя, эффективность использования энергии (в том числе разработка возобновляемых источников энергии) и сокращение долга стран «третьего мира»... 150 миллиардов долларов — это всего-навсего одна шестая общего мирового военного бюджета. «Всего»!.. Что-то не видно, чтобы человечество готово было поступиться одной шестой своей воинственности, чтобы спасти самих себя и своих потомков. Абстрактные возможности реализуются, увы, очень редко. Ну, а вдруг?

Один из мрачнейших итогов сталинщины — вполне обоснованное убеждение наших граждан: трудом праведным не наживешь палат каменных! Только воруя, можно их нажить. Но ведь одна из целей перестройки — поставить в прямую зависимость достаток от пользы, которую мы приносим обществу. Большая польза — и достаток должен быть большим. Очень большая — и достаток соответствующий. Хватит потолков и уравниловки в честном труде, честном творчестве и честном предпринимательстве. В воровстве-то под грохот болтовни о социальной справедливости никто потолка не устанавливал. Только украденное и припрятанное становилось в нашей стране настоящей собственностью. Все остальное всегда можно было без труда «по закону» (который чиновники имели возможность формулировать как им захочется) или без закона (что абсолютно ничего не меняло) в любой момент обесценить, урезать, отобрать, уничтожить... Вы все именно этой реальностью и сформированы. Где уж вам обрести аристократизм, если философия обогащения у вас законсервирована на стадии российской глубинки, воспетой Гоголем, Щедриным и Островским, где капиталы ковались на обвесе, обмере, обмане, подкладывании в товар гнильцы, укороченном аршине и т. д. А ведь подлинные-то воротилы, коммерсанты, предприниматели еще в прошлом веке (и у нас в отечестве, а не только в туманах альбионов) уразумели, что самый надежный капитал у делового человека — его честное имя, добрая репутация, верность слова. Миллионы и даже миллиарды умные люди за них готовы заплатить. И внакладе они не остаются.

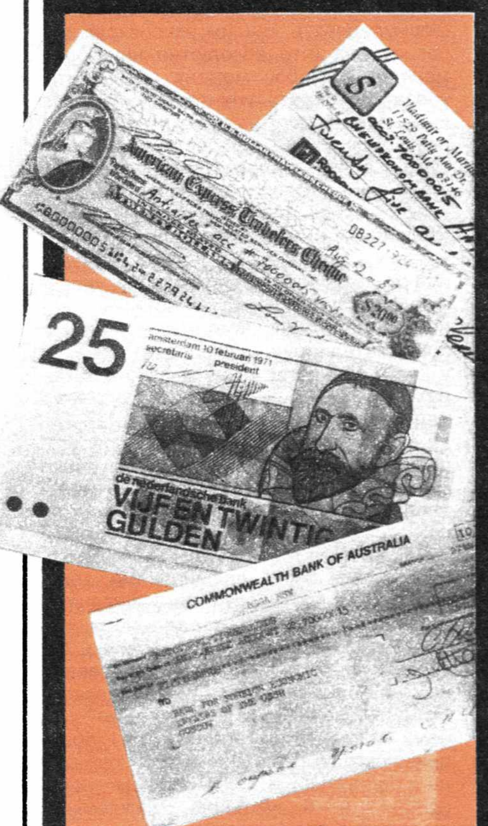
Так не пора ли и нам с вами поумнеть и перестать быть «аршинниками, архиплутами и протобестиями», щипачами и плебеями? Почему бы вам и нам сообща не перевернуть нашу дурацкую, разоряющую материально и растлевающую духовно систему экономического стимулирования с головы на ноги? Почему бы, допустим, организатору, предпринимателю, торговцу (и всем прочим) не становиться и по-настоящему обеспеченными, и искренне уважаемыми людьми одновременно?

Вы даже представить себе не можете, какие вы нищие и при любых своих миллиардах из-за того, что не можете соединить и то, и другое. Какое это изысканное и неприедающееся удовольствие — ощущать свое единство с народом, с порядочными людьми (да, да, с теми самыми, которые совершенно не «умеют жить», которых вы «презираете» именно потому, что ощущаете их неустранимое превосходство над собой) в разрешении трудных проблем века! Вы даже самим себе боитесь признаться в ущербности, убогости своей «роскошной» жизни. У вас нет соратников по убеждениям, а есть соучастники; вам не доводится испытывать радостей дружбы, вы боитесь друг друга, предаете друг друга, не уважаете друг друга; вам неведомы восторги и муки любви, расчетливые браки, интрижки, разврат — это совсем из другой области; вы и к детям своим равнодушны, «обеспечивая» их, вы только дешево откупаетесь от нравственного счета к вам... Как ни тужитесь вы казаться джентльменами и даже аристократами (одеваетесь в заграничное, нанимаете для детей гувернанток, истязаете себя на теннисных кортах...), но аристократы из вас копеечные получаются. «Для лакея нет героя»,— писал Лев Толстой, над которым лакеи весьма вознеслись за то, что этот граф сам за собой выносит ночной горшок. Вы тоже презираете тех, кто сам за собой выносит горшки.

Конечно, вокруг вас всегда грудится густая орава тех, кто жизнь готов положить, чтобы приобщиться к вашему плебейскому аристократизму, кто завидует мучительно вам с вашими всемогуществом и спецморковками. Они-то и создают у вас иллюзию вашего преуспеяния, высоты, успеха. Но сознайтесь, вы же их презираете (хотя сами зачастую не столь давно были в их рядах). Велика ли радость воспарить над такими «вершинами»?

Нет, положение ваше еще более дрянь, чем наше. Вам тоже дальше уже невозможно жить так, как вы жили. И не получится. В любом случае — и в случае вашего поражения, и в случае вашей победы. Жаль, что вы до сих пор этого еще не поняли и тратите отпущенный вам (и нам) мизерный остаток «живого времени», когда еще можно что-то сделать, что-то исправить, на борьбу за власть, на накопление денег и прочую ерунду.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ВАЛЮТНЫЙ СЧЕТ «АНТИСПИД» ПРИ ЖУРНАЛЕ «ОГОНЕК» — 70000015 ВО ВНЕШЭКОНОМБАНКЕ СССР. РУБЛЕВЫЙ СЧЕТ «АНТИСПИД» — № 700645 В ОПЕРАЦИОННОМ УПРАВЛЕНИИ ЖИЛСОЦБАНКА СССР.

Мнение ведущих ученых мира, причастных к проблеме СПИДа: Советский Союз ожидает эпидемия СПИДа еще более страшная, чем в других цивилизованных странах.

Причина — отсутствие в советских больницах, поликлиниках, роддомах одноразовых шприцев, систем для переливания крови, внутривенных катетеров, контейнеров для хранения крови и т. д.

Отечественная промышленность не имеет оборудования для выпуска этих медицинских изделий, и оно даже еще не разработано.

Валюта на закупку импортного оборудования выделяется в мизерных количествах.

Массовые заражения в больницах уже начались. Ни один советский человек, ни один ребенок не застрахован от заражения вирусом СПИД в медицинском учреждении.

Мы открыли благотворительный валютный счет «АнтиСПИД», чтобы немедленно начать закупать производственные линии и одноразовые медицинские изделия, в первую очередь для детских больниц и роддомов.

Обращаемся к советским гражданам, зарабатывающим валюту, к совместным фирмам, государственным предприятиям и кооперативам, занимающимся внешнеэкономической деятельностью,— перечисляйте валюту на счет «АнтиСПИД».

Мы призываем на помощь все развитые страны мира. Мы обращаемся к благотворительным (религиозным и светским) организациям, к иностранным фирмам и предприятиям, к богатым людям, к соотечественникам, ныне проживающим за рубежом,— просим вас перечислять валюту на счет «АнтиСПИД».

Вниманию иностранных фирм! Фонд «АнтиСПИД» при журнале «Огонек» создал инициативную группу, прорабатывающую коммерческие предложения от фирм по организации производства одноразовых медицинских изделий. Фирмы, заинтересованные в создании такого производства, просим направлять предложения и запросы на получение квалификационных документов по телефаксу (095) 943 00 70, тел. 250-51-45.

Просим подтвердить заинтересованность в получении квалификационных документов пожертвованием небольшой суммы на счет «АнтиСПИД» № 70000015 во Внешэкономбанке СССР. Список жертвователей будет опубликован.

«АНТИСПИД» ПРОДОЛЖАЕТ РАБОТАТЬ

Экипаж пассажирского теплохода «Шота Руставели» Черноморского пароходства:

— Примите нашу искреннюю признательность за ту благородную, гуманную миссию, которую взяла на себя редакция «Огонька» в борьбе со СПИДом. На общем собрании экипажа нашего теплохода единодушно принято решение перечислить на счет «АнтиСПИД» 1000 инвалютных рублей.

Капитан Юрий МИХНЕВИЧ.

Советские сотрудники фирмы «Нокиа и Коне»:

— Поддерживаем инициативу «Огонька». Перечисляем на счет «АнтиСПИД» 150 валютных рублей.

Президент Международной ассоциации интеллигенции в поддержку перестройки и гласности, директор Музея современного русского искусства в Париже Александр ГЛЕЗЕР:

— Международная ассоциация интеллигенции в поддержку перестройки и гласности решила провести ряд международных выставок с тем, чтобы полученные от продажи картин средства перечислить на счет «АнтиСПИД».

Первая из этих выставок открылась 14 сентября в парижском Музее современного русского искусства. Работы для ее проведения пожертвовали русские художники-эмигранты, западные живописцы, коллекционеры и парижский Музей современного русского искусства. Всего на ней представлено 46 работ 35 художников.

Инициативная группа движения «Церковь и перестройка», священники Русской Православной Церкви — Глеб Якунин, Александр Борисов, Николай Тайнов, Георгий Эдельштейн, дьякон Олег Стеняев:

— Самое страшное, что о грозящей нашему народу беде молчит наша Церковь. Неужели такое же страшное и преступное молчание во все годы войны в Афганистане ничему не научило нас? Вчера были тысячи жертв, завтра будут сотни тысяч. А мы молчим.

СПИД живет в крови. Но, по слову Священного Писания, «душа тела в крови» (Левит, 17, 11). Больна душа наших соотечественников, больна душа нашего народа. Разве не Церковь должна спасать? Сегодня наше государство не в состоянии ни накормить своих граждан, ни одеть, ни обуть, ни защитить их от СПИДа. Оно не может выделить валюту на меры, предотвращающие эпидемию СПИДа. Такова реальность.

Но почему Церковь не хочет защищать своих детей от чумы XX века? Почему эпидемия СПИДа не стала одной из тем на заседании ЦК Всемирного Совета Церквей, которое так торжественно проходило в июле этого года в Москве?

В создавшейся ситуации повинны все — министры, врачи, журналисты. А что же Церковь, не проронившая ни слова, безвинна? Почему наши делегаты в белых клобуках не закричали о СПИДе на Съезде народных депутатов? Уж СПИД-то не частная проблема, которую следует спокойно обсуждать в тиши священных канцелярий.

Считаем необходимым установить особый день всеобщей молитвы о духовном исцелении и об отвращении эпидемии.

Мы обращаемся с мольбою о помощи ко всем зарубежным религиозным организациям, какой бы политической ориентации они ни придерживались. Мы просим помочь не нашему государству, которое мы нисколько не оправдываем за создавшееся положение. Мы просим помочь нам спасти детей наших, и верных, и блудных.

Мы обращаемся с мольбой о помощи к Русской Православной Церкви за рубежом. Призовите наших соотечественников помочь своим собратьям на родине. Нам много раз задавали вопрос: «Чем мы можем вам помочь?» Сегодня мы отвечаем: «Помогите нам спасти наших детей от СПИДа».

Телефонограмма-уточнение из советско-финского акционерного общества «Саймаа Лайнс»:

— К нашему благотворительному дару в фонд «АнтиСПИД» присоединилась финская фирма «Орион-Юхтюмя», так что высылаем не 60 тысяч одноразовых шприцев, а 200 тысяч.

ОТ РЕДАКЦИИ. 100 тысяч направим в детскую больницу г. Энгельса и 100 тысяч в Волгоград — в областную детскую больницу и детское отделение 7-й городской клинической больницы, где было зафиксировано заражение СПИДом.

Олег Табаков, как передали нам из его театра-студии, находится сейчас в Финляндии, ставит спектакль в театре г. Лахти и на свой гонорар, а также добровольные пожертвования Союза актеров г. Лахти покупает в подарок фонду «АнтиСПИД» 3 тысячи одноразовых шприцев.

ОТ РЕДАКЦИИ. Фонд «АнтиСПИД» направит эту партию в роддом № 4 Черемушкинского района г. Москвы.

Руководитель оргкомитета первого Всесоюзного коммерческо-благотворительного конкурса «Мисс Фото СССР-89» Григорий Берхин:

— 10 октября откроется вторая выставка с участием финалисток — около 300 работ, выполненных 8 фотохудожниками-финалистами (у них свой конкурс). Выставка пройдет в Центральном Доме художников на Крымской набережной. Затем — награждение финалисток и аукцион.

В качестве подарков оргкомитет приобрел 10 собольих и других дорогих шуб в экспортном исполнении, а также «Жигули» 9-й модели. **Финалистки, королевы и принцессы конкурса решили: сейчас, когда на страну надвигается страшная эпидемия, не время брать столь дорогие подарки и отдают их на борьбу со СПИДом.**

Итак, на аукционе эти подарки будут предложены иностранным гостям за валюту. Мы надеемся за шубу с королевского плеча (именную) получить и королевскую цену. Будут и другие дорогостоящие подарки. Их мы тоже с согласия девушек продадим на аукционе.

Всю валюту, полученную на аукционе, перечислим на счет «АнтиСПИД».

Победительницы конкурса получают новую для нашей страны профессию — фотомодели, они будут работать с иностранными рекламными агентствами и журналами. Уже сегодня наши финалистки готовы 10 процентов зарабатываемой валюты перечислять в фонд «АнтиСПИД». В каждый их будущий контракт с инофирмами будут заложены эти 10 процентов.

Правление советских директоров Московского народного банка (Лондон):

— Мы понимаем, что срочность решения проблемы — главный фактор, цена промедления — жизнь многих ни в чем не повинных людей.

Поэтому советский коллектив Московского народного банка, поддержанный нашими английскими коллегами, принял решение не только выделить средства на приобретение одноразовых шприцев, но и организовать их закупку в Англии с немедленной поставкой в СССР. Целый ряд фирм, сотрудничающих с нами или желающих установить деловые контакты с организациями в СССР, откликнулись на наш призыв внести свой посильный вклад в это благородное дело.

На сегодня мы готовы закупить и отправить в СССР 236 тысяч одноразовых шприцев.

Председатель Правления Моснарбанка А. С. Маслов.

Продолжаем получать трогательные письма-весточки из разных стран с приложенными чеками на счет «АнтиСПИД». Мы благодарим вас, Хаим Магаль из Тель-Авива, Владимир и Марина Стеркины из города Ст. Луис (США), З. А. Липшиц из Ленинграда...

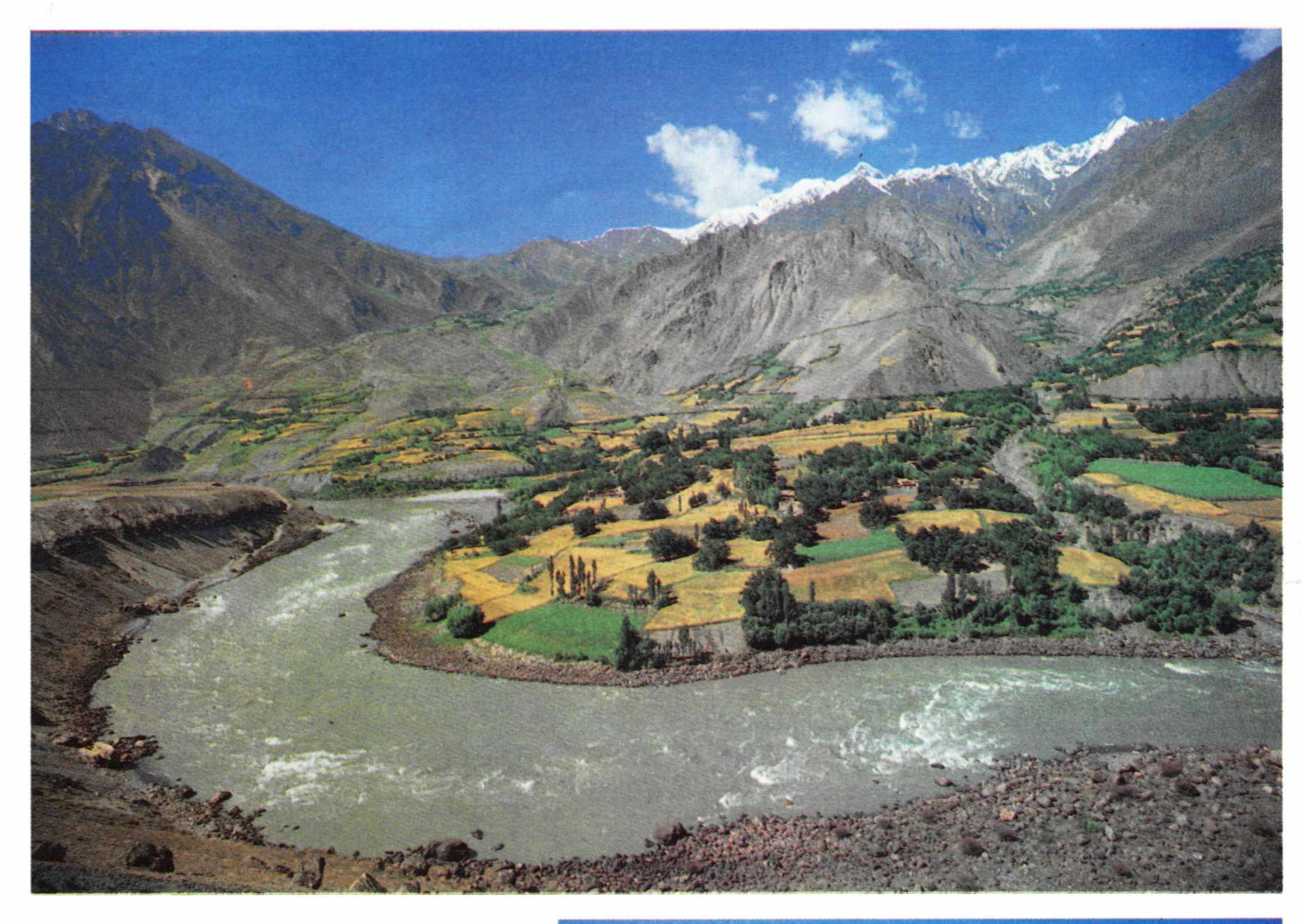
Мы благодарим всех, кто откликнулся на наш призыв, всех, кому небезразлична судьба советских людей!

Друзья! Мы обращаемся к вам за помощью: каждый перечисленный вами доллар спасет чью-то жизнь!

Координатор фонда «АнтиСПИД» Алла АЛОВА.

НА КРЫШЕ МИРА

Алексей ГАНЕЛИН,
Марк ШТЕЙНБОК (фото)

Чаще Хорог бывает закрыт по метеоусловиям, чем открыт. Может не принимать день, а может неделю или месяц. Рейсовые автобусы на Памир не ходят. Слишком опасны дороги. И поэтому, когда долго нет летной погоды, добираются туда на грузовиках, забрасывающих в Горно-Бадахшанскую автономную область все: от гвоздей до детских сосок.

Прямо по Пянджу, вдоль которого идет Памирский тракт, государственная граница. На другом берегу совсем близко, рукой подать, видны афганские кишлаки. До того, как Афганистан стал Афганом,— это была одна из самых спокойных границ. После с той стороны частенько постреливали. С нашей незамедлительно отвечали. Сейчас стало намного спокойнее, и, проезжая Калаи-Хумбский район, мы видели, как по подвесному мосту переправляли в Афганистан контейнеры с мукой и керосином. Это шла «безвозмездка», без которой людям на той стороне не перезимовать. Что ж, наконец возвращается исконный смысл выражения — интернациональный долг. Это когда помогают чужому берегу мукой, а не БТРами.

...Кто не знает, что на Памире находится самая высокая в стране вершина, а ледник Федченко — самый длинный в Союзе. Но сейчас известность приобрел ледник Медвежий, оказавший области медвежью услугу. Сполз гигантский язык льда, который перегородил горную речку, и образовалось искусственное озеро. Если вода из него прорвется, то под угрозой окажется Ванчская долина, а уровень воды в Пяндже поднимется на 5—6 метров.

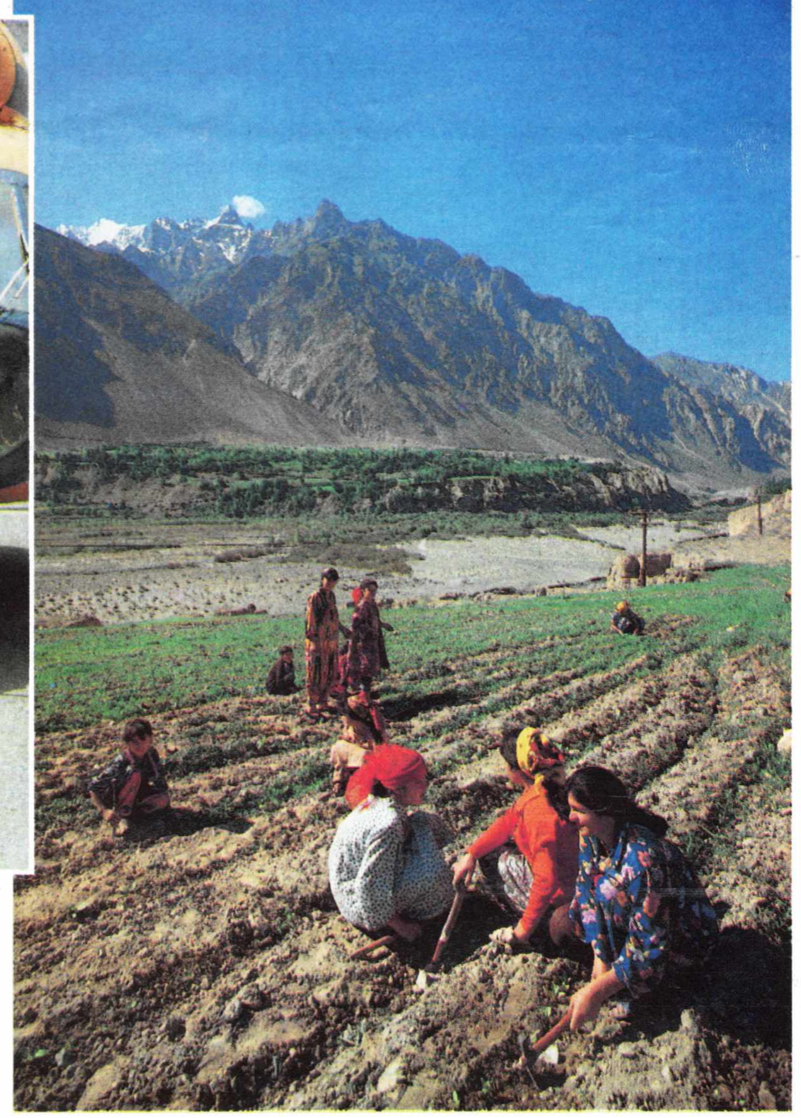
Медвежий напоминает о себе не в первый раз. В 1963 и в 1973 годах он уже угрожал людям. После этого даже сделали проект по отводу реки через туннель в скале. Но строить его не стали. Стали спорить об эффективности проекта. Сейчас ученые тоже спорят, выдвигая различные проекты ликвидации опасности. Создана чрезвычайная правительственная комиссия, на образовавшемся озере установлены посты круглосуточного наблюдения и оповещения населения на случай прорыва.

Только население уже настолько отвыкло верить, что все обойдется и успеют предупредить, что в нижнем по течению Пянджа Московском районе началась паника. Люди платили большие деньги, чтобы нанять машины и уехать из района со всем скарбом. Целый ледник недоверия к официальной власти вырос за годы застоя, и трудно его растопить.

Когда-то на Памире землю и урожай измеряли тюбетейками. Настолько ее было мало. Считали, сколько тюбетеек зерна надо, чтобы засеять участок. И сейчас тяжело живут здесь люди. Чтобы поднять экономику Горно-Бадахшанской автономной области, сюда завезли табак. Но ведь и для него надо землю, которой и так не хватает.

Выгодная табак культура, дорогая. Хорошо за него платят. Но только потом, когда Минздрав стал предупреждать: курение вредит вашему здоровью, задумались, а насколько тогда вредит здоровью выращивание и сбор табака? Чем его заменить? Лекарственными травами? Но за них платят меньше, чем за табак. И получается парадоксальная ситуация: то, что приносит вред здоровью, стоит дороже, чем то, что идет на пользу...

А уникальными лекарственными тра-

вами Памир очень богат. Табиб Насридиншо Джалолов с сыновьями Сироджидином и Саидбеком своими настоями трав вернули здоровье многим людям. Со всей страны приезжают сейчас к ним больные. Как ни странно, большую заинтересованность в их методах лечения травами проявляют не

в самой республике, а за ее пределами. Много народу стремится попасть и в Гарм-Чашму, известную лечебными теплыми источниками. Но бытовые условия здесь таковы, что выдержать их под силу только очень здоровым людям. Неподалеку от Гарм-Чашмы нам показали нарзановый родник. Ручеек целебной воды впустую уходил в реку. Таких лечебных источников и родников на Памире немало. Они могли бы стать одним из источников дохода области. А то ведь пока больше расходов.

Хотя Памир — настоящий клад, пока здесь работает только мраморный цех в Ванче и заводик в Поршнево по обработке памирских самоцветов. А ведь разработка многих сокровищниц может дать миллионы. Но для этого нужны дороги. А для строительства дорог — опять миллионы. И получается замкнутый круг, хотя, наверное, это и хорошо, что в эпоху экологического беззакония мы недра Памира не трогали. А то сколько примеров, когда трогали, а потом от уникальных мест оставались лишь географические названия.

В области, как рассказывали нам, самое большое в республике количество людей с высшим образованием и самый высокий уровень безработицы. Пока автономная область на дотации. Что будет с ней, когда с 1991 года Таджикистан перейдет на хозрасчет? Откуда он возьмет средства на развитие Памира? Даже сейчас республике не по карману решить вопрос трансляции в этот регион телепередач. Телевизоры области через спутник принимают только Москву. Все телепередачи на русском языке. Обучение в школе — на таджикском, но дома, в семьях дети говорят на памирских и ягнобском языках. Потом приходят в первый класс, и таджикский для них поначалу, как иностранный. Не так-то прост скачок через родной язык.

Трудности в том, что алфавита памирских языков нет. Это единственная область в стране, где нет ни книг, ни газет на родном языке. Нет даже на памирских языках радиопередач. Правда, ученые сейчас занимаются разработкой алфавита для памирцев. Есть уже даже готовые проекты.

Хочется надеяться, что после принятия Закона о государственном языке в республике памирские языки будут не только сохранять, но и вести на них обучение в школах, издавать книги и газеты.

...Раньше здесь говорили так: если коммунизм когда-нибудь будет построен в нашей стране, то он начнется с Памира. И вовсе не потому, что были созданы все социально-экономические предпосылки для построения коммунизма в этой одной отдельно взятой области, даже в одном отдельно взятом кишлаке. О какой экономике говорить, если область на дотации, а социальные условия таковы, что в некоторых кишлаках нет даже электричества. Имелись в виду «коммунистические отношения» между людьми. Например, здесь не принято торговать, а уж спекулировать — упаси боже. Когда в Хороге открыли базар, среди продавцов не было ни одного памирца: они привыкли делиться, отдавать. Тут люди небогаты, но гостеприимны — тебя никогда не оставят голодным на улице. А если предложишь денег, обидятся. Тут никогда не запирали двери домов, а о многих видах преступлений узнавали только из газет. И сейчас на Памире остались традиции гостеприимства, нежелания и неумения торговать. Но появились серьезные преступления, наркомания. Сказались последствия форсированного построения «развитого социализма» в отсталом отдельно взятом регионе.

...Всем в Хороге показывают местную достопримечательность. Прямо за зданием обкома партии на склоне горы выложен камнями лозунг — «Слава дважды орденоносному Памиру» — наглядная агитация на века.

А на центральной площади Хорога строится новое четырехэтажное здание обкома партии. Кто его знает, вдруг и сейчас найдутся энтузиасты, которые за строящимся зданием обкома на другой горе выложат новый лозунг, например, «Слава перестройке».

...Может, не нужно лозунгов о перестройке? Лучше отдать строящееся здание под больницу...

Валерий ЗАЛОТУХА

РАССКАЗ

МАРАТ И ЖАННА

Ему тридцать пять лет, это его первая публикация прозы. Валерий Залотуха известный сценарист. В недавнюю пору, помнится, два творческих объединения «Ленфильма» спорили за право поставить фильм по его сценарию. Спор выиграл «Мосфильм». Фильм назывался «Бомж».

В. Залотуха окончил в 1976 году журфак МГУ, шесть лет работал в прессе, писал рассказы, которые никто не хотел печатать. Андрей Тарковский заочно, лишь по присланным рассказам и сценарию, принял его на Высшие сценарные курсы...

Шесть фильмов. Два опубликованных сценария.

Сегодня со страниц «Огонька», пусть с опозданием, с обидной задержкой, сделает первый шаг к читателю прозаик Валерий Залотуха.

Михаил КУРАЕВ

Я расскажу вам удивительную историю, но все в ней от начала до конца правда. Рассказываю...

Не так давно по Центральному телевидению шла передача, которая называется «От всей души». В ней показывали супружеские пары, мужчин и женщин. Они прожили вместе двадцать пять, тридцать и более лет. А одна пара отпраздновала перед зрителями свою золотую свадьбу. Всем участникам передачи дарили хорошие, ценные подарки.

Эту телепередачу смотрели десятки миллионов мужчин и женщин. Но я не могу ничего сказать о миллионах, кроме того, что миллионы мужчин лежали на диванах в трусах и майках, подперев скулу рукой, а женщины, жены притулились рядом и, глядя на экран, вспоминали свое и как бы невзначай клали на мягкое плечо мужа сильную женскую ладонь. Я не могу ничего сказать о миллионах, кроме того, что многие мужчины сидели на стульях перед телевизором, внимательно смотрели передачу «От всей души» и абсолютно ничего не понимали, пока их жены чистили под умывальниками мужнины заблеванные пиджаки, а другие вовсе не чистили, бросили их в угол, сказав примерно такие слова: «Черт с тобой, сам будешь чистить». Я ничего не могу сказать о миллионах, кроме того, что миллион старых дев и вдов пролили по нескольку слезинок настоящих, чистых, святой воды слез, и, если бы вдруг собрали их воедино, можно было бы напоить заблудившуюся в тот день в песках Сахары экспедицию французов, и они остались бы живы! А миллион или немного меньше оставшихся жить старых холостяков и вдовцов, бывших друзей старых дев и вдов, глядя в телеэкраны, вылили в стакан, что осталось в бутылке, выпили и больше не смотрели на экран, потому что вспоминали каждый свое, а вернее, каждый свою и растерянно останавливали взгляд на приклеенном к стене портрете Любови Орловой, который они сорок лет назад вырезали из «Огонька».

Я ничего не знаю о миллионах, знаю только, что произошло в городе Минеральные Воды, когда на сцену вызвали очередную пару «молодоженов». Он был крупный, но тихий старик с редкими седыми волосами, а она — солидная дама с очень большой грудью и высокой прической. В тот момент, когда зал начал дружно и отрепетированно хлопать в ладоши, скандировать: «Горько-горько!» и старик со старухой, как положено, смущаясь, собрались целоваться, в городе Минеральные Воды в собственном доме по улице Ворошилова персональный пенсионер, почетный врач РСФСР, уважаемый на Северном Кавказе человек, сухопарая старуха с крючковатым носом и седыми вьющимися волосами схватила со стола хрустальный кувшин с морсом, который так любил ее муж, и запустила им в телеэкран. Телевизор глухо ухнул и замер навеки, разинув черный щербатый рот.

Муж этой злобной и нервной старухи, также уважаемый на Северном Кавказе человек, в прошлом чемпион СССР по вольной борьбе, а затем заслуженный тренер РСФСР, ничего не понял, хотя жены в комнате уже не было. Он, как был одет в синий спортивный костюм с большими буквами «СССР» на груди, выскочил из комнаты. Звякнула стеклянная дверь веранды, и он понял, что жена выбежала на улицу. Дом их был большой, каменный, доставшийся еще от родителей, с садом. Он стоял недалеко от станции Минеральные Воды-1, и муж, ничего не понимая, но предчувствуя самое ужасное, побежал туда, где гудели поезда, гремели вагоны, прицепляемые к составу, и усталым женским голосом что-то говорил алюминиевый репродуктор. Муж с буквами «СССР» на груди бежал к станции, задыхаясь, потому что старость есть старость да к тому же нервное напряжение. Он высоко поднимал ноги, перепрыгивая черех рельсы, и устремлялся за идущими мимо женщинами. Ночи, как известно, на Кавказе темные. Увидев его, женщины бежали, но муж той злобной и нервной старухи все равно догонял их и хватал за руки. Он был близорук, а очки, конечно же, не захватил. Женщины вырывались с криками о помощи, и, наконец, на помощь пришел милиционер. Муж представился и объяснил все, и тогда милиционер сам стал искать заслуженного врача РСФСР на вокзале и передал о происшествии по рации «всем постам, всем постам, всем постам». И во всем славном городе Минеральные Воды встревожились милиционеры, они мгновенно запомнили приметы и бдительно вглядывались в лица проходивших мимо женщин.

А она, та злобная, нервная старуха, которая разбила новый цветной телевизор «Рубин-708», сидела в это время в дальнем углу сада, под яблоней, и ревела, не плакала и не рыдала, а ревела, как ревут восемнадцатилетние девчонки, провожая своих остриженных наголо, немного испуганных будущих бравых солдат. А еще она приговаривала:

— Уехал мой любимый!

Она держалась обеими руками за голову, ревела и говорила:

— Уехал мой любимый!.. У-у-ехал м-о-ой люби-имый! — И так горько она это говорила, что в соседних дворах задрали морды кверху и горько завыли собаки, друзья человека.

Но вдруг старуха замолчала, что-то, видимо, решив. Она вскочила, схватила прислоненную к стволу яблони лопату, отсчитала от яблони на юго-восток ровно семь с половиной шагов и стала быстро, я бы сказал, с ожесточением копать. То, что она искала, было спрятано не очень глубоко. Это был большой, очень большой сверток, примерно в обхват человеческих рук, обмотанный несколько раз целлофаном и перевязанный бечевкой. Старуха попыталась развязать бечевочные узлы, но они не поддавались, и тогда она стала разрывать крепкий целлофан руками и зубами, пачкая рот землей и обламывая ногти.

Наконец в свертке образовалась большая дыра, и через нее на землю посыпались письма, много писем. Тысячи писем. Они образовали целую гору, в которой мог спрятаться человек и даже двое, если они крепко прижмутся друг к другу. Старуха достала из кармана халата спички (она курила), зажгла одну и поднесла ее к письмам. Они загорелись. Вы не видели, как горят письма, много писем, тысячи писем сразу, писем о любви?! Не видели?! И не дай бог вам это видеть! Но когда невиданный доселе человечеством костер рвался острыми горячими языками к верхушкам деревьев, она вдруг крикнула страшно и счастливо:

— Любимый! — и сунула руки в самый жар. Она хватала листки, но в руках они скручивались, чернели и рассыпались.

Это и увидел ее муж. Далеко от дома он заметил огонь и, ничего не понимая, но предчувствуя самое страшное, побежал, задыхаясь, назад.

Растрепанные волосы ее мелко закурчавились от огня, брови и ресницы обгорели, но она сидела на корточках и ворошила жар руками, будто помогала огню.

Так показалось мужу, и он, ничего не понимая, но предчувствуя самое страшное, подбежал к жене и стал оттаскивать ее от костра. Но она упиралась, и вырывалась, и взбрыкивала босыми ногами в воздухе. И муж, хоть он и заслуженно носит на груди большие буквы «СССР», не удержался, упал на спину и на мгновение выпустил жену. Этого было достаточно. Она вскочила и подбежала к костру. Но это был уже не костер, а мерцающая кучка остывающего пепла — письма о любви горят очень быстро. Она разгребла кучку и обнаружила на самой земле листок бумаги, развернула его, увидела буквы, улыбнулась и прижалась к ним обожженными губами. А потом быстро ушла, и за нею, прихрамывая, пошел ничего не понимающий муж. И как только дверь дома за ними закрылась, внезапно средь звездного неба взорвался с треском гром, и южная молния устремила вниз свои изломанные пальцы, поднялся ветер, и крупные капли дождя ударили по земле так, что она вздрогнула от неожиданности. Наутро ничто не говорило о происшедшем здесь, в саду, ночью — природа понимает, что людям и без того тяжело.

А в Москве, в Останкине, в тот вечер, когда герои первой программы вышли из здания телецентра и стали торопливо и немного путаясь рассаживаться по машинам, любезно предоставленным заслуженным людям нашим Центральным телевидением, обнаружилось вдруг, что нет одного из участников передачи. Того самого полноватого старика с редкими седыми или просто светлыми волосами, которому, по всей видимости, предназначался кувшин с морсом, запущенный в городе Минеральные Воды. Его солидная супруга бегала между машин и выкрикивала довольно редкое, литературное, а вернее, драматургическое имя:

— Марат! Марат! Маратик!

Шофер казенной «Волги», нервничая, смотрел на часы и нисколько не помогал искать пропавшего. Наконец солидная супруга села рядом с шофером — ей не хотелось так отпускать машину — и поехала, посматривая по сторонам. Несколько раз она приказывала шоферу остановиться около редких мужчин, которые шли по тротуару. Визжали тормоза, мужчины отбегали в сторону и готовы были бежать дальше, но, видя, что из машины выскакивает только одна солидная дама, останавливались. Однако напрасно она это делала, это был не муж.

А он в это время стоял на сырой траве Останкина на коленях и, подняв голову вверх, смотрел, не отрываясь, на звезды, дрожащие в редких разрывах облаков. В них, как в зеркалах, отражаясь, вздрагивали языки пламени горевшего в этот момент в городе Минеральные Воды костра — звезды на всех нас одни.

— Прости меня, любимая, прости,— шептали бескровные губы старика.

Его зовут Марат. А ее — Жанна.

Марат и Жанна... Все началось давно, очень давно... В 1946 году, когда он, отслужив, приехал в один из санаториев города Кисловодска, чтобы залечить открывшуюся на фронте язву. Она работала в этом санатории врачом... Ему было двадцать четыре, ей — двадцать пять... Познакомились они не сразу, а лишь за семь дней до отъезда. Лечащий врач Марата Ивановича — добрый старый еврей — ушел в отпуск, и его направили к другому врачу — Жанне Юрьевне.

Он разделся, как положено, по пояс и лег на кушетку, а она стала ощупывать его в области желудка, или, как говорят врачи, пальпировать.

— Больно? — спросила она.

Он молчал, потому что забыл, что умеет говорить.

— Вам больно? — повторила она и лишь на мгновение взглянула в его опрокинутые глаза.

— Нет, нет,— он вспомнил, как надо говорить,— ничего.

Она торопливо подошла к столу, села и что-то быстро стала писать в истории болезни, а он незаметно оделся и тихо вышел из кабинета, не простившись. А вечером, набравшись храбрости, он дождался ее, подошел и сказал, что обычно говорят в таких случаях, запинаясь и чуть развязно, насчет сегодняшнего нового кино в клубе или насчет прогуляться — вечер-то вон какой хороший. Шел 1946 год, но вечера были действительно чудные, а днем так светило солнце!

Что было дальше, рассказать трудно, а вернее, невозможно. И если я расскажу и вы прочитаете, то это будет только казаться, что я рассказал, а вам только покажется, что вы прочитали. Ну как мне

Рисунок
Левона
ХАЧАТРЯНА.

рассказать об их первом поцелуе... Не знаю... Ну как можно приблизиться к тому, что было, что жило тогда... Хотя бы на миллиметр... А что было... Аллея. а вернее, дорожка в парке, по которой и сейчас редко кто ходит, а в сорок шестом и подавно. Они прошли по ней километра два, а теперь возвращались. Он говорил что-то, изображал кавалера и, конечно, неожиданно замолчал. Все замолкают, когда хотят поцеловать почти совсем незнакомую девушку, потому что, если не поцелуют, умрут на месте. И она замолкает потому хотя бы, что боится внезапной смерти идущего рядом человека. Я, конечно, шучу, я все шучу... Так шли они, молча, он метра на два впереди, потому что твердо решил остановиться, повернуться и поцеловать ее, но остановиться он никак не мог. А когда все же остановился и обернулся, увидел ее вопросительные и немножко веселые глаза и изогнутые дужкой тонкие черные брови. Он тихо засмеялся, неловко обнял ее и прижался щекой к ее щеке.

Вы знаете, я уже говорил, какие они сейчас: он — полный и лысоватый старик, а она — сухощавая старуха с вьющимися, когда-то черными, а сейчас наполовину седыми волосами. А тогда, тогда он был парнем с широкой грудью, светлыми добрыми глазами и кучерявым золотым чубом. А она — тоненькая девочка, темнокожая южанка с волнистыми волосами и глазами горячими и кроткими. Он любил брать тяжелые ее волосы на затылке в ладони и слушать кожей, как они потаенно дышат и радостно шепчутся. А она любила идти рядом с ним, сцепив обе руки вокруг его сильной руки и прижимаясь к ней,— это если они шли по людной улице. А если по той своей тропинке, то она сцепляла ладони вокруг его шеи, клала голову на плечо, и носки ее почти не касались земли.

Семь дней, семь дней, семь дней...

Если бы ведущая телепередачи Валентина Михайловна Леонтьева задала Марату Ивановичу вопрос: «Сколько в вашей жизни было счастливых дней?» — он бы ответил: «Семь». И тогда бы не было ни разбитого телевизора, ни костра из писем, ни всего другого, о чем я рассказал. Но диктор Центрального телевидения народная артистка Советского Союза, лауреат Государственной премии СССР Валентина Михайловна Леонтьева не задала этот вопрос. Но вы не виноваты, Валентина Михайловна, вы ведь не знали...

Марат Иванович наконец поймал такси, добрался до Курского вокзала, нашел в автоматической камере хранения нужный бокс, набрал код Ж-946, достал из железного ящика с толстой дверью старый чемодан в полосатом матрасном чехле, вытащил из потайного кармана бумажника ключ и открыл его. В чемодане лежали письма... Много писем... Тысячи писем... Марат Иванович доставал их по одному, аккуратно вытаскивал из конвертов исписанные листки бумаги и читал. В одной руке он держал письмо, в другой — конверт. Они дрожали. Одни конверты были желтыми от старости, на них были нарисованы стремительные паровозы, а другие — белые, новые, изображающие взлеты космических кораблей и разные спутники. На первых были написаны прекрасные слова: «Лети с приветом, вернись с ответом» и «Жду ответа, как соловей лета». На последних только адрес: индекс, почтовое отделение, до востребования, фамилия, имя, отчество и больше ничего. Но не в конвертах дело. Одно письмо Марат Иванович читал долго. Он шевелил губами, по щекам текли слезы. Он положил это письмо в конверт, а конверт спрятал в потайном кармашке бумажника. После этого Марат Иванович спустился в метро и вышел на станции «Киевская». На вокзале в автоматической камере хранения он отыскал свободный бокс, поставил в него чемодан, набрал код Ж-946 и захлопнул тяжелую дверь.

Семь дней... семь дней... семь дней...

Как быстро они пролетели, как семь птиц друг за дружкой по светлому весеннему небу! Он не остался. Дома его ждал сын, а в большом животе жены ждал своего великого мгновения второй сын. А ее по вечерам дома ждал муж, достойный человек, будущий отец их двоих детей.

Но на вокзале он сказал:

— Жди!

А она сказала:

— Буду ждать.

А потом пошли письма, пошли, полетели, на паровозах, электровозах и самолетах, с красными буквами «Авиа».

Разные рождались письма, рождались и жили вместе со своими авторами, длинные и короткие, сильные и беспомощные, сладкие и горькие. И про детей своих рассказывали, жаловались, советовались. И про болезни свои он говорил, а она отвечала и, как врач, приказывала не есть того-то и того-то, а он не смог ослушаться. Тридцать два года прошло...

Тридцать два...

Вы скажете: кому нужна такая жизнь, если уж любили, то надо было бросить все к чертовой матери и кинуться друг к другу в объятия. Да-да, конечно, на

три брака два развода, я все знаю, одно теряем, другого не находим, я все знаю... Но ведь я рассказываю не о преимуществе нового брака, квартире, зарплате, влечении, любви в конце концов! Я рассказываю о... великой любви... О великой любви, понимаете? Не стану начинать эти слова с заглавных букв, не нужно это... Да и все равно глазами пробежите по словам, мы привыкли так читать. Но прочитайте еще раз.

Любовь! Великая любовь...

За эти годы Марат и Жанна сделали великие открытия. Теорию относительности знают многие, а понимал, говорят, один Эйнштейн. И нам, простым смертным, не дано понять открытий Марата и Жанны.

На вокзале в Кисловодске, когда уже уезжал, он сказал, как дурак:

— Я буду думать о тебе, мучиться, а ты не вспомнишь даже.

Она не сказала, что он дурак, и не успокоила его страшными женскими словами: «Успокойся, дурачок».

— Разве так может быть? — сказала она.— Ведь если один человек думает о другом, другой не может не чувствовать этого. Не-ет,— сказала она и улыбнулась.

Второе открытие он сделал в Москве и написал его в своем первом письме. Он писал: «Да, мы далеко друг от друга, мы страшно далеко друг от друга. Вокруг нас много всякого. Но не это главное, Жанна. Главное то, что мы есть и что мы знаем, что мы есть»,— писал он.

Вы понимаете?

В тот вечер Жанна Юрьевна объяснила мужу, что ничего не помнит, что нашло какое-то затмение и ей самой непонятно, зачем она разбила телевизор и сожгла старые газеты и журналы. Она обязательно пойдет завтра к знакомому врачу-психиатру.

В ту же самую минуту Марат Иванович объяснял жене, что ему после передачи сильно захотелось в туалет, он пошел его искать и заблудился...

И муж Жанны Юрьевны, и жена Марата Ивановича поволновались, поворчали и легли спать, а вместе с ними Марат и Жанна.

Ночью, в одну и ту же секунду, проснувшись, они встали с постели и пошли в туалеты. Одновременно они дернули ручки унитазов и под звук шумящей воды стали читать вслух. Самое главное, нельзя читать только про себя, да это и невозможно.

Она держала в руках желтый клочок бумаги с обгорелыми краями, на котором уцелело лишь несколько слов: «Жаннушка, солнышко мое южное, славная и добрая моя, я повторяю, что говорил тогда — жди. Жди, и мы обязательно будем вместе...» Я знаю, что было написано в этом письме, я ведь автор этого рассказа, а Жанна и подавно знала, но она читала и перечитывала эти строки вслух, целовала каждую букву, и не надо других слов!

Марат Иванович громко и старательно шептал, шмыгая носом и роняя слезы,— он к старости стал слезлив: «Ты сказал мне ждать, и я буду ждать. Я не могу тебя не ждать. Я жду тебя. Родной мой! Сильный мой!»

— Родной мой, сильный мой,— всхлипывая, повторял Марат Иванович.

И тут же в туалете, на бачке с водой они писали письма, но что в тех письмах, я не скажу, не нужно это, вы сами понимаете.

Что было дальше?.. Нет, что будет дальше, потому что все произошло не так давно, когда по Центральному телевидению показывали передачу «От всей души». Но это будет, я знаю точно, поэтому смогу рассказывать, как будто это все было...

Через несколько лет умерли муж Жанны Юрьевны и жена Марата Ивановича. За ними пришла добрая и мудрая стариковская смерть и проводила их в рай. Так и должно было быть.

Прошло еще немного времени, и Марат и Жанна встретились. Они сразу же узнали друг друга и не заметили седин и морщин, а может, заметили, но что это меняет?

— Я хочу обвенчаться,— сказала она.

— Ты хочешь обвенчаться?.. — сказал он.

— Да,— сказала она.

— Но ведь я...— сказал он.

— Я тоже,— сказала она.— Я хочу обвенчаться, потому что бог есть.

— Да, бог есть,— сказал он.

Они тайно обвенчались. А потом был загс, их объявили мужем и женой, и шампанскому было тесно в хрустале, оно тоже вместе со всеми кричало: «Горько!» И была первая брачная ночь, господи, как прекрасна она была...

Все знают, Ромео и Джульетта отравились.

А Марат и Жанна решили жить. А через девять месяцев у них родился я. Марат и Жанна перестали стареть, морщины разгладились, седины пропали, и в эту свою вторую жизнь они сделали все, что не успели и не смогли сделать в первой, и только потом умерли, спокойно держась за руки...

Все знают про Ромео и Джульетту. Но никто не знает про Марата и Жанну. И вот я рассказал.

1978 г.

ЦИРК ЗАЖИГАЕТ ОГНИ!

КОГДА Ю. НИКУЛИНУ ИСПОЛНИЛОСЬ 60 ЛЕТ, ОН РЕШИЛ ПОКИНУТЬ МАНЕЖ: «Я ЕЩЕ МОГ БЫ ПОРАБОТАТЬ НА МАНЕЖЕ, ДА И ПАРТНЕР МОЙ, МИХАИЛ ШУЙДИН, ХОТЕЛ ЭТОГО. НО, КАК ГОВОРИЛ ЛЕОНИД УТЕСОВ, ЛУЧШЕ УЙТИ СО СЦЕНЫ НА ТРИ ГОДА РАНЬШЕ, ЧЕМ НА ОДИН ДЕНЬ ПОЗЖЕ». УЙДЯ С МАНЕЖА, ЮРИЙ НИКУЛИН СНАЧАЛА ЗАНИМАЛСЯ В РОДНОМ ЕМУ ЦИРКЕ НА ЦВЕТНОМ БУЛЬВАРЕ РЕЖИССУРОЙ, А ПОТОМ СТАЛ ДИРЕКТОРОМ ЭТОГО ЦИРКА. В 1985 ГОДУ ПРОШЛО ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ НА МАНЕЖЕ ЦИРКА, А ЗАТЕМ ЗДАНИЕ ОБНЕСЛИ ЗАБОРОМ, А ЧЕРЕЗ ГОД СНЕСЛИ...

— Юрий Владимирович, 19 октября 1987 года прошла закладка первого камня Московского цирка на Цветном бульваре. Помнится, многие тогда не верили, что за два года можно построить цирк. Однако построили. Старое здание МХАТа реконструировали более десяти лет, здание цирка на Ленинских горах возводили более 13 лет. А вам хватило двух. Чудо? Как же оно случилось?

— Помню, я долго добивался приема у Виктора Гришина, возглавлявшего тогда Московскую партийную организацию. Но он сказал: «Строительство никто не разрешит — центр города. А реконструкцию цирка пробить можно. Давайте говорить о реконструкции».

Можно книгу написать о том, как создавался проект, как приезжали финны и предлагали свои услуги, как выбивались деньги у Министерства культуры и как они были выбиты. Но все закончилось тем, что мы остановились на предложении строительной фирмы «Полар» из Финляндии, которая была готова за 22 месяца, самый большой срок 24 месяца (а оно так и вышло), осуществить строительство цирка. Но финнам полагалось платить в инвалютных рублях. А где их взять? Я пошел по союзным министерствам и ведомствам: Госплан, Минфин, Минкульт, Госкомтруд. Обошел более десяти министерств. Знакомился с министрами, их заместителями, помощниками. Для того, чтобы получить подпись на том или ином письме, приходилось собирать десятки виз. Во многих министерствах и ведомствах я выступал с концертами, творческими вечерами (это бывало и по утрам, и днем) — агитировал и пропагандировал, уговаривал и убеждал, просил помочь цирку. Все вроде соглашались, но окончательного решения не было. Более года ушло на эти переговоры, различные совещания, консультации... И тогда я обратился к Николаю Ивановичу Рыжкову. Почему мне это пришло в голову, уже не помню, но однажды подумал: все уже пройдено, а результата нет. Напишу письмо Н. И. Рыжкову, а вдруг примет? Я знал, если писать длинно, подробно, читать никто не будет. Поэтому написал: прошу уделить мне три с половиной минуты. Вот, мол, какой я точный.

К Рыжкову пошел не один, вместе с прославленной дрессировщицей Ириной Бугримовой и клоуном Олегом Поповым. Пришли мы, зашли в приемную, там довольно много людей. Кто-то из присутствующих полюбопытствовал: что это здесь артисты цирка делают? Я рассказал. А он в ответ: «Да что вы! 22 миллиона инвалютных рублей на цирк! Конечно, никто вам не даст. Вы что, не понимаете, что происходит в стране?»

Н. И. Рыжков принял нас в 9 утра. А потом я узнал, что в 8 утра он уже собирал у себя всех, кто нам раньше отказывал.

Когда мы вошли в кабинет, сели за стол, я приготовился выступить с речью о значении цирка, собираясь уложиться в три с половиной минуты, но Николай Иванович начал беседовать с нами, что-то спрашивать. А о самом главном — ни слова. А время идет. Я, боясь, что мы не уложимся, в удобный момент говорю: «Николай Иванович, я просил три с половиной минуты. Боюсь, что мы не успеем решить проблему. В приемной много народу...»

«А мы уже все решили,— отвечает Николай Иванович.— Вот сейчас я при вас подписываю...— Он взял ручку и подписал разрешение на строительство цирка и на выделение валюты. И тут же добавил: — Я советую, чтобы строили финны».

Один из его заместителей, у которого я раньше уже был, довольно резко сказал: «А может быть, сделаем так: пусть строят и советские строители, и финские, и деньги — пополам...»

У меня прямо сердце замерло: бумага-то лежит перед Рыжковым. Что стоит взять и другую резолюцию написать.

«Нет,— говорит Рыжков.— Пусть финны строят все, полностью».

«Спасибо большое, Николай Иванович,— произношу я.— Как мне жаль, что так строго стало с разными отмечаниями событий. В доброе старое время, до постановления о борьбе с алкоголизмом, конечно, это дело мы отметили бы...»

«А мы отметим,— говорит Рыжков. Звонит секретарю и просит: — Чай и печенье». Так мы и отметили это событие.

Я считаю Николая Ивановича крестным отцом нашего цирка.

— Итак, цирк готов. Одним, насколько я знаю, он нравится, другие критикуют архитекторов, строителей — мол, что это за цирк, когда не видно купола.

— Ну, подумаешь, не виден купол с Цветного бульвара, так его и раньше никто не мог увидеть. Мы же не могли выбирать место. Хотели, чтобы цирк стоял на том же месте, где его в 1880 году построил Саламонский.

— Чем же занят сейчас директор цирка, что его больше всего волнует и беспокоит?

— Вот мы здесь говорим, а я знаю: дома у меня беспрестанно звонит телефон. Включается автоответчик. А все хотят одного — билетов на премьеру. В цирке 2002 места. И чтобы принять всех желающих, потребовался бы зал на 100 тысяч мест.

— А какой основной аттракцион в новой программе?

— Основной аттракцион — здание цирка, фойе, зрительный зал — вот что хочется всем посмотреть. Когда в Москве открывали первое метро, все рвались посмотреть: а какое оно, метро? Так сегодня и с нашим зданием: а как там, что нового? Была идея даже делать экскурсии по цирку, показать просторные помещения для животных, второй репетиционный манеж, актерское фойе, двор цирка...

— А какие ощущения испытывает сам Юрий Никулин?

— Я сейчас нахожусь в каком-то странном, совершенно другом мире. Наконец-таки переехали. Вот уже въехали лошади, цирковой двор заполнен фургонами с реквизитом, артисты обживают свои гардеробные, оркестр репетирует... И когда я вошел в свой кабинет, сел в мягкое директорское кресло, расположился за удобным большим столом, посмотрел в окно, понаблюдал забавную жизнь Центрального рынка, услышал донесившуюся музыку, я понял: состоялось!

Помню, когда ломали старое здание цирка — это делали наши, ко мне пришли двое рабочих и поставили передо мной пустую бутылку из-под водки. На бутылке этикетки не было, а прямо на стекле была выдавлена фамилия заводчиков и дата выпуска — 1880 год. Эту бутылку они нашли под землей. Я говорю: «Боже мой! Из этой же бутылки пил водку сам Саламонский, хозяин цирка!» Они спрашивают: «Откуда вы узнали?» «Так вот же, на бутылке отпечатки пальцев Саламонского, смотрите». Они сначала поверили, а потом поняли, что я их разыгрываю. Я спрашиваю: «Что же вам подарить на память?» — «Да ничего, в общем, не надо... Впрочем, мы вам бутылку, тогда уж и вы нам бутылку». И купил я им бутылку...

Когда закладывали первый камень, то в бетонное основание замуровали специальную капсулу с рассказом людям будущего о том, как закладывали этот камень. Кто знает, может, лет через двести, триста, а может быть, и больше кто-нибудь прочтет наше послание? Сколько наш цирк простоит? Построен он основательно.

Если верить восточной мудрости, настоящий мужчина должен за свою жизнь сделать три дела: оставить потомство, посадить дерево и написать книгу.

Деревьев я посадил много, потомство оставил — трое внуков есть, книгу выпустил. А теперь вот и цирк на Цветном бульваре... Цирк, на фасаде которого скоро зажжется надпись: «Представление сегодня и ежедневно».

Беседу вел Владимир ШАХИДЖАНЯН.

П. С. Попков, А. А. Жданов, А. А. Кузнецов, Я. Ф. Капустин на трибуне Дворцовой площади. 1 мая 1941.

Андрей ЧЕРНОВ

СМЕРТНЫЙ ПАЕК

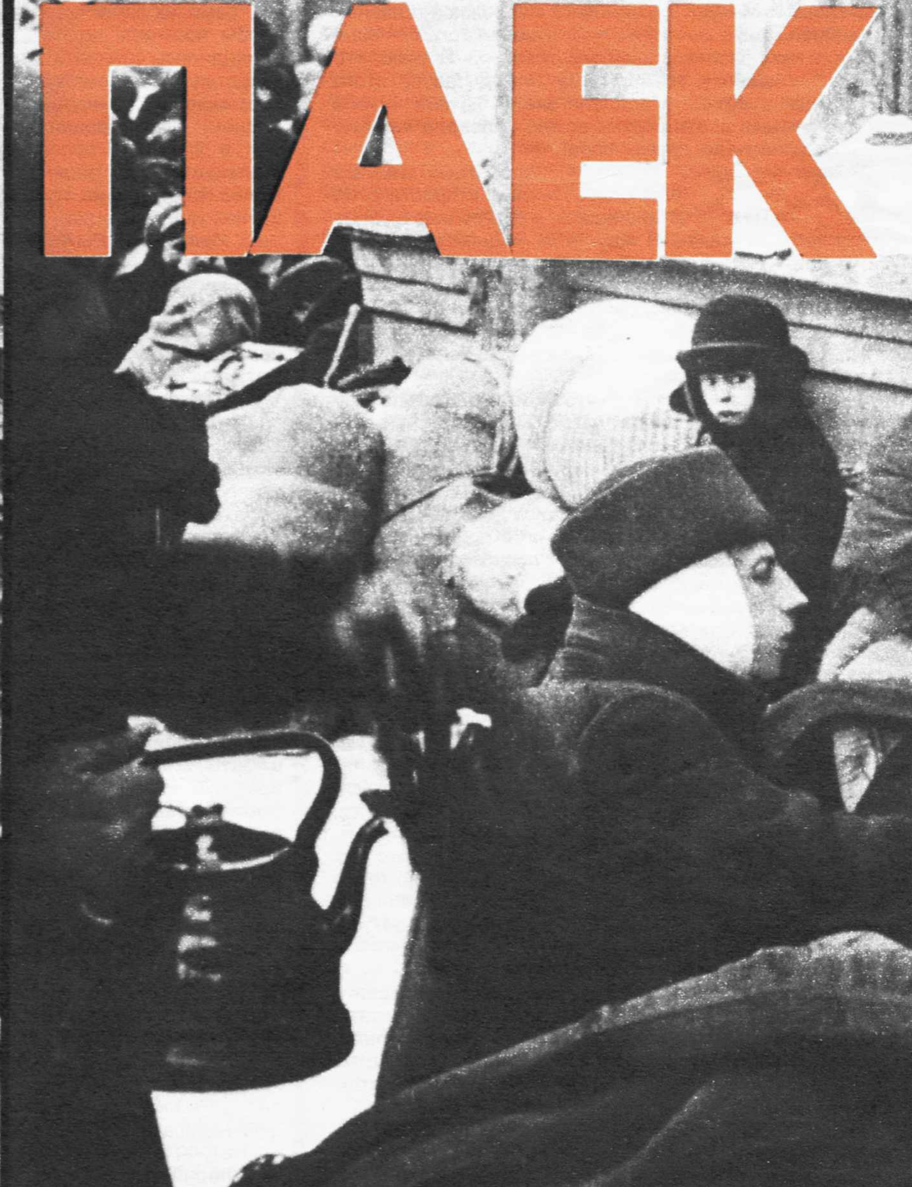
Авторы «Блокадной книги» как-то признались, что ряд документов они так и не решились включить в рукопись. И дело отнюдь не в цензурных рогатках. Просто есть предел боли, после которого и у читателя наступает ожог, общий ожог души. И восприятие дальнейшего становится невозможным. А книга, пусть самая страшная, все ж таки должна оставаться книгой. И горе книге убивающей, а не врачующей.

Все же степень читательского ожога впрямую связана с уровнем правды в обществе. То, во что разум отказывался верить не пять, не десять, а всего два или три года назад, сегодня уже не может ни убить, ни удивить. Мы стали старше на целую историческую эпоху, простились — и уже навек — с социальными иллюзиями не только сороковых, но и шестидесятых.

В моей семье хранится школьная — в клеточку — тетрадка: блокадный дневник моей бабушки, Анастасии Алексеевны, матери моего

На углу ул. Гоголя и Кирпичного переулка. 2 октября 1941.

От голода. 12 апреля 1942.

Эвакуация на площади у Финляндского вокзала. Апрель 1942.

отца. Она начала писать в октябре 1941-го: «После войны будет интересно перечесть».

Госпитальная сестра милосердия, дочь петербургского дворника, вышедшая за раненного на германской войне дворянина, бабушка пережила голод в восемнадцатом. Она принималась за дневник, помня Петроград времен военного коммунизма, и ей казалось, что страшнее ничего уже быть не может.

Но она ошиблась. И, поняв это, поняв, что после войны ей не придется перечитывать свои записки, она оборвала их.

Последняя запись датирована 4 ноября 1941 г :

«Настроение и физическое, и моральное — ужасное. Выгляжу ужасно. Питаюсь неважно, в столовой одна вода. Хочется чего-нибудь жирного, но, к сожалению, ничего нет. Мечтаю как о чем-то особенном о кусочке масла или жареной свинины, и когда вижу, как Люба ест картошку или шпик, у меня текут слюни. Стыдно признаться, но ведь признаюсь себе, никто не узнает, но сегодня не выдержала и взяла у нее 10 шт. маленьких картофелин и маленький кусочек шпика. Вот до чего я уже дошла. Хотя я еще не голодаю, у меня есть чечевица и горох, а ведь у многих ничего нет, кроме 200 гр. хлеба в день и 20 гр. крупы».

Что значит «не голодаю», если человек крадет продукты и притом знает цену своему поступку? Перелистаем вспять несколько страничек:

«13 октября. (...) Пока у меня еще есть запас сухарей и кой-каких круп, я живу. А когда все это иссякнет, буду мучиться так же, как большинство, как, например, Лебедевы, которые один страшно похудел, а вторая, наоборот, пухнет. Везде сейчас только и слышишь разговоры о еде, о том, где бы достать хотя бы зеленых грязных листьев капусты. Ездят за этими листьями в районы, которые обстреливаются артиллерией».

Значит, в одной коммуналке одна семья «страшно худеет» и пухнет в середине октября, а другая и в ноябре 1941 г. может позволить себе картошку со шпиком. Причем картошки и шпика столько, что если и взять часть, соседка Люба внимания на это не обратит. Продукты, или, как говорили со старых времен, провизия, у соседки Любы лежат на кухне, на виду. Люба их не прячет и не запирает, хотя за стенкой ее комнаты люди уже доходят от голода.

Мы не знаем, кто эти Лебедевы, где они работают или служат, но мы знаем, к какому классу принадлежит богатая Люба.

Ее муж — хозяйственник на «Ленфильме», сама она торгует в государственной «скупке» на Мальцевском рынке.

Я взял в кавычки это слово, потому что, собственно говоря, скупки-то и не было. Люба — и соседи это знали — торговала вещами расстрелянных. Нет, не картинами или коврами, конфискованными у семьи убитого (для этого есть шикарные комиссионки на Невском), а личными вещами — брюками, пиджаками, штиблетами. «Большой дом» — это в нескольких минутах ходьбы от Мальцевского рынка, и соседка Люба в своем завтрашнем дне уверена.

Когда в ленинградской передаче «Пятое колесо» пожилой человек, в прошлом «исполнитель приговоров», рассказал перед телекамерой, что в «Большом доме» был специальный бетонный сток, выходящий в Неву, и вел этот сток из подвала, ленинградцы ужаснулись. И многие просто не поверили. Но потом в студию пришел другой человек и подтвердил слова своего «коллеги».

Мы с детства читали о немецких концлагерях, где в дело шли и одежда, и женские волосы, и человеческая кожа. Теперь мы узнали о себе самих. Нет, из кожи казненных ста-

линская индустрия смерти не научилась производить элегантные абажуры. Хватало и шелковых. Но сток для крови и конвейер личного имущества к Любиной торговой точке — это было на уровне. И был смысл, была рентабельность у этого производства: иначе на черта платить Любе зарплату? И, выкликая затверженное «... с вещами! На выход», охранник заботился о Любиной коммерции.

Моя бабушка не умерла в блокированном Ленинграде. Она умрет от дистрофии, от необратимых следствий блокадной голодухи в сорок четвертом, в эвакуации. А поможет ей эвакуироваться все та же Люба, человек по природе, видимо, не злой и участливый. Просто, когда в апреле 42-го Любин супруг прикатит за ней на казенной машине, после погрузки вещей в кузове останется одно место. И его предложат бабушке. Так, в одном пальто, без вещей и денег, бабушка отправится в Петрозаводск.

Повинилась ли бабушка перед Любой за картошку, без спроса взятую в ноябре сорок первого, я не знаю. Если нет, может быть, эта публикация станет посмертным бабушкиным покаянием.

Хотя прямой нужды в этом, видимо, нет: я почти уверен, что бабушка призналась Любе. Иначе мне трудно найти объяснение совсем уже иному случаю, относящемуся не к ноябрю — к декабрю того же сорок первого.

Из записок моего отца, Юрия Ивановича Чернова, в тот год курсанта Высшего военно-морского училища имени М. В. Фрунзе:

«Училище эвакуируют. Сообщили, что идем через Ладожское озеро по льду, а затем, уже поездом, в Астрахань.

Нас отправили домой за шерстяными вещами — свитерами, носками, перчатками.

Отпустили после обеда, чтобы к ужину все вернулись...»

(В те дни слова «обед» и «ужин» означали уже не пищу, а время суток.)

«Дома мама возилась у новенькой буржуйки. Через всю комнату тянулась жестяная труба. Мама была чем-то расстроена.

Сперва она сказала, что вновь сократили выдачу хлеба, а потом — что заходила ее подруга, Анна Васильевна.

Гость в осажденном городе — человек нечастый.

У этой гостьи было серое, обтянутое кожей лицо, провалившиеся, горящие лихорадочным огнем глаза.

Мать положила на тарелку кусочек хлеба: паек на два дня. Пока ходила на кухню, чтобы набрать чайник, гостья пайку съела. Кипяток, подкрашенный сухой морковкой, пили так.

— Прощай, Тася,— уходя, сказала Анна Васильевна,— спасибо за угощение. Наверное, больше не увидимся».

* * *

Когда в конце 1988-го писательница Татьяна Толстая публично обвинила Жданова и Сталина в умышленной организации блокадного голода и гибели сотен тысяч ленинградцев, в двух московских газетах появились письма с протестами.

Уже была опубликована в «Огоньке» статья Юрия Карякина «Ждановская жидкость», уже на Невском замыли красную краску, брошенную чьей-то нетерпеливой рукой в ждановское имя (табличка на Дворце пионеров). Уже саму табличку бдительные хранители детских душ остроумно покрыли корабельным лаком, с которого, как объяснил мне ответственный товарищ, даже нитрокраска смывается «тепленькой водичкой». (Не этим ли лаком был крыт сток на Литейном?)

Но еще полгода оставалось до дня, когда «ждановскую жидкость» смыли со страны правительственной директивой и те же люди, не пожалевшие трудов и лака для памяти вождя, просто собьют ждановское имя зубилом. И тем же составом залакируют зияющую пустоту внизу таблички.

И чуть-чуть не лишится своего имени речка Ждановка, текущая под этим именем еще с XVIII столетия.

Аргументы Т. Н. Толстой:

— Известно, что летчики возили с Большой земли в Ленинград копченую колбасу, сгущенку и прочее. Состав блокадного пайка многократно описан, но о таких продуктах никто и не слышал. Почему?

В городе, находящемся на осадном положении, действует черный рынок, где золото или картины можно обменять на ту же сгущенку. Из каких запасов провиант и кому доставались отданные за него ценности?

Добавим. Из воспоминаний А. И. Микояна известно, что Жданов и Сталин приказали повернуть эшелоны с хлебом, направленные в город в начале войны. Известно из воспоминаний вице-адмирала Н. Г. Кузнецова, изданных у нас еще в 1971 г., что Сталин приказал заминировать корабли и готовил сдачу Ленинграда. Было это в августе 1941 г. Известна и особая ненависть Сталина к Ленинграду, городу оппозиции, городу Кирова. Уже в 42-м, когда стало ясно, что Ленинград устоял, Сталин бросит на произвол судьбы Вторую ударную армию, оставит ее без всякой помощи и снабжения, просто «забудет» о ней. За слухи о ленинградском голоде давали «58—10» (антисоветская агитация), а город вымирал поголовно, и, как в начале 30-х, «чистка голодом» была лишь на руку Сталину. До 43-го ничего не делалось, чтобы прорвать блокаду, а транспортные самолеты возили колбасу и свежие персики для Жданова.

Стереотипы прошлого обладают такой инерцией, что и сегодня, протестуя против спецпривилегий аппарата, ленинградка, участница войны может воскликнуть: «Считаю, что мы победили еще и потому, что все были вместе, все на равных, всем было тяжело, всем — одинаково трудно».

Эту цитату из огоньковской статьи Павла Волина «Тайна, известная всем» (№ 35) выписываю, чтобы сопоставить ее с другим документом.

Эвакуация. Июль 1942.

12 декабря 1941. Лучший сменный мастер энской кондитерской фабрики В. А. Абакумов проверяет качество.

Ленинградский государственный архив кинофонофотодокументов и Музей истории Ленинграда заканчивают подготовку выставки «Петрополис», на которой будут экспонироваться и фотографии о блокадном Ленинграде.

Два года назад я попросил ленинградского композитора Д. А. Толстого, блокадника и сына пронзительного поэта осажденного Ленинграда Натальи Васильевны Крандиевской-Толстой, записать его рассказ об одном из эпизодов блокадного «равенства».

Привожу текст Дмитрия Алексеевича полностью:

«В январе 1942 г. мы с мамой поднимались по черной лестнице к себе домой на пятый этаж дома № 28/59 по Кронверкской улице.

Кажется, мы ходили стоять в очереди за хлебом и возвращались, бережно неся каждый свою пайку. Сейчас я уже не помню точно, зачем ходили, помню только, как медленно взбирались на пятый этаж.

Парадный ход был, вообще говоря, открыт, но все блокадные жильцы нашего дома пользовались только черным ходом, ибо все жили на кухнях: не было ни воды, ни света, ни отопления, а на кухне у каждого стояла буржуйка.

И 125 граммов, единственная еда, съедались не просто так: необходимо было разрезать этот кусок на маленькие квадратики и каждый квадратик чуть-чуть поджарить на буржуйке. И надо было распределить и терпеливо ждать: вот этот квадратик я съем сейчас, а вот этот — через полчаса, и через час еще вот этот — третий.

В тот день подъем по лестнице был особенно тяжел и мучителен. Ноги неохотно повиновались. Мы жили в квартире 110, а под нами, в квартире 108, жила семья главного человека в Ленинграде[1], крупного ответственного работника.

Входя на площадку четвертого этажа, мы с мамой заметили, что входная наружная дверь в квартиру 108 приотворена и в мусорном ведре, стоящем между дверей (они были двойные), торчит какой-то странный желтовато-коричневый предмет.

Наклонившись к ведру (нами овладело любопытство), мы обнаружили, что этот предмет — засохшая французская булка, или, как теперь говорят, городская булка, которую выкинули в ведро, потому что она раньше времени зачерствела.

Первым невольным, я бы сказал, инстинктивным побуждением было схватить эту булку. Но я почему-то остановился и посмотрел на маму.

— Знаешь что,— сказала мне мама,— давай будем гордыми.

И мы прошли мимо полуотворенной двери».

Один из соавторов «Блокадной книги», А. М. Адамович, рассказывал мне, что они с Д. А. Граниным были поражены, когда услышали от свидетеля-ленинградца о том, как пировало руководство города в первую блокадную зиму. Причиной пира был день рождения того же Попкова.

* * *

В Петрограде в 1918-м пайка весила полфунта — 205 г.

В Ленинграде с 20 ноября по 24 декабря 1941 г. для иждивенцев и детей — 125 г.

С 25 декабря она потяжелела почти вдвое: к этому времени полгорода уже погибло.

Мертвые, спасая живых, отдали им свой хлеб.

И потому, когда я смотрю на блокадные фото из только вчера рассекреченного спецхрана и вижу мастера «энской кондитерской фабрики», проверяющего 12 декабря 1941 г. качество «ромовых баб» (не путать с современными ром-бабами, которые не пирожные, а кексы), когда вижу «постановочный снимок» с разложенными на мешках буханками и глазами людей, которые не должны были попасть в кадр, но все же оказались за спинами позирующих едоков, когда я читаю, что собрание ленинградского партактива захлопало и согнало с трибуны народного депутата СССР Бориса Никольского, ставшего рассказывать, как и в каких условиях живут бывшие блокадники, когда слышу, как управляющий делами обкома А. Крутихин называет «легендой» журналистское расследование о сегодняшних пайковых спецделикатесах, я не могу не вспомнить с детства затверженные слова о «преемственности поколений».

[1] Имеется в виду семья П. С. Попкова, предгорисполкома.

Ленинград, 1942.

Январь 1941.
Рота школьников ведет наступление.
Ленинградская область. Поселок Сосново.

Наталья КРАНДИЕВСКАЯ-ТОЛСТАЯ

СТИХИ ИЗ БЛОКАДНОГО ДНЕВНИКА

Рембрандта полумрак
У тлеющей печурки.
Голодных крыс гопак,
Взлетающие шкурки.

Узорец ледяной
На стеклах уцелевших,
И силуэт двойной
Людей, давно не евших.

У печки разговор
Возвышенный, конечно,
О том, что время — вор
И все недолговечно,

О том, что неспроста
Прогневали судьбу мы,
Что Родина свята,
А все мы вольнодумы,

Что трудно хоронить,
А умереть нетрудно...
Прервав беседы нить,
Сирена стала выть,
Истошно так и нудно.

Тогда брусничный чай
Разлили по стаканам,
И стала горяча
Кишечная нирвана.

Затихнул разговор,
Сирена выла глуше,
А время, старый вор,
Глядя на нас в упор,
Обкрадывало души.

Геннадий
ЕВГРАФОВ

«Живи, как все»

Из истории современности

Как попадают на скамью подсудимых в провинции в самый что ни на есть разоттепельный 1958 хрущевский год? Строят Карагандинскую ГРЭС. Строят местные, ссыльные и молодые романтики, внявшие зову сердца и призывам партии. Развлечений никаких — только танцы. Здесь крутят любовь, ревнуют, выясняют отношения. Заводятся с пол-оборота, часто дерутся. На этот раз драка вспыхнула между ссыльными чеченцами и приезжими русскими ребятами в одном из рабочих общежитий. Чеченцы — народ горячий, схватились за ножи. Милиция явилась, когда кулаками уже не машут. Разбираться, кто кого обидел, кто за чью национальную честь вступился, не стали. Похватали правых и виноватых, тех, кто не успел вовремя разбежаться, и отвезли в местную кутузку. Не стал особо разбираться и народный суд в городке Сарынь, куда затем отправили арестованных, потому что в самом поселке знали, кто участвовал в драке, а кто нет. Суд осудил всех чохом в один день. Среди пострадавших был молодой строитель Анатолий Марченко — он пытался разнять дерущихся...

КАРАГАНДА — АШХАБАД 1958—1960 годы

Срок шесть лет лишения свободы в двадцатилетнем возрасте может показаться вечностью. А тут еще и посадили ни за что. Дожидаться окончания срока не стал, нетерпение толкнуло на отчаянный шаг — побег из лагеря. Сумел уйти от погони, добрался до Сибири, откуда был родом. Нанимался разнорабочим в геологоразведочные партии. Таких людей всегда не хватает, документы почти и не спрашивали. Но как долго такое существование могло продолжаться? Это только в известной песне человек проходит, как хозяин, а в жизни — кто ты без паспорта, без трудовой и военного билета. Изгой, отверженный, бродяга? Можно ли построить дом на своей земле, обзавестись семьей, родить сына? Неразрешимые вопросы стянулись в один узел, который чуть раньше, чуть позже необходимо было рубить. В сложившейся ситуации он мог уйти из жизни, прийти с повинной в милицию, бежать за границу. Но прибегать к крайней мере он не собирался, как не собирался вновь сидеть за решеткой. Он выбрал третье. Почему-то надумал, что лучше всего переходить советско-иранскую границу. Благополучно добрался до Средней Азии. По дороге к нему присоединяется случайный попутчик Анатолий Буровский.

Граница, как известно, у нас на замке. Тем не менее беглецы дважды ее пересекали, не подозревая об этом, и возвращались обратно. Однажды наткнулись на спящий пограничный пост. Могли взять оружие. Не взяли. Через некоторое время незадачливых нарушителей задержали. Неподалеку от так тщательно запертой границы.

Ашхабадским следователям КГБ образца 1960 года очень нужно было сделать хотя бы одного из задержанных изменником Родины. Во время следствия каждому предлагали дать показания на другого. Марченко отказался. От него ничего не добились и оставили в покое. Буровский, спасая себя, дал показание на товарища.

Нелегальный переход границы даже в либеральные времена — дело рискованное: известно, КТО и ПОЧЕМУ бежит за пределы социалистического Отечества. Наш Уголовный кодекс до самого последнего времени является одним из самых предусмотрительных в мире. Одна статья в нем квалифицирует не мотивы перехода, а определяет его незаконность. Другая говорит уже о бегстве за границу, причем в ряду таких деяний, как выдача государственных секретов, шпионаж, и все это есть измена Родине.

Как отличить незаконный переход от бегства, труда для Верховного суда Туркменской ССР в 1961 году не составило. Высокий суд пришел к выводу, что, несмотря на одинаковые действия подсудимых, один пытался нелегально перейти границу, другой — бежать с целью измены Родине. Приговор гласил: Буровскому два года лагерей, Марченко — шесть.

Подсудимый Анатолий Марченко виновным себя не признал и от последнего слова отказался.

Ему сообщили о пересмотре приговора по первому делу, однако в силу вступал новый приговор.

МОРДОВСКИЕ ЛАГЕРЯ, ВЛАДИМИРСКАЯ ТЮРЬМА 1961—1966 годы

Тюрьма начинается с ограды, лагерь — с этапа.

Из тюремной камеры — в «воронок», из «воронка» — в «столыпин» с юга на север от Ашхабада до Мордовии: через Ташкент, Алма-Ату, Семипалатинск, Новосибирск, Тайшет, потом опять Новосибирск, затем Свердловск, Казань, Рузаевка, Потьма.

И все время проверки, обыски, мат... Фамилия, имя, отчество, статья, срок, конец срока... И как пономарь бубнишь: Марченко Анатолий Тихонович, 1938, 15 Основ уголовного законодательства с применением 37, 6 лет, 2 ноября 1966 года...

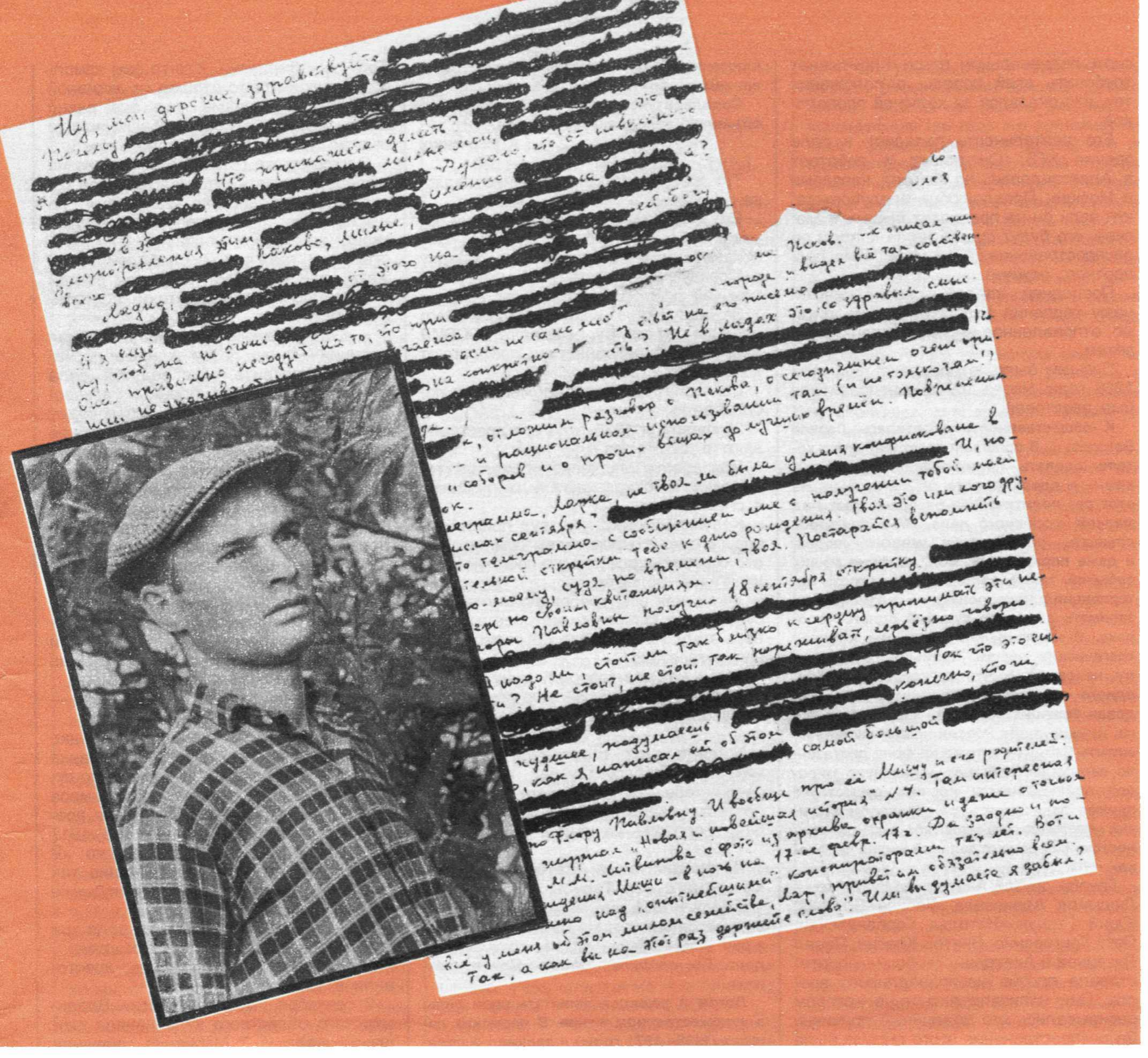
И только когда доставили в зону 10 лагеря, он немного отошел и почувствовал себя опять человеком. Ему выдали рабочую спецовку, тюфяк, подушку и одеяло. Сам нашел койку в бараке. Как-то обустроился, и застучал счетчик, отсчитывающий часы и дни новой жизни политзека Анатолия Марченко...

Бригаде Марченко выпали сельхозработы. По окоему поля флажки красные утыканы, словно волков приготовились травить. Запретная черта проведена, попробуй оступись — охрана стреляет без предупреждения. Методы лагерной педагогики предписывают переводить не справляющихся с дневной выработкой на штрафной паек. Это означает голод. Лишают ларька, запрещают посылки из дома. Воспитатели шестидесятых полагали, что именно голод прививает любовь к труду, и у истощенного, обессиленного зека больше шансов выбиться в ударники. Чуда, однако, не происходит, и за систематическое невыполнение нормы у зека одна дорога — в ШИЗО, куда в конце июня и угодил Марченко.

ШИЗО — штрафной изолятор, карцер, тюрьма в тюрьме. На окнах решетки. В воздухе зловоние, парашу опорожняют сами зеки раз в сутки. В любое время дня и ночи надзиратель может заглянуть в глазок — чем это зек на досуге занимается. Книги и газеты запрещены. Ни почитать внутрилагерному арестанту, ни записок потомству оставить — при водворении в ШИЗО обыскивают с головы до ног, если обнаружат бумагу и карандаш — отбирают. Это тебе не времена Веры Фигнер и Николая Морозова, когда политические в крепости и овощи сами для себя выращивали, и литературным трудом занимались. А здесь маешься наедине со своими мыслями, днем места себе от духоты не находишь, ночью, даже летом, дрожишь от холода, зуб на зуб не попадает, потому что так специально заведено: барак каменный, пол цементный. Пусть зек почувствует, где фунт лиха послаще...

Еще до того, как Марченко попал в штрафной изолятор, созрела у него идея побега. Уж слишком неволя томила, а опыт какой-никакой, но был. За семь суток на хлебе и воде он ослабел еще больше, но, выйдя из карцера, от идеи не отказался, рискнул в компании нескольких отчаянных зеков. Побег не удался, и троих Анатолиев — Бурова, Озерова и Марченко — поймали, жестоко избили и увезли в зону спецрежима, где отбывают наказание особо опасные преступники. Через некоторое время суд определил: каждому три года лагерей заменить тремя годами содержания в тюрьме.

И опять понеслись этапы да пересылки, города и деревеньки, пока поезд, к которому был прицеплен «столыпин», не дотащился до древнего русского города Владимира. А в печально известной Владимирке все сначала: фамилия, имя, отчество, статья, срок... Здесь пытка голодом постоянна. Паек такой, чтобы ноги не протянуть в одночасье. Поэтому и не встретишь в тюрьме хотя бы одного здорового арестанта. Кого стенокардия замучила, кто от геморроя на стенку лезет. И у всех нервные расстройства: попробуй просиди несколько лет в камере размером 4,5 на 2,5 с людьми, с которыми ты психологически не совместим, и останься здоровым. И никаких послаблений режима. Ни для стариков, ни для женщин. Если все на

воле равны, так чего уж о Владимирке толковать.

Кто же сидел в этой тюрьме в начале шестидесятых?

«Террорист» Николай Королев, в 47-м году юношей заступившийся за мать, в ослеплении выстреливший из ружья в притеснителя — колхозного бригадира. Суд расценил убийство как теракт. Восемнадцатилетнему Николаю влепили на полную катушку — четвертак. «Чокнутый» Петр Глынь, выдававший себя за разведчика, действовавшего по секретному заданию Сталина и Берии.

Сидели православные и мусульмане, сектанты, люди смиренные, страдающие за веру, терпеливо переносящие выпавшие на их долю страдания. Сидели членовредители и душевнобольные, буйные и тихопомешанные, в одних камерах со здоровыми, что превращало и без того тяжелое существование в ад кромешный. Сидели бывшие «бериевцы», как ни странно, до 63-го года пользовавшиеся и в неволе привилегиями: в камере их постели были застланы домашними одеялами, днем они лежали сколько хотели, на прогулку ходили в добротных пальто и даже папахах.

Вместо трех лет Марченко пробыл в тюрьме два года.

Затем вернулся в ту же самую Потьму. Все было знакомо и привычно: вахта, конвой, бараки, столовая, библиотека.

Кем только не работал Марченко в лагере! Было там вредное мебельное производство, но для зеков все едино, все равно восемь часов пашешь. В отделочном цехе голова кружится от испарений лака. В литейном у старой печи со слабо тянущей вытяжкой так дымом наглотаешься, что после смены еле на ногах держишься. Но и грузчиком в аварийной бригаде не легче, когда изо дня в день по пять — семь вагонов с лесом разгружаешь.

Лагерная экономика всегда была экономной. Экономили не только на «научно» разработанных нормах питания. Постоянно повышали нормы выработки, одновременно снижая расценки. После всех вычетов — даже за бездетность! — ничего невозможного для нашего политзека нет — остается пятерка на ларек, и будь доволен. «Но главное зло лагерной работы — не то, что она каторжно-тяжелая, и не то, что работаешь почти даром, в общем, за пайку хлеба, а когда и за так. Главное, за что ненавидишь этот труд,— за то, что он рабский, подневольный, унизительный, за то, что над тобой стоят дармоеды-надзиратели, за то, что тебя попрекают куском хлеба, который ты заработал своим горбом» (Анатолий Марченко «Мои показания»).

Зек второй половины XX века вкалывает, голодает и все же не загибается от истощения, как в свое время загибались «каэры», «чесеиры» и прочие «враги народа» на Колыме, в Норильске или Воркуте. В 60-е годы от медленного вымирания спасало производство. Там вольные соприкасаются с зеками. Вольные не прочь на них подзаработать, выправить свой нищенский бюджет. Спекулируют на чае, сахаре, масле. В лагере, как и на воле, имеют хождение деньги и валюта. Чай — внутрилагерная валюта. По тогдашним расценкам за 40-копеечную пачку чая платили два рубля, когда покупали ее у вольного. В зоне чай уже дороже. Попадала за колючую проволоку и водка, на этом товаре тоже наживались. Коммерция внутрилагерная для администрации не секрет, но она не слишком-то и усердствует, чтобы незаконный товарооборот воля — зона — воля прикрыть. Голодный зек норму не тянет, плана не дает. А не будет плана, не будет и начальству премии.

В лагере, конечно, не только работают, недоедают и приторговывают. Трудом и голодом зека перевоспитывают. Принудительными лекциями и политзанятиями воспитывают. Инакомыслящего хотят сделать правильно мыслящим, но разве можно отнять у верующего веру, у убежденного убеждения. В лагере пытаются, но тщетно. Слушать каждый четверг лекцию отрядного офицера, где одни общие слова, лозунги и цитаты, набившие еще с воли оскомину, мука смертная, ведь многие с высшим образованием и знакомы не понаслышке не только с марксистско-ленинской философией, но и с западноевропейской. Такие зеки разбираются не только в политике и философии, но и в экономике, литературе и искусстве. А что Марченко? «Я попал в лагерь совсем «темным», у меня образование восемь классов, ну разве думать старался сам, без подсказки. Но вот захотел разобраться что к чему — зачем я буду слушать лепет отрядного? Прочел всего Ленина том за томом, начал читать Плеханова» («Мои показания»). По многим вопросам ни с тем, ни с другим революционером не согласился, для политического же самообразования счел знакомство с трудами основоположников достаточным и поэтому от занятий уклонялся, за что его постоянно подвергали наказаниям.

Между тем счетчик отсчитывал последние дни и часы его пребывания в лагере. Посадили молодого человека при Хрущеве. Освободили при Брежневе. Время «дорогого Никиты Сергеевича» кончилось. Наступала эпоха «лично Леонида Ильича».

Юлий Даниэль, отбывавший срок в том же лагере, что и Марченко, подарил ему на прощание книгу А. Лебедева «Чаадаев» с дружеской надписью:

А в общем неплох,
Забавный удел:
Ты здесь и глох,
Ты здесь и прозрел.
Гордись необычной удачей —
Не каждый, кто видит, зрячий.

При выходе на волю Анатолия обыскали последний раз. Стихотворное посвящение изъяли и составили акт. Освобождающийся попросил объяснить — почему. Между главой Мордовских лагерей майором Постниковым и бывшим политзеком Марченко состоялся такой разговор:

«— Видите ли, Марченко, по-моему, Даниэль выразил в этом стихотворении свои взгляды.

— Да уж, наверное, свои, а не чужие. Но что в них крамольного?

Постников не ответил. Он стал просматривать мои тетради:

— Я вижу, Марченко, вы здесь всего Ленина прочитали. Вообще-то это хорошо, но... Боюсь, с вашими взглядами вы снова к нам попадете.

С этим напутствием, получив свой чемодан, подвергнутого обрезанию Чаадаева, паспорт и справку, я пошел к выходу...

Было второе ноября 1966 года, пять дней до 49-й годовщины Советской власти» («Мои показания»).

ДИССИДЕНТ — СЛЕДОВАТЕЛЬНО, СУЩЕСТВУЮ...

Два человека в Мордовских лагерях угадали Анатолия Марченко. Поэт оказался прав: из разряда видящих товарищ его перешел в разряд зрячих. Марченко не молчал за колючей проволокой среди стукачей и вышек с вертухаями, не собирался молчать и на воле. Не ошибся и майор: с такими взглядами, как у его бывшего подопечного, на свободе долго не продержишься.

Он вышел из заключения с одним-единственным желанием — предать гласности положение политзаключенных в СССР.

Солженицын поведал стране и миру о ГУЛАГе. Политзек 60-х годов решает написать книгу, в которой расскажет о лагерях и тюрьмах не двадцати—тридцатилетней давности, а о тех, что существуют сегодня.

Традиции русской «лагерной» литературы — Достоевский «Записки из Мертвого дома», Якубович «В мире отверженных», Короленко «История моего современника», Чехов «Остров Сахалин» — были прерваны в сталинские годы после разгрома Общества политкаторжан. Прерваны, но не уничтожены. После освобождения «в стол» писали Шаламов, Гинзбург, Домбровский. В оттепель удалось прорваться из немоты Солженицыну.

В течение 67-го года записки Марченко были закончены. Книгу читали друзья, знакомые. Несколько экземпляров ушло в самиздат, один на Запад, один Лев Копелев передал в «Новый мир». Там оценили «мужество автора», но о появлении записок на страницах журнала и речи не могло идти — над детищем Твардовского уже сгущались сусловские тучи. Через некоторое время книга вышла за границей.

Из авторского предисловия к книге «Мои показания»:

«Главная цель этих записок — рассказать правду о сегодняшних лагерях и тюрьмах для политзаключенных, рассказать ее тем, кто хочет услышать. Я убежден, что гласность — единственное действенное средство борьбы с творящимся сегодня злом и беззаконием.

...Сегодняшние советские лагеря для политзаключенных так же ужасны, как сталинские. Кое в чем лучше. А кое в чем хуже.

Надо, чтобы об этом знали все».

Гласность в 1967 году была не ко двору. Разбуженному от долгой сталинской спячки обществу вновь пытались навязать обветшавшие догмы и идеи и, как неразумного младенца, спеленать всевозможными табу и запретами. Государство и общество погружались в то же самое болото, из которого судорожно пытались выбраться за годы короткой хрущевской оттепели. Но всегда находились еретики, которых одни побивали камнями при молчаливом согласии других.

Анатолий Марченко исполнил не

только свой долг, но и сделал нравственный выбор. Он примкнул к еретикам — правозащитному движению, которое возникло в стране после процесса над Синявским и Даниэлем. Генерал Григоренко вспоминал: «Когда я встретился с Марченко в 1967 году, это был глубоко эрудированный в марксизме-ленинизме человек. Людей со столь глубокой эрудицией я не встречал с тех пор, как было покончено с оппозиционерами «всех мастей». Это был высокообразованный, вдумчивый, сознательный, твердый и мужественный политический боец. Книга, которую он написал и теперь отдавал нам на суд, потрясала не только своей правдивостью и документальностью. В ней виделся большой художник. Не скрою, некоторые из нас, впоследствии ставшие его самыми близкими друзьями, остерегали от распространения книги, предупреждали, что это ему может грозить большими бедами. Но он был непоколебим. «Мои друзья находятся еще там, ежедневно ходят под угрозой смерти. Как же я могу молчать! — восклицал он.— Пусть будет, что будет, но молчать я не стану. Это позор, что до сих пор молчали об этом».

Незадолго до ареста и высылки за пределы Родины Александр Солженицын обратился с призывом к своим соотечественникам — жить не по лжи. Для тех, кто не может выйти на площадь и говорить правду, единственный путь — не поддерживать лжи сознательно, не говорить то, что не думаешь, не делать ни шагу против совести.

Правозащитники, диссиденты, «узники совести» находили в себе мужество выходить на площадь и говорить правду в лицо временщикам.

Их называли предателями, отщепенцами, уголовниками — они себя называли правозащитным движением. В нем участвовали самые разные по своим воззрениям и убеждениям люди. Они пытались наладить диалог с властью — власть отказывалась. Конфронтация была неизбежна, хотя движение не ставило перед собой цели создать тайную организацию. Никто из них не являлся революционером в большевистском понимании этого слова. Никто не пытался организовать «партию нового типа» для свержения существующего строя; никто не экспроприировал ценности из банков; никто не предлагал превратить страну в один огромный трудовой концентрационный лагерь. Движение не представляло угрозы существованию режима. Оно было ему нравственной оппозицией. Участвовавшие в движении защищали права человека в неправовом государстве. Ценой собственной свободы отстаивали они универсальные человеческие ценности, провозглашенные Всеобщей декларацией прав человека, принятой ООН в 1948 году: право на свободу и личную неприкосновенность, право на свободу передвижения в пределах своей страны и эмиграцию, право на свободу мысли, совести и религии, право на свободу убеждений и на свободное выражение их. Государство, чья подпись стоит под этим документом, за неугодные книги, открытые письма протеста и устные заявления людей ссылало, отправляло в лагеря, высылало за границу, лишало гражданства. Собственное мнение гражданина, не совпадавшее с очередными идеологическими установками, объявлялось агитацией и пропагандой, проводимой в целях подрыва или ослабления Советской власти. Критика недостатков — систематическим распространением заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй.

Критерии «антисоветизма» были неопределенны, расплывчаты и изменчивы. В 1968 году Анатолий Марченко обращается с открытыми письмами к известным общественным, государственным и религиозным деятелям страны. В них он вновь и вновь обращает внимание на бесчеловечные условия содержания политзаключенных в СССР, рассказывает о пытках голодом, о рабском, подневольном труде и призывает требовать всей правды о положении тех, кто оказался за колючей проволокой.

Его деятельность попадает в поле зрения КГБ. Он живет и работает в Александрове, но бывает наездами в Москве. Правдолюбца предупреждают: если он не прекратит бывать в Москве, его будут судить не за книгу и ее распространение, а за нарушение паспортного режима.

Последней каплей, переполнившей чашу терпения властей, явилось письмо, отправленное им чехословацким газетам.

Письмо было отправлено 26 июля 1968 года. Через три дня отправитель был арестован.

К общественности обратилась Лариса Богораз: «...В прошлый арест Марченко хотели сделать политическим преступником — и сделали, хотя он им не был. На этот раз политическая расправа идет под маркой уголовного дела... Мне пришлось слышать рассуждения многих людей, и даже порядочных: мол, на фоне общих событий, таких, например, как угроза интервенции в Чехословакии — возможно ли занимать общество судьбой одного человека. И не привыкли разве мы к более трагическим вещам. Привыкнуть, по-моему, невозможно. Что же касается судьбы одного человека — вспомните: вся передовая Франция встала на защиту Дрейфуса, лучшие люди России нашли способ защитить Бейлиса, и тоже на фоне достаточно серьезных событий — накануне мировой войны. Между прочим, существует прямая зависимость между ходом событий исторического масштаба и такой частностью, как цена отдельной жизни человека».

Группа друзей Анатолия Марченко — Людмила Алексеева, Лариса Богораз, Юрий Герчук, Наталья Горбаневская, Петр Григоренко, Виктор Красин, Павел Литвинов и Анатолий Якобсон — протестовала против несправедливого ареста. Они написали письмо, в котором раскрывались его подлинные причины. За распространение этого письма была арестована Ирина Белогородская.

21 августа 1968 года народный суд Тимирязевского района рассмотрел дело по обвинению А. Марченко по ст. 198 УК РСФСР о нарушении паспортного режима.

Его приговорили к максимальному по этой статье сроку — одному году строгой изоляции.

К правозащитникам счет особый: год пишем — два в уме. Когда Анатолию Марченко пришло время освобождаться, два добавили по статье 190 [1]. Суд состоялся прямо в зоне. Свидетели, заключенные и работники администрации, утверждали, что подсудимый клеветнически высказывался о советской политике по отношению к Чехословакии, о советско-китайском конфликте, о положении со свободой слова и демократией в СССР. Обвиняемый виновным себя не признал. После окончания срока его отправляют в Чуну под административный надзор. В сентябре 1972 года он поселяется в Тарусе. После двух лет проживания в городе на Оке его снова ставят под административный надзор.

Надзор установлен через несколько месяцев после вызова в КГБ, где ему выносят предостережение об антиобщественной деятельности. Под «деятельностью» подразумевается общественная активность Марченко — письма, заявления, устные протесты. Предостережению он не внял. В феврале 74-го присоединяется к «Московскому обращению» ряда диссидентов, протестующих против высылки из страны Александра Солженицына и требующих опубликовать архивы ВЧК — МГБ. В июле держит голодовку солидарности с А. Д. Сахаровым.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Поддерживаю протест Андрея Дмитриевича Сахарова против бесчеловечных условий содержания советских политзаключенных и присоединяюсь к его требованиям о политической амнистии.

Солидаризуясь с А. Д. Сахаровым, объявляю голодовку со 2 июля.

А. Марченко.

Тут же следует ужесточение надзора.

Ему отказывают в разрешении на поездку в Москву к больному сыну. Ему отказывают в разрешении на поездку в Москву, чтобы встретить мать и помочь ей добраться до Тарусы.

За нарушение правил надзора его дважды штрафуют, вызывают в ОВИР УВД Калужской области и предлагают выехать из страны.

Согласие на это предложение не последовало.

25 февраля 1975 года его арестовывают в пятый раз.

При аресте Марченко объявляет голодовку и отказывается от участия в следствии.

Калужский городской суд приговаривает его к четырем годам ссылки. Место ссылки — все тот же поселок Чуна Иркутской области.

Живи, как все, требовало от него государство, работай; не размышляй, верь тому, что говорят по радио и пишут в газетах...

Живи, как все, говорили сыну старики родители, тебе что, больше всех надо? Справедливости все равно не добьешься...

Живи, как все, советовали Марченко некоторые доброхоты, пей, гуляй, лги; зачем тебе все это, какие-то письма, протесты, книги? Жизнь дается один раз, и прожить ее надо...

Из предисловия Анатолия Марченко к книге «От Тарусы до Чуны»

Выйдя в 1966 году из лагеря, я считал, что написать и предать гласности то, чему я был свидетелем,— это мой гражданский долг. Так появилась книга «Мои показания».

Потом я решился попытать свои силы в художественном жанре. В пермских лагерях (1968—1971 годы) я задумал и спланировал повесть «Живи, как все» — не о лагере вовсе, а о нонконформисте и его трагической судьбе...

Я не берусь за перо, ставя себе задачу написать «антисоветское» или «советское». Я пишу свое. Меня увлек мой замысел, судьба моего героя.

Тем временем моя собственная судьба рисует свой чертеж, и вот мне приходится отложить работу над повестью «Живи, как все». Где-то я читал наставление: если ты стал свидетелем стихийного бедствия, иностранного вторжения, порабощения и т. п., то запиши все, что увидишь сам или услышишь от других; это твой долг.

Снова долг заставляет меня свидетельствовать о том, что пока еще, по-моему, никто не рассказал, а мне довелось испытать на собственной шкуре...

Был ли он «человеком из железа»? Не знаю. Знаю только одно — выбрав однажды путь, он не свернул с него ни при каких обстоятельствах.

И все же в одну из коротких передышек между лагерями и ссылками он обзавелся семьей. Воспитывал сына. Мечтал о доме в деревне. Хотел работать на земле и писать. «Но продуман распорядок действий, и неотвратим конец пути...»

На вопросы: «Если не я за себя, так кто же? А если я только для себя, так зачем же? И если не сейчас, так когда же?» — Анатолий Марченко ответил жизнью и смертью. Судьба продолжала плести свой сюжет...

«ИМЕНЕМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ...»

Как судят в провинциальной России в склеротическом 1981, предпоследнем брежневском году?

К этому времени правозащитное движение в стране было разгромлено. Кого-то заставили замолчать, отправив в лагеря и ссылки. Кого-то заставили покинуть Родину под угрозой ареста. Кого-то «обменяли». Кто-то сам замолчал навеки, кто-то отошел от активной деятельности, решив, что все равно плетью обуха не перешибешь, кто-то выехал за границу «добровольно».

Одряхлевшее руководство упорно не желало понимать, что современное государство сильно не запретами на мысль и слово и репрессиями против своих же инакомыслящих, инакочувствующих граждан, а свободой выражать идеи и мнения, свободой резкой и бескомпромиссной критики собственных институтов.

«...Современный суд и современная юстиция — наш позор и наше несчастие. Посмотрите, как ведутся дела в судах, загляните в тюрьмы. Расспросите тех, кто в них сидит, и вам будет стыдно за наш суд и за наше судебное ведомство.

...В настоящее время в России нет гарантий прав для отдельных лиц. Не обеспечена ничья безопасность, никто не может найти защиты в суде. Наши тюрьмы полны невинно заключенными и случайными жертвами.

...Передо мной проходили сотни, тысячи случаев неописуемого трагизма, когда и власть имущие, и представители общества закрывали глаза на эти трагедии и спокойно проходили мимо того, по поводу чего камни вопияли.

Делали они это потому, что они — люди, к правде равнодушные».

Что это? Письмо Анатолия Марченко в Комиссию по правам человека в ООН? Размышления современного публициста?.. Нет, это голос Владимира Львовича Бурцева, разоблачителя провокаторов царской охранки, из 1917 года, после революции заявившего: «В России нет правосудия...» Именно так называлась его статья в журнале «Жизнь и суд».

Марченко дали пробыть на воле три года после возвращения из ссылки.

В последний, шестой раз его арестовали в 1981 году.

2 сентября выездная сессия Владимирского областного суда начала слушание дела А. Т. Марченко, обвиняющегося по статье 70 части 2 УК РСФСР.

Оно происходило в небольшой комнате клуба милиции имени Фрунзе, где собралось 25—30 человек специально подобранной публики.

Запись судебного заседания сделала Л. И. Богораз, жена подсудимого. Судья спрашивает, что ей известно по этому делу. Ответ: «Мне не сообщили, в чем обвиняют моего мужа».

Следует вопрос, читала ли она книгу Анатолия Марченко «От Тарусы до Чуны». Богораз отказывается отвечать на этот вопрос, поскольку считает уголовное преследование по идеологическим мотивам опасным для общества и что, очевидно, ее мужа судят за литературу.

Прокурор Сальнов задает Марченко вопросы.

Прокурор: ***Считаете ли вы себя писателем?***

Марченко: ***Теперь считаю (подсудимый показывает на тома следственного дела).***

Прокурор: ***Писателем какой страны вы себя считаете?***

Марченко: ***Я — русский и, значит, русский писатель.***

Прокурор: ***А что из ваших произведений опубликовано в России?***

Марченко: ***Я отдавал книгу «Мои показания» в журнал «Москва» в 1968 году. Там ее перепечатали для правления Союза писателей, оттуда ее передали в Прокуратуру.***

Прокурор: ***Может быть, вы состоите членом Союза писателей?***

Марченко: ***Я считал бы для себя позором состоять в организации, которая убила Мандельштама, Бабеля, Артема Веселого...***

Судья: ***Этого не было.***

Прокурор: ***Если вы писатель, то должны быть членом Союза писателей.***

Марченко: ***Гоголь не был членом вашего Союза писателей, но писателем он был.***

С обвинительной речью выступает прокурор. Он требует признать Анатолия Марченко особо опасным преступником и назначить ему наказание в виде лишения свободы сроком на 10 лет с содержанием в ИТК спецрежима с последующей ссылкой на 5 лет.

Адвокат говорит, что отец Марченко — участник Великой Отечественной войны, он просит учесть личность обвиняемого, его хорошее отношение к труду, он считает, что назначение ему минимального срока по ст. 70 ч. 2 УК РСФСР поможет его подзащитному осознать свою вину и исправиться, так как он оценит это как проявление гуманизма.

Последнее слово предоставляется А. Т. Марченко:

«В шестой раз приходится сидеть мне на этой скамье, но в этот раз я доволен, так как впервые меня судят не по фальшивому обвинению, а за то, что я действительно сделал. Вот они, на столе,— книги, статьи, публицистические очерки, которые я написал. Но меня, конечно, не удивляет ни этот суд, ни готовый мне приговор — 10 лет... Ни в одной цивилизованной стране мира... не судят людей за критику государства, за литературу, за публицистику... Казалось бы, даже смешно такому сильному государству с такой сильной машиной массовой пропаганды, государству, которому принадлежат вся пресса, радио, телевидение, бороться с идеями такими способами — лагерями, тюрьмами... Что такое 70-я статья, по которой меня судят? Эта статья нужна для того, чтобы духовно поработить всякого и каждого, чтобы всех нас превратить в рабов».

Остановившись подробно на разборе инкриминируемых судом произведений, обвиняемый говорит, что суд не смог привести ни одного факта из них, который можно было бы счесть клеветой. Вместо доказательств — ярлыки. В статье «Третье дано» выражена точка зрения на советскую внешнюю политику и положение страны в мире. В книге «От Тарусы до Чуны» тоже отсутствует клевета, разве ее автор не был арестован, не голодал, разве его не отправляли голодающим на этап?

Что касается черновиков, тоже приобщенных к делу, то подсудимый напоминает, что в человеческом обществе считается неприличным заглядывать в чужие черновики, а здесь ими наполнили целые тома. Следователь говорил ему, что черновики позволяют заглянуть в душу, т. к. человек пишет в данном случае без оглядки...

Марченко заканчивает свою речь такими словами:

«Если этот государственный строй считает, что единственный способ опровергнуть таких, как я,— это держать их за решеткой, тогда у меня нет возражений. Значит, я буду вечно, до конца дней за решеткой, буду вечный ваш арестант».

Оглашается приговор.

4 сентября 1981 года Судебная коллегия по уголовным делам Владимирского областного суда в составе: председательствующего Колосова Н. Н. и народных заседателей Зорина В. А. и Митина В. А. при секретаре Волковой З. Д. с участием прокурора — заместителя прокурора области Сальнова С. Я. и адвоката Фрадкина Л. Д. рассмотрела в открытом судебном заседании в г. Владимире дело по обвинению Марченко Анатолия Тихоновича, 23 января 1938 года рождения, уроженца города Барабаново Новосибирской области, русского, гражданина СССР, беспартийного, с образованием 8 классов, женатого, имеющего на иждивении ребенка в возрасте 8 лет, работавшего кочегаром-оператором котельной № 6 ЖКО комбината имени III Интернационала, проживавшего в доме № 43 по улице Ленина города Карабанова Владимирской области, ранее судимого... установила его вину в преступлении, предусмотренном ст. 70 ч. 2 УК РСФСР и приговорила признать его виновным и назначить ему по этой статье наказание в виде лишения свободы сроком на десять лет с отбыванием в исправительно-трудовой колонии строгого режима с применением ссылки сроком на пять лет.

Приговор встречен аплодисментами...

ЧИСТОПОЛЬ, 1982—1986 ГОДЫ

В пермских лагерях Анатолий Марченко на «путь исправления» не встал. От своих убеждений не отказался. Ни в чем не раскаялся.

Если меры воспитательного характера на заключенного не воздействуют, к нему применяют меры наказания. Больного человека водворяют в ШИЗО, ограничивают в свиданиях и переписке.

ТЕЛЕГРАММА
СООБЩАЮ ЧТО ВАШЕМУ МУЖУ МАРЧЕНКО А. Т. В СООТВЕТСТВИИ СО СТ. 53 ИТК РСФСР СВИДАНИЕ В 1984 ГОДУ ПРЕДОСТАВЛЕНО НЕ БУДЕТ НАЧАЛЬНИК УЧРЕЖДЕНИЯ ВС-389/35

ТЕЛЕГРАММА
ЗДОРОВЬЕ МАРЧЕНКО УДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНО ПЕРЕПИСКА ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ СОГЛАСНО НОРМАТИВНЫХ АКТОВ...
НАЧАЛЬНИК УЧРЕЖДЕНИЯ...

За четыре года — семь свиданий, четыре открытки, одно письмо.

Но и этого лагерной администрации показалось мало: она ходатайствует перед Чусовским городским народным судом о переводе его на тюремный режим. Суд ходатайство удовлетворяет.

Из Чистопольской тюрьмы он пишет жене: сына приучай к работе, посади яблони, не занимайся тяжелым ремонтом...

Ему удается сообщить на волю, что 4 августа 1986 года он начал длительную голодовку. Его основное требование — освобождение всех политзаключенных. Оно было обращено к Советскому правительству и Венскому совещанию. Речь шла также и о гуманизации лагерного режима в СССР.

Из лагерей возвращаются женщины, арестованные по политическим мотивам.

Дело движется к освобождению и других политических заключенных.

Очевидно, в последних числах ноября Марченко решает снять голодовку.

Рассказывает Лариса Богораз (июнь 1989 г.):

«9 декабря 1986 года я получила срочную телеграмму из Чистопольской тюрьмы:

«ВАШ МУЖ МАРЧЕНКО АНАТОЛИЙ ТИХОНОВИЧ СКОНЧАЛСЯ В БОЛЬНИЦЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПРИЕЗДА СРОЧНО ДАЙТЕ ОТВЕТ АХМАДЕЕВ»

Телеграмма пришла через несколько дней после письма от мужа, в котором он просил прислать продуктовую посылку. Это означало, что четырехмесячная голодовка закончилась, и его жизнь, очевидно, вне опасности. События в стране развивались таким образом, что я жила надеждой на его ближайшее освобождение. Но этой надежде не суждено было сбыться.

В Чистополе я пыталась выяснить обстоятельства гибели моего мужа. Мне это не удалось. Все окутано непроницаемой атмосферой тайны. Я вижу в этом желание похоронить вместе с телом Анатолия и смысл всей его жизни, смысл его борьбы в эти последние дни.

Подлинный диагноз от меня утаивают. Начальник медсанчасти Альмеев заявил, что смерть наступила от нарастающей сердечно-легочной недостаточности, вызванной дистрофией миокарда. Врач-невропатолог городской больницы, видевший мужа перед смертью, сообщил, что его привезли с нарушением дыхательных, глотательных и речевых функций. Он полагает, что Анатолий скончался от инсульта ишемического типа. Кому я должна верить? Думаю, тюремному врачу выгодно отстаивать свою версию — официальные лица боятся, что я напомню им, как в декабре 1983-го надзиратели Волков, Щеколдин и Расулов избили Марченко до потери сознания и закованного в наручники бросили в карцер. Речь не об унижении человеческого достоинства — Анатолия нельзя было унизить руками палачей, но физическое насилие не прошло бесследно — последующие три года его постоянно мучили головные боли. Я думаю, все же администрация Чистопольской тюрьмы хотела, чтобы мой муж жил. Очевидно, желая ему помочь, врач вводил глюкозу, а при голодовке этого делать нельзя.

Мне отказали в просьбе ознакомиться с историей его болезни. Я не держала в руках заключения патологоанатомической экспертизы. Мне отказали в справке о его захоронении. Есть только уведомляющая телеграмма.

Администрация не вернула мне ни его записей, ни письма друзей к Марченко, ни его последнего письма домой, написанного в октябре. Мне кажется, потому, что там есть что скрывать.

Анатолий противостоял лжи и насилию. Противостояние началось четверть века назад. Двадцать лет из этих двадцати пяти он сражался за свободу в лагерях и ссылках. Он мог жить на воле, но сознательно выбрал тюрьму — чтобы другие были свободны...»

Как хоронят в провинции на втором году перестройки человека, чей путь оборвался в современном остроге?

10 декабря в морозный сумрачный денек несколько человек родных и близких покойного собрались у ворот Чистопольской тюрьмы. Начальник тюрьмы Ахмадеев вдову не принял. Все переговоры велись с замполитом Чурбановым. На большую часть вопросов родственники ответа не получили. Администрация была озабочена только одним — как можно скорее предать тело Марченко земле. На этапах и в лагерях его торопили при жизни, продолжали торопить после смерти. На просьбу похоронить мужа в Москве последовал категорический отказ. Оказывается, заключенных, умерших в тюрьме, обязана хоронить администрация. Такова инструкция, а инструкцию нарушать нельзя. На желание хоронить его по православному обычаю с отпеванием в местной церкви также последовал отказ. Это уже была не инструкция, а произвол. Местный. Заматерелый в своей безнаказанности. Когда только от одного слова «право» сводит скулы.

Где ищут правду при жизни, там ее ищут и после смерти. После ночных телеграмм и звонков в Казань и в Москву с требованиями похоронить покойного так, как угодно родственникам, а не тюремным чиновникам, последовало разрешение отодвинуть похороны на два часа, чтобы отпеть заключенного Анатолия Марченко. По-прежнему заключенного! Земной срок кончился — тюремный никогда.

Похоронный кортеж — автобус и «газик» для «исполняющих обязанности» — подогнали к моргу. Жена, сын, друзья внесли плохо оструганный, некрашеный сосновый гроб в автобус. Через некоторое время подъехали к церкви.

Л. Богораз: **«...Печальный обряд закончился, и мы тронулись по направлению к кладбищу. Наши мужчины по скользкой дорожке понесли гроб к могиле. Дул холодный ветер, вокруг не было ни души, кроме нас и Толиного посмертного конвоя. Мы сами опустили гроб в яму, вырытую в мерзлой земле. Друзья сказали несколько прощальных слов, и первые комья ударили о крышку гроба. Мы положили сверху живые цветы, яблоки и покрошили хлеба, а затем поставили белый крест, на котором я написала шариковой ручкой: «Анатолий Марченко. 23.01.1938—8.12.1986».**

ЭПИЛОГ

Из статьи Ю. Васильева «Пустой звон». Газета «Труд», 28.4.87 г.

«Поистине вселенский шум, поднятый антисоветчиками, вот и до сих пор не стихает на Западе. На страницах крайне правых буржуазных газет и других реакционных изданий, на экранах телевизоров то и дело мелькают лживые, провокационные, рассчитанные на будоражащую общественное мнение сенсационность слова: «убили борца за права человека», «замучили в застенках»...

Кто же он, столь горестно оплакиваемый «правозащитник»? Его, Анатолия Марченко, действительно нет уже в живых. Он скончался, будучи осужденным. Мы взялись за перо лишь с единственной целью — сказать правду об этом человеке...

На счету у Марченко было шесть судимостей. Шесть раз, не считая многочисленных душеспасительных бесед, встреч с представителями правоохранительных органов, официальных предостережений, нарушал он самым дерзким образом наши законы, за что попадал в места лишения свободы. Впрочем, отнюдь не за «идеи» и «инакомыслие», как расписывают это буржуазные попечители...

Кого выдают лживые радиоголоса за «выдающегося» писателя, публициста? Едва осилил этот человек школу-восьмилетку. Учиться дальше не стал... Не пошли впрок материнские слезы и уговоры. Нашел «учителей» и «наставников» из числа злобных недругов, хулителей нашего общества и государственного строя...

Истошно и назойливо звонят во все колокола наши зарубежные недруги по человеку, который предал свою землю и глумился над памятью двадцати миллионов ее павших защитников...»

Из выступления К. Любарского на Копенгагенской встрече деятелей культуры. Журнал «Вопросы литературы» № 5, 1989 г.

«Какова же судьба правозащитников, судьба диссидентов в наше время, во время перестройки и гласности?..

Поворотный пункт наступил в декабре 1986 года, когда в Чистопольской тюрьме погиб писатель и правозащитник Анатолий Марченко, а через несколько дней М. Горбачев, позвонив А. Сахарову в Горький, призвал его вернуться к «патриотической деятельности»...

Каждый человек — это особая, неповторимая судьба, и если честный и невинный человек оказался после долгих лет на свободе, то спасибо за это. Все так. Но...

Как посмела газета «Труд» после гибели в декабре 1986 года в Чистопольской тюрьме Анатолия Марченко, молодого рабочего, ставшего писателем, книги которого переведены на все языки мира, выступить с грязной клеветнической статьей о нем? В защиту Марченко, отбывшего шесть тюремно-лагерно-ссыльных сроков, выступали Джон Апдайк и Грэм Грин, Артур Миллер и Сэмюел Беккет, Фридрих Дюрренматт и Чеслав Милош, Эжен Ионеско и Артур Хейли, Клод Симон, Карл Поппер и многие, многие другие. Память погибшего Марченко почтила минутой молчания Венская конференция — за исключением советской и болгарской делегаций. А в это время «Труд» готовил статью, в которой говорилось, что Марченко — уголовник, безудержно восхвалявший фашизм. И это написано не в «период застоя», а в разгар гласности и перестройки...»

Из письма Президента Европейского парламента 31 октября 1988 г.

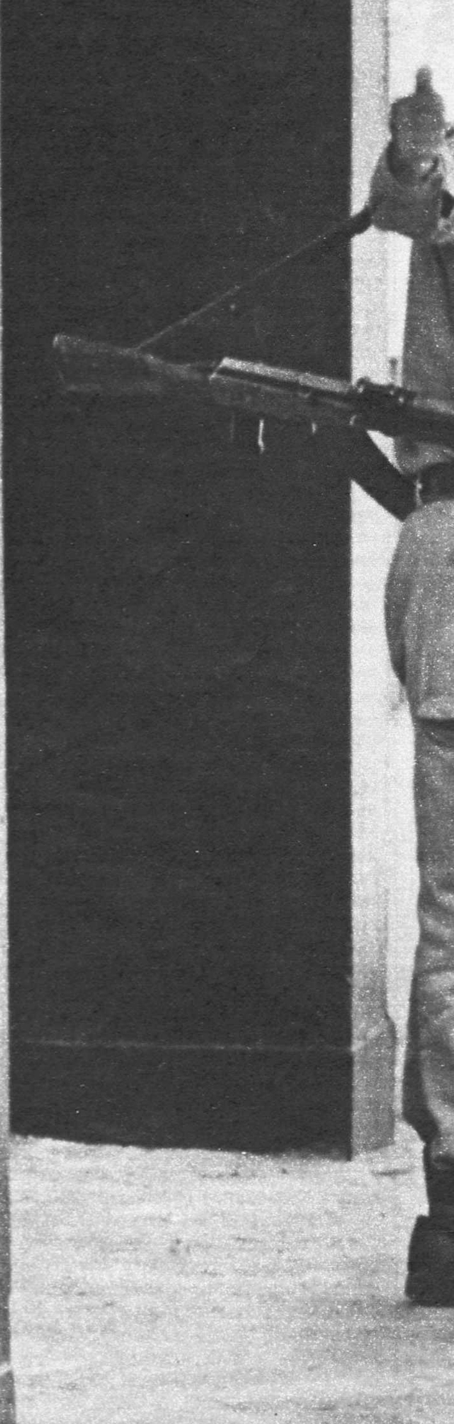
«Дорогая г-жа Богораз.

Пишу вам от имени Расширенного бюро Европейского парламента с целью уведомить вас о нашем желании отдать посмертную дань уважения Анатолию Марченко, который внес выдающийся личный вклад в дело защиты прав и свобод человека, наградив его «Премией Сахарова за свободу мысли».

Эта премия была учреждена решением Парламента от 13 декабря 1985 года с тем, чтобы почтить отдельных лиц или организации, деятельность которых символизирует свободу мысли и самовыражения и таким образом служит делу борьбы за основные права человека, в первую очередь свободу дискуссий и информации, уважение закона, международных законов и соглашений, взаимных обязательств, как основы отношений между народами...

После рассмотрения выдвинутых кандидатур было решено, что следует присудить эту первую премию вашему покойному супругу, который так трагически погиб в Чистопольской тюрьме 8 декабря 1986 года, а также г-ну Нельсону Мандела из Южной Африки...»

Живи, как все...?

АФГАНИСТАН: МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

Афганистан живет, работает, шумит... Кричат базары, каждый день в ресторане нашей гостиницы играются свадьбы на четыреста — пятьсот человек, снуют мальчишки. Только патрули, бронетранспортеры, самолеты напоминают, что в стране идет война. По краям дорог перевала Саланг, Джелалабада, Кабула кипит жизнь. Кто-то что-то несет, везет на ослике и велосипеде, кто-то копает, пашет на волах, перемалывает зерно, чинит крышу, достает воду из колодца. Удивительно трудолюбивые люди! Но и сейчас не отпускают глаза афганцев, добрые, наивные, доверчивые, по-детски чистые. Они смотрят мне вслед, как тот мальчишка с джелалабадского базара, наверняка переживший ужас бомбежек. Я не знаю ни его имени, ни кто он и где он родился. Но я так не хочу, чтобы его убили. Ему не нужна эта проклятая, непонятная война. И как хорошо, что мы оттуда ушли. По-моему, от этого в Афганистане стало намного спокойнее. Впрочем, смотрите сами и думайте.

Юрий ФЕКЛИСТОВ
Фото автора

Девальвация марки

Михаил ВУЛЬФ

Пройдет немного времени, и понятие научной филателии у нас в стране окажется похороненным под ворохом мусора дилетантских суждений, любительского эмпиризма и невежественной вседозволенности. Филателия остается отторгнутой от круга занятий, создающих духовные ценности. Гибнут последние крупные коллекции, уходят из жизни последние крупные коллекционеры, потеряв надежду передать свой опыт. Истончается целый пласт отечественной культурной традиции, имеющей более чем столетнюю давность.

Последние «зубры» эмиссионной практики Дирекции по изготовлению и экспедированию знаков почтовой оплаты (ДИЭЗПО) при Министерстве связи СССР ушли из министерства в начале 50-х годов. С той поры и начался шабаш некомпетентности. Он продолжается до наших дней. В погоне за прибылью почтовая администрация в 60-х годах предприняла беспрецедентную акцию — начала одновременный выпуск серий в зубцовом и беззубцовом вариантах. Затем последовала еще одна новация: марки в листах с купонами по краям. Филателисты вынуждены были покупать целый лист, чтобы иметь в коллекции все виды — правых, левых, верхних, нижних купонов. К тому времени кто-то в «марочной дирекции» прослышал, что филателистами ценятся надпечатки. И администрация начала планировать (!) выпуск надпечаток. Подобный нонсенс не допускает ни одна почта мира!

Почти вся внутренняя корреспонденция обеспечивается готовой конвертной продукцией. И тем не менее годовое количество издаваемых марок достигает ста пятидесяти, а иногда и ста семидесяти. Средний тираж марки — три миллиона экземпляров. Добавьте к этому почтовые карточки с оригинальной маркой. Поточное производство!

Мираж сиюминутного финансового успеха оборачивается глубокими деформациями. Все меньше филателистов подписывается на годовой абонемент советских марок (стоимость такой подписки доходит до 25 рублей, а коллекционеры приобретают, как правило, два-три экземпляра — для последующего обмена). Автор статьи общался с учащимися двух московских школ, находящихся вблизи специализированных магазинов «Филателия». Из 217 коллекционеров ни один не составляет системное собрание отечественных марок. Почему? Слишком много марок и слишком дорого.

Взрослые филателисты считают, что в деятельности охваченной жаждой наживы ДИЭЗПО преобладает безвкусная эклектика, отсутствуют система и стиль.

Общеизвестна и признана почтовая традиция отмечать юбилейные даты, кратные 25, но в практике советской почты на каждом шагу встречаются ознаменования 215-й годовщины со дня рождения И. А. Крылова, 840-летие Москвы, 80-летие Д. Ф. Устинова, 170-летие со дня рождения К. Маркса; всякого рода 10-, 30- и 40-летия дипломатических связей, юбилеев, торжеств, дней, празднование которых не является национальным событием. И в то же время многие значимые даты и события оказываются в тени. За примером идти недалеко: почта не отметила Съезд народных депутатов СССР! Все съезды партии отмечены роскошными сериями, а депутатский Съезд выпал из поля зрения почтовиков.

В ДИЭЗПО отсутствует тематическая картотека изданных у нас марок, карточек и конвертов. Поэтому художник, получив задание на определенный сюжет, не знает и не может узнать, как и когда ранее аналогичный сюжет решался в советских выпусках и тем более в зарубежных. Да нужны ли эти исторические и эстетические экскурсы, когда художники стоят в очереди за заказом? Погоня за заработком не дает возможности толком изучить тему, обдумать замысел и оригинально его воплотить. Нелепо, когда ленинградский сюжет поручается московскому художнику, а московский — волгоградскому. Нередко рисунок возникает по иллюстрации, найденной в ближайшей библиотеке. Из-за расхожих сюжетов марка теряет познавательную ценность. Поточное производство мстит за себя.

Годовые комплекты марок — конгломерат разностильных по оформлению, скучных по цветовой гамме картинок. Изредка промелькнет неординарная колористическая находка или интересное композиционное решение, но тоже вне общего стиля. Да и откуда этому стилю взяться, если каждый раз с очередными административными изменениями приходит в ДИЭЗПО новая «команда», не знающая или не желающая знать, что было сделано раньше.

В связи с очередной реорганизацией ДИЭЗПО и слиянием ее с «Союзпечатью» начальником дирекции стал Л. К. Манукян, прежде с марками дело не имевший. На должность главного редактора назначили фотокорреспондента Б. В. Мусихина, до того изготовлявшего снимки для видовых открыток. Можно только посочувствовать молодому редактору, от эрудиции которого зависят тематическое содержание и эстетическое лицо советской марки — «визитной карточки» нашего государства!

Запад уже перестал коллекционировать марки СССР последнего двадцатилетия. «Межкнигу», торгующую марками в общем «котле» с книгами, выручают лишь отдельные серии, о тематике которых она заранее договаривается с торговыми фирмами, предлагая ДИЭЗПО свои собственные планы. Президент преуспевающей в свое время ассоциации филателистов «Франция—СССР» Мишель Липшюц заявил, что его общество за последний год потеряло более 600 человек именно из-за огромного числа выпускаемых в СССР марок и в связи с трудностями в приобретении «малых листов». Их в последние десять лет выпускают в сувенирном исполнении, на полях — особый рисунок. Отпечатанные мизерным тиражом, они на корню закупаются за границей. Разными дорогами возвращаясь из-за рубежа, продукция нашего родного Министерства связи порождает на отечественном филателистическом рынке спекуляцию.

...От годовых абонементов и мелочи, зажатой в детском кулачке, «Союзпечать» только на «новинках» получает двенадцатимиллионный доход, перевыполняя планы. Поступающие в продажу марки гасятся специальным штемпелем Первого дня на специальном конверте. Гашение производится вручную, чаще всего в Москве, в специальном отделении связи. Но затем для массового тиражирования этих сувениров «Союзпечать» изготавливает отличный от подлинного штемпель (так называемый тип II) и им, уже машинным способом, гасит марки. Фальсификация в ущерб коллекционерам.

Попутно «Союзпечать» издает торговые каталоги. Ошибки и неточности советского каталога марок за 1918—1980 годы стали притчей во языцех: специалисты находят в нем более тысячи «ляпсусов». Двадцатый год (!) филателисты не могут добиться издания грамотного торгового каталога конвертов и спецгашений. Каждый год цены на коллекционные материалы претерпевают изменения, и это тотчас отражается в каталогах, издающихся мировыми и национальными зарубежными торговыми фирмами и учреждениями. Так делается всюду, но не у нас. В середине 80-х годов «Союзпечать» приняла было решение издавать подобные каталоги каждые пять лет, но это решение повисло в воздухе. Восьмой год задерживается выход очередного ценника на марки. Полагаю, не только нерасторопностью объясняется эта задержка. На торговых базах «Союзпечати» остаются завалы нереализованной продукции. Спрос на «новинки» упал, и сейчас на внутреннем рынке (черным его назвать нельзя, ибо отсутствует «белый», нормальный) марки последних пятнадцати лет продаются за полцены от номинала. Комиссионные отделы «Союзпечати» вообще не принимают такую продукцию. Выпуск ценника волей-неволей внесет четкость в хаос, без которого залежавшиеся марки не продать. Более того, возможен взрыв общественного негодования, ибо знак оплаты оказывается для рядового любителя почтовой миниатюры знаком расплаты за грехи почтовой администрации.

За четвертьвековую свою историю Всесоюзное общество филателистов пережило два глубоких кризиса. Традиции Э. Т. Кренкеля, первого председателя правления общества, были отвергнуты с приходом в аппарат правления людей с подчеркнутой выправкой и командирской медью в голосе. Часть из них знакомилась с филателией именно в тот момент, когда садилась за столы в кабинетах правления, часть занималась марками, но приблизительно...

За несколько лет было потеряно научное и историческое наследство нашей филателии! Сохранившееся островками в годы сталинских репрессий, запечатлевшееся в устных воспоминаниях (филателистический журнал был закрыт в 1932 году), было похоронено трудом и тщанием руководства общества. Последним траурным аккордом невосполнимых потерь является исчезновение одной из лучших (если не лучшей) в стране коллекции С. М. Блехмана (через несколько дней после его смерти), человека высокой культуры, обширной эрудиции, блестящего знатока марки. На фоне этой утраты разбазаривание (и расхищение?) коллекции марок СССР в самом правлении ВОФ (коллекция создавалась с целью быть образцом для экспертных исследований и для типографских иллюстраций) кажется уже мелочью.

Погоня за количественными характеристиками при оценке работы правления ВОФ привела ко второму кризису. Начиналось общество с 20 тысяч энтузиастов и подвижников. Организация всесоюзного объединения привела к естественному увеличению числа членов до ста тысяч, а через 10 лет — еще вдвое.

Тут вот что сработало. По заказу ВОФ начали выпускать относительно малотиражные (до пятисот тысяч) дорогостоящие «номерные» блоки. К концу года (при внесении членского взноса на следующий год) каждый член общества мог получить такой блок с отметкой в членском билете. Желая приобрести несколько экземпляров такой редкости, многие филателисты получали членские билеты на родственников и соседей. Филателию захлестнула волна спекуляции и идущая параллельно с ней любительщина. Дельцы от филателии начали накапливать искусственные редкости в надежде на сбыт в будущем. К филателии примазались темные личности, проявившие инициативу издания на местах так называемых «сувенирных листков», эпидемия на которые захватила все общество. Потребовались вмешательство и консультация международной филателии, чтобы разъяснить бессмысленность и нефилателистическую сущность этой небезвредной «забавы».

Лозунг «чем больше, тем лучше» привел к неминуемому: в первой половине 80-х годов (это произошло при очередном председателе, летчике-космонавте СССР Л. С. Демине) общество «вдруг» потеряло половину своего списочного состава. В отчетах и докладах приводились какие-то мифические цифры отсева, но практически половина филателистов перестала платить членские взносы. Детская филателия тоже сократилась наполовину.

В конце 1986 года автор этой статьи обратился в Отдел культуры ЦК КПСС с просьбой вмешаться в процесс разрушения филателистического движения в стране. В письме не назывались фамилии, а определялась проблема, требующая своего разрешения именно через органы культуры, а не связи. Письмо мое оказалось в той организации, которая была источником всех бед отечественной филателии. Я получил ответ из «Союзпечати». Эта двухстраничная отписка была подготовлена в стенах правления ВОФ. Мне разъясняли: «Вы правильно отмечаете, что в последние годы сократилась численность членов ВОФ. Это явилось следствием общей тенденции снижения интереса к коллекционированию не только в СССР, но и во всех развитых странах мира». Господи, подумалось тогда, хоть в этом у нас, как у людей: во всем мире спад — и у нас спад! Более фарисейское оправдание найти было трудно. Да, в то время западная филателия переживала трудные времена: много дельцов отошло от филателии. Вот какая «общая тенденция» коснулась нас!

Тандем «министерство плюс ВОФ» искал прикрытия. Стремление во что бы то ни стало удержаться в седле было доминантным. О езде уже никто и не думал. Все забыли об одном обязательном условии. Чтобы тандем двигался, надо, чтобы хотя бы один участник умел крутить педали велосипеда. Чтобы филателия развивалась, нужно, чтобы министерство или правление ВОФ понимало, что такое филателия. Какие претензии можно предъявить печатному органу Минсвязи и ВОФ — журналу «Филателия СССР», если на обложке одного из недавних номеров отпечатано: «Верность народным традициям — столбовая дорога развития отечественной филателии»? Чего можно ожидать от заседания правления ВОФ, повестка дня которого сформулирована так: «О совершенствовании работы по пропаганде советской филателии среди населения как одного из средств организации культурного досуга»? Где, в чем горе-редакторы научно-популярного издания видят фольклорные начала в филателии? А трактовка филателии как «средства организации культурного досуга» представляется вполне закономерной для сегодняшнего понимания ее правлением ВОФ. Никто не спорит, для большинства коллекционеров их «хобби» забирает время отдыха, но интеллектуальное творчество филателиста должно подкрепляться статусом филателии как науки. Однако в правлении ВОФ боятся такого подхода как огня.

...Специалисты постепенно вымирают: Министерство культуры СССР «забыло» о филателии как о национальном культурном достоянии. Музейная служба вовсе не слышала о таком явлении, как иконографические и источниковедческие достоинства почтовой марки. Ни один музей страны не имеет грамотно организованного филателистического фонда. И радуются этому аппаратчики ВОФ, ибо позиция — поодаль от культуры — помогает дольше удерживать на голове шапку Мидаса.

...В апреле 1988 года на одном из рядовых пленумов ВОФ за столом президиума оказались сразу два космонавта — председатель правления Л. С. Демин и доселе не появлявшийся в стенах правления В. В. Горбатко. К окончанию пленума, посвященного проблемам юношеской филателии, В. В. Горбатко оказался единодушно избранным председателем правления, а Л. С. Демин был освобожден по личной просьбе. Подобная метаморфоза вызвала удивление еще и потому, что В. В. Горбатко стал членом ВОФ в январе 1988 года, к моменту избрания председателем общества имел три месяца коллекционерского стажа, недобрав даже до «филателистической зрелости».

В октябре состоится очередной съезд ВОФ. Готовятся тезисы отчетного доклада для председателя, намечаются кандидатуры в новый состав правления — все, как в «лучшие» времена.

Сумеет ли съезд взорвать эту прочную, но порочную систему?

Н. АНЦИФЕРОВ

(1930—1964)

Крепенький, как гриб-боровичок, низенький, но зато с широченной грудью, всегда румяный Коля Анциферов пришел в Литинститут из донецких шахт. Позднее работал в отделе поэзии «Москвы». Сверкая яростно голубыми глазами, он читал нам стихи, утверждая великое подземное братство. И, по-моему, никто лучше его не сказал об этом братстве: «Я работаю, как вельможа, я работаю только лежа». Его талант высоко ценил Ярослав Смеляков. В теме рабочего у него не было спекуляции, он знал ее изнутри.

ВЕЛЬМОЖА

Я работаю, как вельможа,
Я работаю только лежа.
Не найти работенки краше,
Не для каждого эта честь.
Это — только в забое нашем:
Только лежа — ни встать, ни сесть.
На спине я лежу, как барин.
Друг мой — рядом, упрямый парень:
— «Поднажмем!» —
И в руках лопата
Все быстрее и веселей.
Только уголь совсем не вата:
Малость крепче и тяжелей.
Эх, и угольная перина!
Не расскажешь о ней в стихах.
Извиваешься, как балерина,
Но лопата играет в руках.
Отдохнуть бы минуту, две бы!..
Отдыхаешь, когда простой.
Семьянин говорит о хлебе,
О любви говорит холостой.
Но промчится пара минут —
И напарник мой тут как тут.
Шепчет: «Коля, давай, давай!
Вместе взялись, не отставай!»
На спине снова пляшет кожа.
Я дружку отвечаю: «Есть!»
Я работаю, как вельможа,

Не для каждого эта честь.

Александр КУТИЛОВ

(1940—1985)

Замечательные омские молодые художники Владимиров, Клевакин, Герасимов буквально «зачитали» меня стихами безвременно ушедшего их земляка, так и не замеченного столичными журналами и критиками. Действительно, в городе Леонида Мартынова жил и работал другой, достойно не оцененный нами при жизни поэт. Пусть его голос наконец-то зазвучит на всю страну.

* * *

Деревня Н. не знала гроз.
Покой и тишь — ее основа...
Но в каждом доме был Христос
С лицом Емельки Пугачева!

* * *

Человек!
Дорожи теплом,
как мой друг —
живописец Дима...
Он уж если рисует дом,
то всегда
начинает
с дыма.

ВРЕМЯ

Кричат эпохи —
разно всякий раз:
одна, как сыч,
другая — криком зайца.

Их голоса
несутся мимо нас,
но не услышишь,
как ни напрягайся...

Но часто мы
замрем среди толпы
в чужом экстазе —
пламенном и диком...

Звук пионерской
бронзовой трубы
на миг сольется
с мамонтовым криком.

Сергей ЧУХИН

(1944—1984)

Один из самых талантливых вологодских поэтов рубцовской плеяды. Талант его был нежен и беззащитен. Один из самых тишайших и в то же время потенциально взрывных людей, в нем эти качества перемежались с непредугадываемой очередностью. Его безвременная смерть унесла от нас столько не написанных им прекрасных стихотворений.

ХУДОЖНИКУ МИХАИЛУ БРАГИНУ

Ах, эта жизнь — гори она огнем!
Давай, мой друг, махнем куда
попало,
Давай вдвоем немного отдохнем...
Мы столько были под людским
судом,
Что Вышнего бояться не пристало.
Да только ли в багетах золотых
Возможно счастье? Нет, оно
повсюду:
Меж елей, темнотою налитых,
В морозе, что захватывает дых,
В любом цветке, уже подобном чуду.
Поехали! Не все ли нам равно...
Куда-нибудь в деревню, недалече,
Где не горчит, а радует вино,
Где не гремят под вечер в домино,
Где умных лиц не делают
при встрече.
Осточертели вечные ханжи,
Что взглядами, как банными
листами,
Картины облепили, витражи;
И облепили слово ржавью лжи;
И преуспели в том, и не устали.
А мы от них давай передохнем
Да примемся за старую работу —
Смешаем ночь с быстробегущим
днем
И за рога судьбу свою возьмем,
Не погрешив в работе ни на йоту.
Пускай вослед нам слухи заснуют,
И каждый будет сплетней
приукрашен;
Пускай ханжи нам суд
произнесут...
Мы столько раз судимы были тут,
Что божий суд и то уже
не страшен.

* * *

Стоит июль. Стоит жара.
Колодец есть, но нет ведра.
И, значит, воду каждый дом
Здесь достает своим ведром.

А это значит — много лет
Здесь мира не было и нет.
Недаром на дверях замки,
Собак железные клыки.

Недаром дети на привет
Глядят испуганно вослед.
Здесь пахнет все недаром
Поджогом и пожаром!
Недолго до беды...

Не надо нам воды.

Алексей ЕРАНЦЕВ

(1936—1972)

Каюсь, стихи Еранцева впервые прочел, когда его уже не стало. Они поразили меня такими строками: «Не плакал, не лукавил, и умер оттого, что ни цветок, ни камень не бросили в него». Да, воистину святость входит в легенду лишь тогда, когда начинают бросать камни, а потом распинают. Но никто еще так просто, по-народному, с легкой веселой насмешливостью не сказал об этом до Еранцева. У него вообще был редчайший частушечный дар,— именно в таком разухабистом ключе написан его запевочный шедевр «Корова». Но Еранцев был силен не только в фольклоре, но и в классическом пятистопном ямбе: «Он говорит на пальцах мне, он лепит из воздуха слова. А речь смутна». Как некрасовский коробейник, этот самородок земли русской нес на плечах целый короб невоплощенных возможностей.

* * *

Лицом к скале — распяла высота.
Превозмогаю высоту над бездной.
Углом земного порванного рта
Держусь за стебель, слабый,
поднебесный.
Стою на кромке солнечного дня,
На ласточку готовый опереться,
И чувствую, как медленно меня
Тяжелое раскачивает сердце.

СВЯТОЙ

Безгрешней, чем игумен,
Сильней, чем геркулес,—
От сумерек не умер,
От солнца не воскрес.
Шел в ватнике нагольном
По чешуе шуги
Через ушко игольное
Недреманной тайги.
В краю тепла и хлеба,
Себе наперекор,
Ни лодку, ни телегу
Не ставил на прикол.
Молодушек не сватал,
Когда гудела кровь,
За чудо и за святость
Не требовал даров.
Не плакал,
Не лукавил
И умер оттого,
Что ни цветок, ни камень
Не бросили в него.

* * *

Вот была у нас корова!
Дед навьючит ползарода,
Сверху сядет, как князек,
А доенушка везет.
В бороне ходить умела,
И в телеге, и в санях.
Бригадир Иван Безменов
От нее стерпел синяк.
Вот была у нас корова!
Все столбы переборола,
Разбодала три угла —
Отелиться не могла.
Нанесла двойной убыток,
Подкузьмила семерых...
До сих пор ее копытом
Гвозди дергает старик.

* * *

Он говорит на пальцах мне,
он лепит
Из воздуха слова. А речь смутна,
Как лепет листьев в тишине,
как лепет
Ребенка в жарком обмороке сна.
Мой голос напряжен. Вот-вот
жди хрипа,
Дойдет, сорвется. Но в его глазах
Я словно ртом хватающая рыба:
Мы говорим на разных языках.
И между нами пустота пустая,
Но вот берет сырую глину он,
Отбрасывает лишнее и ставит
Лепное слово на мою ладонь.
Лепное слово: буйный глаз олений,
Закинутые за спину рога,
И раздувает ноздри дух весенний,
И на рогах обрывок поводка.
И мысль его, как сок по корневищу,
Идет в меня. Впервые на веку
Отчетливо глухонемого слышу —
Впервые отозваться не могу.

ЛА СКАЛА СЕГОДНЯ

Беседа Николая ПРОЖОГИНА с директором Ла Скала Карло Мария БАДИНИ

Приехав в Милан, позвонил Бадини. Мы знакомы с 70-х годов, когда я работал в Италии корреспондентом. Встречались и позже, в Милане и Москве. На этот раз хотелось побеседовать с ним о нынешней жизни знаменитого оперного театра, гастроли которого начинаются в Москве 6 октября. «Приходи в субботу, будет меньше дел»,— сказал он.

На стенах те же, висевшие еще при его предшественниках, портреты Верди и Тосканини, старинная гравюра с видом театра, афиши спектаклей, ставших событиями музыкальной жизни...

К. М. Б. Это третьи гастроли Ла Скала в СССР. Первые состоялись в 1964-м, вторые — в 1974 году. Организация таких турне — дело не простое. Достаточно сказать, что в Москву поедет 450 человек, потребуются десятки автофургонов для того, чтобы доставить декорации, костюмы, реквизит. Но разве дело в цифрах! Какие голоса мы привезем: Гена Димитрова, Мирелла Френи, Лелла Куберли, Фиоренца Коссотто, Джузеппе Джакомини, Никола Мартинуччи, Винченцо Ла Скола, Даниела Десси, Клаудио Десдери, Анна Мури... Дирижеры Риккардо Мути, Лорин Маазель и Джанандреа Гаваццени.

Н. П. *Программа гастролей состоит из четырех опер — «Капулети и Монтекки» Беллини, «Так поступают все женщины» Моцарта, «Адриенна Лекуврёр» Чилеа и «Турандот» Пуччини, а также «Реквием» Верди. Кроме оперы Моцарта, идущей в Большом театре, три других спектакля для многих у нас — новинка. Да и в Италии они ставятся не часто. Такой подбор сделан специально?*

К. М. Б. Программа может действительно показаться неожиданной. Мы исходили из того, что следует знакомить публику и с не известными ей произведениями. Такова, наверное, для многих «Лекуврёр», да и «Капулети и Монтекки» не относится к числу распространенных опер. Но вот во время нашего прошлогоднего турне в Японию она имела такой успех, которого мы сами не ожидали. Поэтому и включили ее в программу московских гастролей. Что касается оперы Моцарта, то это — детище нынешнего главного дирижера Ла Скала Риккардо Мути, а следовательно, своего рода визитная карточка театра. Наконец, «Турандот» в постановке Дзеффирелли, кажется, специально созданной для многотысячной аудитории, которую вмещает зал Кремлевского Дворца съездов, где мы и представим ее москвичам. Остальные спектакли будут идти в Большом.

Н. П. *В преддверии гастролей нашей публике интересно подробнее узнать о жизни вашего театра.*

Мне довелось знать двух первых директоров Ла Скала послевоенного периода: Гирингелли и Грасси. С тобой же мы познакомились еще в Болонье, когда ты был там директором Театро Комунале.

К. М. Б. Да, я в Ла Скала с 1 марта 1977 года.

Н. П. *Как ты оцениваешь деятельность двух твоих, ныне, к сожалению, уже покойных предшественников?*

К. М. Б. Заслуга Гирингелли в том, что он вместе с Комитетом освобождения и коммунальным советом Милана после войны возродил Ла Скала и закрепил его славу в мире, чему, конечно, способствовала и работа в театре Артуро Тосканини. Гирингелли сумел также привлечь в Ла Скала великие голоса, начиная с Марии Каллас. Недаром те годы называют золотым веком Ла Скала.

Затем наступило время великого менеджера культуры, каким был Паоло Грасси. Он принес в стены Ла Скала вместе со своим энтузиазмом то, что осталось в них и после его ухода на радио-телевидение,— обновление драматургической интерпретации опер, для постановки которых приглашались лучшие режиссеры Италии и других стран.

Музыкальный мир должен быть благодарен двум этим людям. Каждый из них внес свой вклад в историю Ла Скала. Оба реализовали в Ла Скала свои личности, и их личности реализовались в том; чем стал театр.

Н. П. *Итальянские оперные театры не имеют постоянного репертуара. В минувший сезон на сцене Ла Скала было поставлено в большинстве случаев заново двенадцать опер и три балета. Каждый спектакль шел от четырех до десяти раз и уступал место следующему. Немногие из них повторятся в той же постановке в будущих сезонах. В чем преимущества этой системы перед репертуарным театром?*

К. М. Б. По крайней мере одно бесспорное — гарантия высокого качества спектаклей. К тому же у них нет времени превратиться в рутину.

Н. П. *Итак, ваш репертуар варьируется год от года. Но насколько широк выбор — тридцать, сорок, пятьдесят опер?*

К. М. Б. Мы используем все, сохранившее ценность в истории музыки. Опираемся, конечно, на итальянскую классику. Но не ограничиваемся ею. С приходом в качестве главного дирижера Риккардо Мути, зарекомендовавшего себя одним из лучших, если не лучшим интерпретатором Моцарта, поставили сразу три его оперы: «Свадьба Фигаро», «Так поступают все женщины» и «Дон Жуан». В этом году поставили редко исполняемую оперу Вебера «Оберон» и «Сказку о царе Салтане» Римского-Корсакова, которая, кажется, нечасто присутствует и на советских сценах. Вообще мы довольно регулярно обращаемся к русскому репертуару. Устроили фестиваль опер Мусоргского. Недавно вновь ставили «Евгения Онегина». В будущем сезоне представим «Пиковую даму». Так что, думаю, выбор больше, чем из тридцати опер.

Н. П. *У Ла Скала есть свой оркестр, хор, кордебалет, но нет своих солистов — исполнителей главных партий...*

К. М. Б. Вместе с певцами, танцорами, оркестрантами, техническим и административным персоналом нас 830 человек. Что касается солистов, то они работают по контрактам. При этом мы ищем в Италии и других странах наиболее подходящие для каждой партии голоса. И это еще один фактор, обеспечивающий высокое качество спектаклей. Не практикуем мы и второго состава исполнителей. Только в исключительных случаях, когда партия очень сложна или из-за болезни, мы вынуждены заменять одного артиста другим.

Н. П. *Если не секрет, сколько вы платите солистам высшего класса?*

К. М. Б. Могу сказать, что максимальная ставка за каждый вечер выступления, включая репетиции, составляет 35 миллионов лир. *(Для справки: 1000 итальянских лир по официальному курсу — около 50 копеек.)*

Н. П. *А сколько стоит билет в Ла Скала?*

К. М. Б. Первые четыре спектакля каждой постановки — абонементные. На них поступающие в кассу билеты стоят около 140 тысяч лир. Это на место в партере. На последующие представления — 60—70 тысяч. На ярусы, конечно, дешевле, а входной на галерку — 4 тысячи.

Н. П. *Слышал, что цены на вечер открытия сезона поднялись до головокружительной высоты.*

К. М. Б. Лучшие места — по миллиону лир. Но ты же знаешь, сколько людей жаждет попасть в этот вечер в Ла Скала! Впрочем, и в обычные дни театр практически всегда переполнен. Трудно представить, сколько телефонных звонков, писем, телеграмм мы ежедневно получаем из других городов, из других стран со слезными просьбами оставить один, десять, двадцать билетов, а бывает, и на все 2015 мест. Милан нередко выбирается в качестве места проведения международных конгрессов именно потому, что здесь — Ла Скала.

Н. П. *И тем не менее Ла Скала часто бывает закрыта.*

К. М. Б. Я бы не сказал, что часто. За оперный сезон с 7 декабря до второй декады июля дается 110—120 спектаклей и концертов. С сентября до середины ноября в театре сезон симфонической музыки. В целом же с выступлениями на других сценических площадках мы даем более 300 спектаклей и концертов в год.

Конечно, мы нуждаемся в расширении площади. К сожалению, на той же сцене приходится проводить и репетиции, а они при нашей требовательности к качеству занимают длительные периоды. Поэтому в некоторые дни театр и бывает закрыт. Впрочем, недавно мы вступили во владение театром «Пуччини», за что благодарны коммуне Милана. Надеюсь, что года через два он станет Ла Скала № 2.

Н. П. *Продолжаете ли вы практику «спектаклей для трудящихся», начатую Грасси?*

К. М. Б. Продолжаем в форме концертов. Теперь этот цикл называется «Ла Скала для студентов, молодежи и трудящихся». В прошлом сезоне было дано пятнадцать концертов, билеты на которые с 50-процентной скидкой распространяются через профсоюзные организации и культурные общества.

Но мы пошли дальше. Уже три года в нашей программе есть раздел «Ла Скала для детей». В нем два балета и две детские оперы. Ставятся они в других театральных залах. Оригинальность, быть может, уникальность этих спектаклей в том, что они и осуществляются силами детей — участниками детского хора и учениками балетного училища и музыкальной школы. Новинкой последнего сезона стал цикл под названием «В Ла Скала с дедушками». В нем тоже по два оперных и балетных спектакля, но из основной программы театра. Два билета на них — взрослый и детский — продаются по стоимости одного, что позволяет не только ребятам, но часто и их дедушкам или бабушкам впервые в жизни переступить порог Ла Скала.

Н. П. *Театр Ла Скала — один из тринадцати* enti lirici. *Этот термин не имеет у нас аналогий. Что он означает?*

К. М. Б. Жизнеспособность театра Ла Скала в том, что он всегда был внимателен и восприимчив к переменам в обществе. Уже в начале века руководство театра понимало, что им нельзя по-прежнему управлять от имени нескольких аристократических семей, как это было со времен австрийского господства. Но изменения оказались возможны, когда итальянское рабочее движение набрало силу и во главе миланского муниципалитета встали социалисты, заявившие, что Ла Скала, будучи символом города, должна и принадлежать ему. Так в 1920 году театр стал общественным.

По существующему ныне законодательству театр Ла Скала — один из тринадцати enti lirici, которыми являются двенадцать оперных театров Италии и римская консерватория Санта Чечилия. Их можно сравнить с государственными театрами, поскольку их в основном финансирует государство. Например, бюджет Ла Скала, составивший в 1987 году около 85 миллиардов лир, более чем на 70 процентов был покрыт за счет государственных субсидий.

Н. П. *Во главе театра стоит административный совет. Кто в него входит и каковы его функции?*

К. М. Б. Совет можно разделить на две части. С одной стороны, представители территориальных органов самоуправления — коммуны Милана, Миланской провинции и области Ломбардия. Через них в совете представлены и основные политические партии. С другой — представители профсоюзов. И, конечно, директор театра, а также консерватории. Председателем является мэр города, чем подчеркивается муниципальная традиция оперных театров Италии.

Собираясь раз в месяц, административный совет определяет направления деятельности театра, обсуждает основные проблемы коллектива, утверждает бюджет. Его утверждению подлежат и все акты, исходящие от председателя, вице-председателя и директора. Должен сказать, что в девяноста девяти случаях из ста решения принимаются единогласно.

Н. П. *Однако внутреннюю жизнь театра не назовешь спокойной. Создается впечатление периодически возникающего противостояния администрации и профсоюзов. Вот и началу последнего сезона предшествовала угроза забастовки, чуть не сорвавшей его открытие. Ее удалось предотвратить, но потом забастовки происходили неоднократно. В чем их причина?*

К. М. Б. Раз в три года возобновляются коллективные трудовые соглашения. Переговоры с профсоюзами ведутся в два этапа на разных уровнях. На первом все тринадцать enti lirici и национальное руководство профсоюзов разрабатывают общие рамки соглашений. На втором — согласовываются конкретные положения для каждого театра внутри его самого. Основные вопросы касаются трудовых нормативов и экономических проблем. Поскольку исходные позиции сторон различны, возникает напряженность. Но, дискутируя, стороны находят точки соприкосновения и в конечном счете приходят к согласию. Так было и на этот раз...

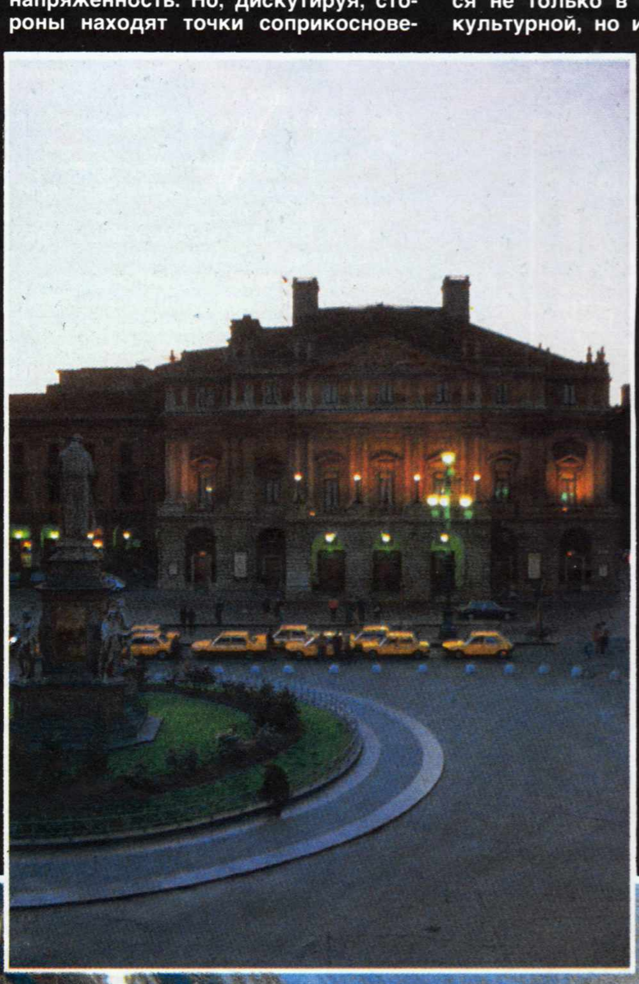
Н. П. *Подводить итоги твоей деятельности в Ла Скала рано. Но что ты можешь сказать о своем опыте работы в этом театре? Что тебе удалось в нем сделать?*

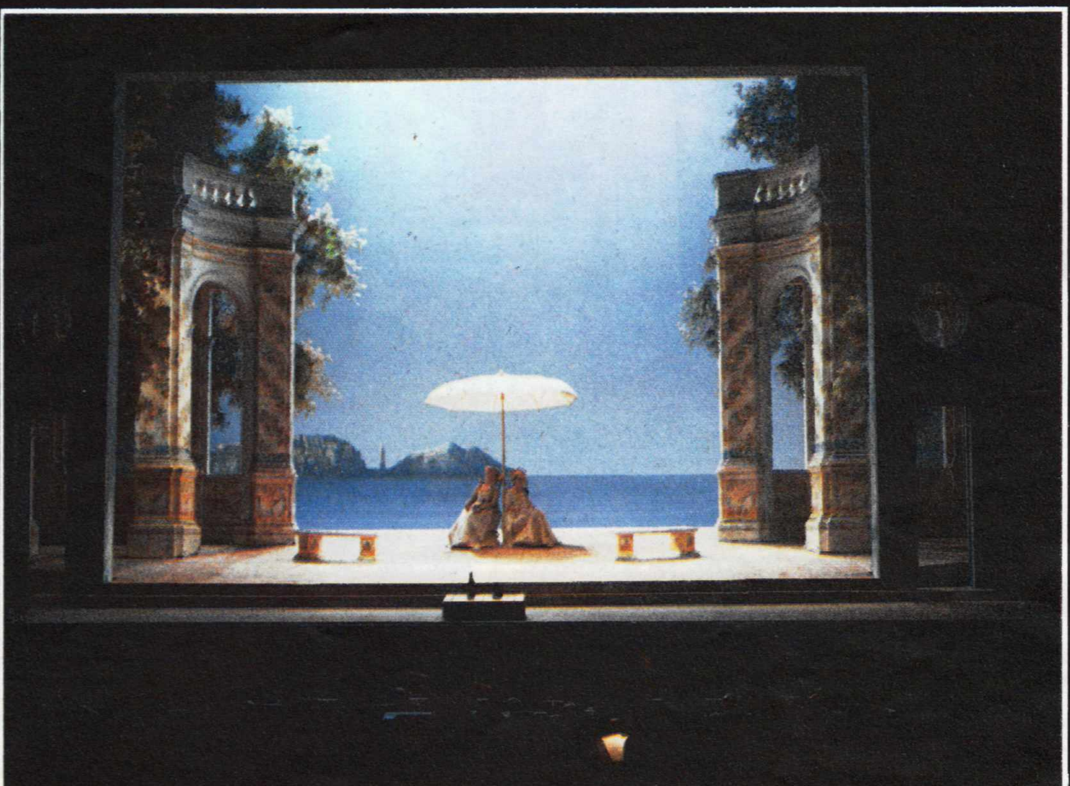
К. М. Б. Придя сюда, я оказался в благоприятном положении. Моим долгом было продолжить дело моих предшественников, конечно, с учетом новых обстоятельств.

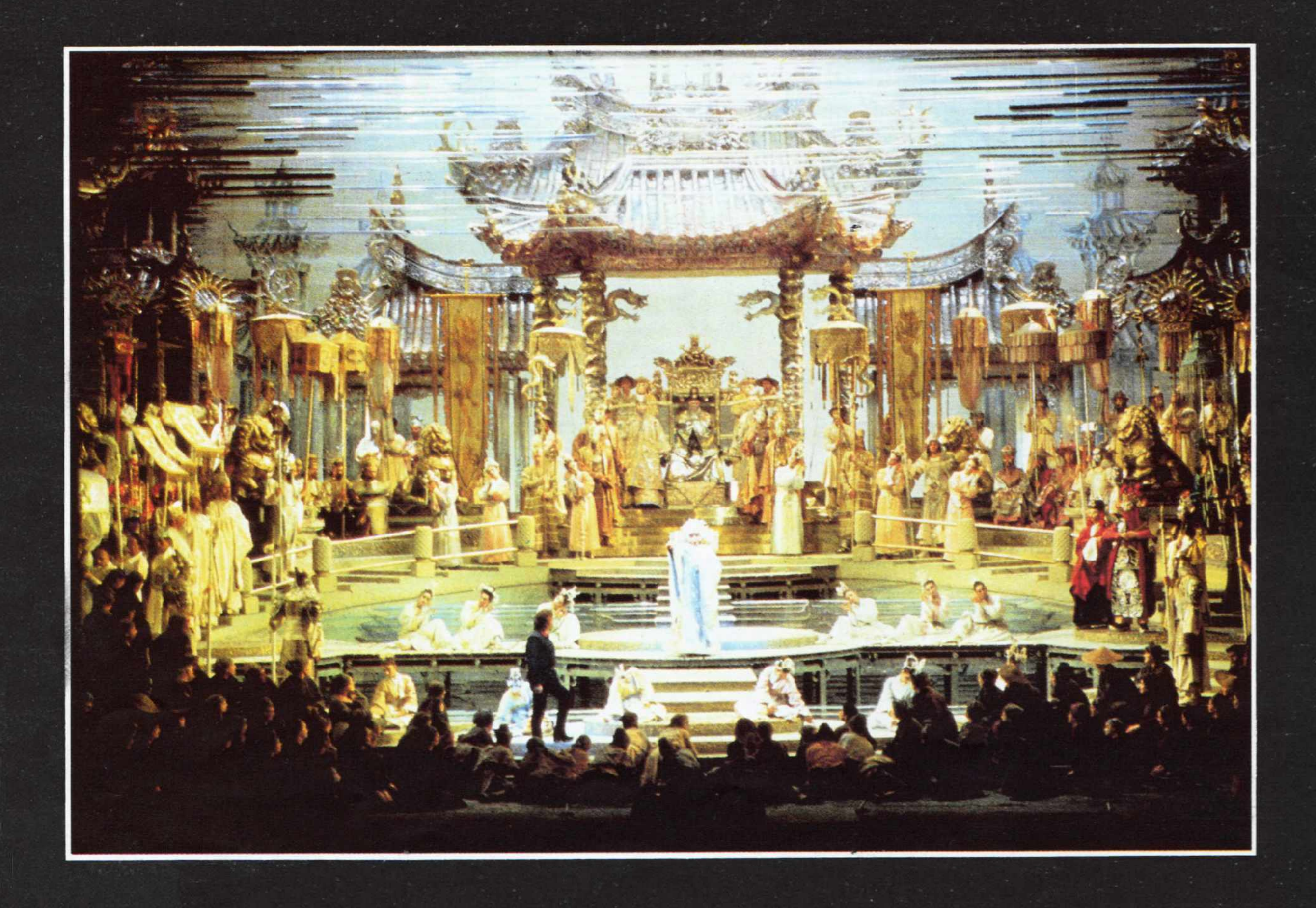
Я хотел использовать силу притяжения Ла Скала, которая заключается не только в ее художественной, культурной, но и социальной значимости для поднятия престижа Милана, Италии. Стал налаживать сотрудничество между театром и той маленькой волшебной шкатулкой, которая называется телевизором.

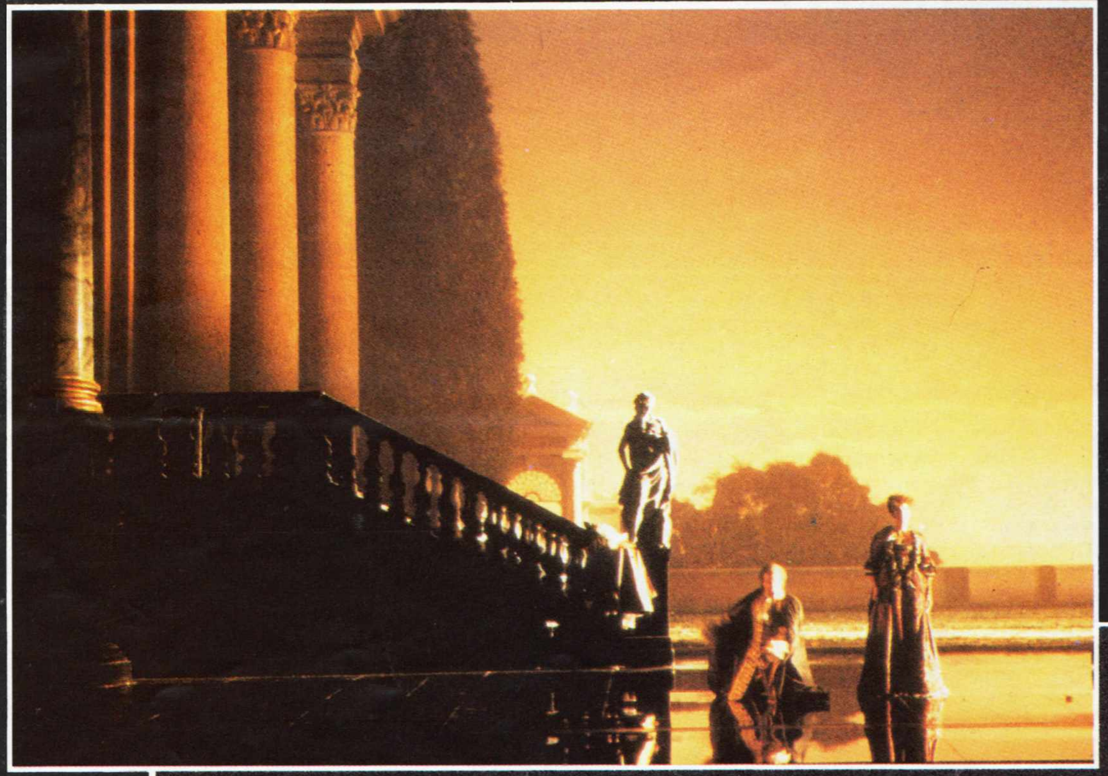
Этот путь тоже открыл Грасси. Многим памятен тот чудный вечер, когда на экранах телевизоров впервые транслировался спектакль Ла Скала «Отелло» Верди. С тех пор связи театра с государственным радио, телевидением превратились из эпизодических в постоянные. Уже два года действует соглашение о прямой передаче пятнадцати — двадцати спектаклей в течение пяти лет и записи их на видеопленку. Помимо прочего, это и более продуктивное общественное использование средств, выделяемых театру государством.

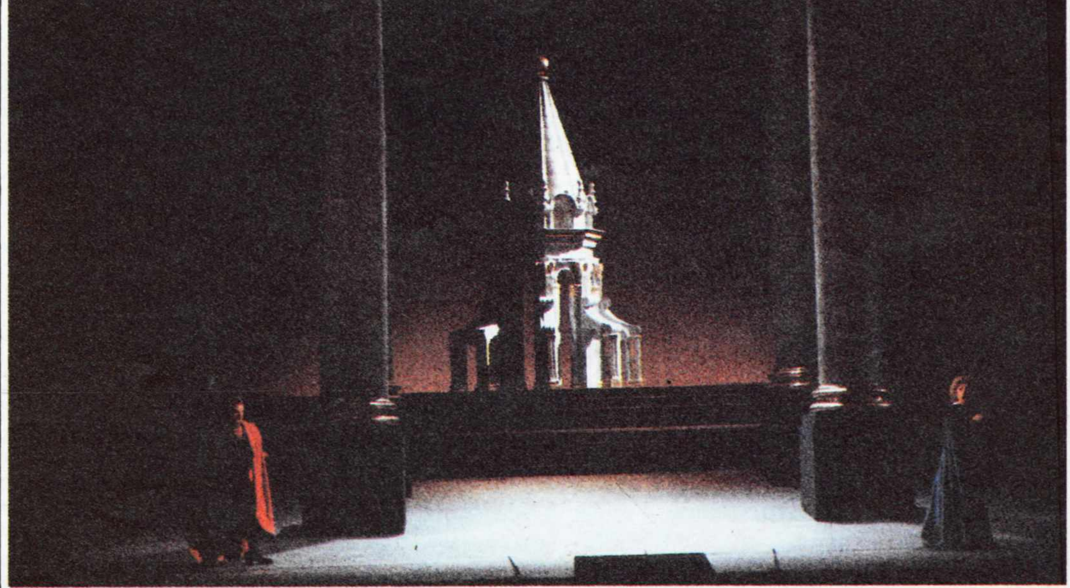
Мы воспринимаем ТВ не как врага, которого следует сокрушить, а как союзника, с которым идем одной дорогой, распространяя спектакли Ла Скала по всей Италии и за ее пределами. Представь, в Японии за два месяца было продано четыре тысячи кассет с видеозаписью «Дон Жуана» Моцарта. Мне бы хотелось, чтобы и советская публика могла смотреть записи наших спектаклей.

Н. П. *Боюсь, что видеозаписи ваших спектаклей мы еще не скоро увидим. Причиной тому и положение с валютой, и наша отсталость в области видеотехники. Но, по счастью, существуют другие формы связей, в том числе обмен стажерами. К вам едут наши певцы, мы принимаем ваших танцоров.*

Советские артисты по-прежнему приглашаются в Ла Скала для участия в спектаклях?

К. М. Б. Да, у нас довольно часто поют Образцова, Нестеренко. А в этом году произошла подлинная сенсация, когда актриса минского театра Мария Гулегина выступила в «Тоске» Пуччини. Она стала любимицей нашей публики. Надеемся услышать ее вновь в следующем сезоне.

Н. П. *Советские режиссеры тоже, хотя и нечасто, ставят спектакли на сцене Ла Скала...*

К. М. Б. Совсем свежий пример — постановка Григоровичем «Раймонды» Глазунова. Его работа с нашими артистами, танцующими как классику, так и современные балеты, имела и то положительное значение, что Григорович — хореограф, относящийся с большим уважением, скажем так, к академической школе танца, а она непременная основа подготовки артистов балета.

Н. П. *Несколько лет назад шел разговор о приглашении к вам Владимира Васильева в качестве главного балетмейстера. Почему это не состоялось?*

К. М. Б. Я согласовал с Васильевым условия его работы у нас и поехал в Москву, чтобы подписать контракт с теми, кто представляет интересы советских артистов за рубежом. Полагал, что это Госконцерт. Однако меня направили не помню уже в какое министерство или управление, где мои собеседники оказались гораздо искушеннее в торговле, нежели в искусстве. Мы говорили на совершенно разных языках.

Н. П. *В то же время в итальянской печати высказывались сомнения в том смысле, что отличный танцор необязательно является хорошим хореографом.*

К. М. Б. Ну знаешь, по части сомнений Италия может быть школой для кого угодно. У себя в театре мы были уверены, что сделали правильный выбор. Единственная причина, из-за которой контракт не был подписан, заключалась в том, что в учреждении, о котором я говорил, артистов рассматривали в качестве товара. Надеюсь, эта практика не повторится в новой советской действительности.

Хочу отметить, что в ходе последних встреч, которые у меня были в Москве, а они касались не только обмена гастролями двух театров, но и отдельных артистов, я почувствовал большую готовность понять наши аргументы, решать проблемы, а их, конечно, немало. Мне показалось, что меняется сама атмосфера переговоров, чувствуется желание собеседников прийти к соглашению.

Н. П. *Будем надеяться, что советско-итальянский обмен и в этой области станет более интенсивным.*

К. М. Б. Я совершенно уверен в необходимости этого. Советский опыт полезен для нас, и наоборот. Если дела пойдут и дальше в духе открытости, готовности к сотрудничеству на равных, то и такие сложные сейчас проблемы, как неконвертируемость рубля, отойдут на второй план. Мы сможем наладить не только обмен гастролями театров, что неосуществимо слишком часто, но и обеспечить постоянные выступления советских артистов на итальянских сценах, а итальянских — на сценах Советского Союза.

Милан — Москва.

Слайды любезно предоставлены театром Ла Скала.

Борис БАЖАНОВ

Кремль, 20-е годы

ВОСПОМИНАНИЯ БЫВШЕГО СЕКРЕТАРЯ СТАЛИНА

Мое положение как секретаря Политбюро быстро укрепилось. Вначале Зиновьев и Каменев смотрели на меня с некоторым недоверием: «человек Сталина». Но очень скоро они пришли к выводу, что я занимаю этот пост не по благоволению Сталина, а потому, что обладаю нужными качествами. Первые три-четыре недели моей работы в Политбюро я продолжал еще принятую на заседаниях технику, когда Ленин, а потом Каменев формулировали постановления Политбюро и диктовали их секретарше Гляссер, а та их записывала. Но вскоре я решил повторить мой опыт с Молотовым и Оргбюро и взять на себя формулировку большинства постановлений. Правда, когда я это проделывал с Молотовым, я не только позволял ему выигрывать много времени, но и очень помогал ему по сути, так как он формулировал медленно и трудно. Каменев был блестящий председатель, формулировал быстро и точно, и здесь речь шла только о выигрыше времени. Я обратился к Каменеву и сказал ему: «Я всегда очень хорошо подготовлен к заседанию, прекрасно знаю все нюансы в предложениях ведомств и их значение, а также всю историю вопроса; поэтому нет надобности всегда мне диктовать постановления, я их могу формулировать сам в смысле принятого решения». Каменев посмотрел на меня с некоторым удивлением, и его взгляд говорил: «Ты, юноша, кажется, слишком много на себя берешь». Но он ничего не ответил.

На первом же после этого заседании Политбюро обсуждался какой-то сложный вопрос народного хозяйства, в котором ни ВСНХ, ни Госплан, ни Наркомфин не были согласны. После долгих споров Каменев, наконец, заявил: «Ну, насколько я вижу, Политбюро склоняется к точке зрения Рыкова. Голоснем».

Действительно, голосование подтвердило позицию Рыкова. Тогда Каменев, бросив на меня быстрый взгляд, сказал: «Хорошо. Пошли дальше»,— и перешел к следующему вопросу повестки. Это носило характер трудного экзамена. Я написал большое и сложное постановление по многим и разным вопросам обсуждавшейся проблемы, как обычно, на картонной двойной карточке и передал ее через стол Сталину. Сталин прочел, не сказал ни слова и передал ее Каменеву. Каменев внимательно прочел, не сделал ни одной поправки и передал карточку мне с некоторым движением глаз, которое должно было означать «браво». С этого момента началась эта новая политика, предложенная мною, и Политбюро выигрывало много времени, не теряя его на формулировки...

Между тем скоро я сделал еще один шаг в моем аппаратном восхождении. На заседании тройки я сказал: «Вы принимаете на Политбюро очень много хороших постановлений, но вы не знаете, как эти постановления выполняются, и зачастую — выполняются ли они. Конечно, нецелесообразно создавать какой-то добавочный аппарат контроля за выполнением решения — все в работе Политбюро абсолютно секретно, и нельзя увеличивать круг лиц, знакомых со всеми этими секретами. Между тем есть простой способ осуществить хотя бы в общих чертах этот контроль всех вопросов, обсуждаемых на Политбюро. Я хорошо знаком и с духом, и с буквой постановлений Политбюро — я их записываю и часто формулирую: Поручите мне контроль за выполнением постановлений Политбюро — я буду обращаться к руководителям ведомств, которым выполнение поручено; как бы ни оценивать вес этого контроля, уже одно постоянное напоминание руководителям о том, что есть глаз Политбюро, постоянно следящий за выполнением, не может не иметь положительного влияния».

Каменев и Зиновьев нашли это вполне логичным и согласились. Сталин молчал; он прекрасно понимал, что это идет по линии усиления его власти — его помощник будет контролировать деятельность всех министров и членов Центрального Комитета; это усиливает его значение. При этом он смотрел на меня тем же пытливым взглядом, который, кроме того, говорил: «Ну, ты, кажется, далеко пойдешь».

Контроль за исполнением постановлений Политбюро я вел так. Были приготовлены большие тетради; в них слева был наклеен текст каждого решения Политбюро, справа были мои отметки о результатах контроля. Работу контроля я вел самостоятельно и ни перед кем не отчитывался. Я брал трубку («вертушки») и звонил руководителю ведомства, которому было поручено выполнение. «Товарищ Луначарский, говорит Бажанов; такого-то числа Политбюро вынесло такое-то постановление; скажите, пожалуйста, что вами сделано во исполнение этого постановления». И товарищ Луначарский должен был, как школьник, отчитываться. По особенностям советской системы, общей халатности и неразберихе, выполнялась небольшая часть решений. Товарищ Луначарский должен был возможно убедительнее мне объяснять, что, хотя выполнено мало, но ни он, ни его ведомство в этом не виноваты, а виноваты какие-то объективные причины.

Этим контролем я скоро поставил себя в особое положение и стал даже некоторой угрозой для всех, даже самых высокопоставленных членов большевистской верхушки. Это был классический пример силы. Я мог признать объяснения удовлетворительными и на этом дело прекратить, но мог признать их неудовлетворительными и доложить об этом тройке или Политбюро. И дело было, конечно, не в том, что по моему докладу Политбюро сейчас же поторопится снять провинившегося,— назначения и смещения происходили по совсем другим мотивам борьбы за власть и закулисным интригам, но если была уже тенденция от кого-либо отделаться и снять его с занимаемого им крупного поста, то какой предлог для этого лучше, чем доклад секретаря Политбюро с фактами и доказательствами о том, что данный сановник систематически не выполняет постановлений Политбюро. Этот контроль я вел затем все время моей работы в Политбюро.

Я был молод и энергичен и скоро нашел себе одну побочную сферу интереса. Когда я был еще секретарем Оргбюро, я присутствовал при утверждении Организационным Бюро состава Высшего Совета физической культуры и некоторых общих директив для деятельности этого учреждения. Тогда же мне бросилась в глаза вздорность работы этого ведомства, но я был еще недостаточно крупным винтиком аппаратной машины, чтобы выступить с критикой.

Физическая культура понималась как какое-то полезное для здоровья трудящихся масс и для их дрессировки, почти обязательное массовое и скопом производимое размахивание руками и ногами, так сказать, какие-то коллективные движения для здоровья. Это и пытались внедрить во всяких рабочих клубах, загоняя трудящихся чуть ли не силой на эти демонстрации. Это, конечно, не вызывало ни малейшего интереса и рассматривалось как нечто не менее скучное, чем уроки политграмоты, от чего нужно было спасаться бегством. Спорт же, по идеям теоретиков этой «физкультуры», рассматривался как нездоровый пережиток буржуазной культуры, развивавший индивидуализм и, следовательно, враждебный коллективистским принципам культуры пролетарской. От физкультурной скучищи дохли мухи, и ее Высший Совет влачил жалкое существование.

Когда я был уже секретарем Политбюро, я как-то сказал Сталину, что «физкультура» — это ерунда, никакого интереса у рабочих не вызывающая, и что надо перейти к спорту, к соревнованиям, интерес к которым у трудящихся масс будет совершенно обеспечен. В Высший Совет входит членом представитель ЦК; это заведующий Агитпропом ЦК, который, сознавая никчемность учреждения, там, кажется, ни разу и не был.

Назначьте меня представителем ЦК, и я поверну дело, проводя это как линию ЦК от физкультуры к спорту. Сталин согласился — он привык всегда со мной соглашаться по вопросам, которые его совершенно не интересовали...

Высший Совет составлялся по положению из представителей очень многих ведомств. Между прочим, членом Высшего Совета был и Ягода как представитель ГПУ. Но работу должен был вести Президиум Высшего Совета. Он состоял из пяти человек: председателя, которым был нарком здравоохранения Семашко; заместителя председателя — им был представитель военного ведомства Мехоношин; и трех членов Президиума — меня как представителя ЦК партии, молодого доктора Иттина, представителя ЦК комсомола и представителя ВЦСПС Сенюшкина.

Созвали Пленум Высшего Совета, и я выступил с докладом об изменении политики Совета — развитии спорта и связанной с этим заинтересованности трудящихся масс. Для начала надо было восстановить разрушенные революцией и закрытые старые спортивные организации, собрать в них разогнанных спортсменов и использовать их как инструкторов и воодушевителей спортивной деятельности. Затем втягивать рабочие массы.

Сейчас же с возражениями выступил Ягода. До революции спортом занимались, главным образом, представители буржуазного класса; спортивные организации были и будут сборищем контрреволюционеров; дать им возможность собираться и объединяться — опасно. Да и всякий спорт — это против коллективистических принципов.

Я принял бой, указывая, что новая линия, которую дает ЦК, принимает принцип соревнования, без которого нельзя возбудить интерес и привлечь к делу трудящихся. Что касается старых спортсменов, то политические их тенденции в данном случае не интересны: никакую контрреволюцию в футболе или беге на 100 метров не разведешь. Кроме того, политика партии всегда была направлена на использование специалистов, инженеры и технические специалисты — в подавляющем большинстве выходцы из буржуазного класса, между тем они широко используются в народном хозяйстве, и даже Красная Армия могла создаться и победить только благодаря привлечению в нее и использованию военных специалистов — старых царских офицеров, политически часто очень далеких и даже враждебных.

Совет целиком стал на мою точку зрения (кстати, это была «линия ЦК»). Когда Ягода пытался еще сказать, что спортивные клубы будут гнездами контрреволюции и что за ними надо смотреть в оба, Семашко перебил его: «Ну, это дело вашего ведомства, это нас не касается».

Дело двинулось быстро, клубы росли, массы с энтузиазмом увлекались спортом. Летом 1924 года была устроена первая всероссийская Олимпиада (по легкой атлетике), которая прошла с большим успехом. Я был ее главным судьей и очень интенсивно всем этим занимался. ГПУ чинило нам большие затруднения — для него все старые спортсмены были врагами. Пришлось вести с ним войну...

Скоро спортом начали заниматься (больше здоровья) и члены большевистской верхушки. Правда, ни Сталин, ни Молотов спорту никогда никакой дани не отдали. Но Каганович бегал зимой на лыжах, а с Сокольниковым, бывшим в это время наркомом финансов, и с начальником бюджетного управления Наркомфина Рейнгольдом у нас образовалась частая партия в теннис; в ней иногда принимала участие и жена Сокольникова, Галина Серебрякова (Сокольников будет расстрелян в 1941 году в Орловской тюрьме, Рейнгольд расстрелян еще в 1936—1937 годах, а Галина Серебрякова сослана на советскую каторгу — в концлагеря, после длительного пребывания там, после сталинской смерти вернулась, и, видимо, «страха ради» написала скверную книгу о пережитом).

СВИДЕТЕЛИ ОБВИНЕНИЯ

Продолжение. См. «Огонек» №№ 38, 39.

ЗАВЕЩАНИЕ ЛЕНИНА

Между тем приближался XIII съезд партии. За несколько дней до его открытия методичная Крупская вскрыла пакет Ленина и прислала ленинскую бомбу («завещание») в ЦК. Когда Мехлис доложил Сталину содержание ленинского письма (где Ленин советовал Сталина снять), Сталин обругал Крупскую последними словами и бросился совещаться с Зиновьевым и Каменевым.

В это время Сталину тройка была еще очень нужна — сначала надо было добить Троцкого. Но теперь оказалось, что союз с Зиновьевым и Каменевым спасителен и для самого Сталина. Конечно, еще до этого в тройке было согласие, что на съезде Зиновьев будет снова читать политический отчет ЦК и таким образом иметь вид лидера партии; даже, чтобы подчеркнуть его вес и значение, тройка решила следующий, XIV съезд созвать в его вотчине — Ленинграде (потом, с разрывом тройки, это решение было отменено). Но теперь, в связи с завещанием Ленина, главным было согласие Зиновьева и Каменева на то, чтобы Сталин остался генеральным секретарем партии. С поразительной наивностью полагая, что теперь Сталина опасаться нечего, так как завещание Ленина еще намного уменьшит его вес в партии, они согласились его спасти. За день до съезда, 21 мая 1924 года, был созван экстренный пленум ЦК специально для чтения завещания Ленина.

Пленум проходил в зале заседаний Президиума ВЦИКа. На небольшой низенькой эстраде за председательским столом сидел Каменев и рядом с ним — Зиновьев. Рядом на эстраде стоял столик, за которым сидел я (как всегда, я секретарствовал на Пленуме ЦК). Члены ЦК сидели на стульях рядами, лицом к эстраде. Троцкий сидел в третьем ряду у края серединного прохода, около него Пятаков и Радек. Сталин сел справа на борт эстрады лицом к окну и эстраде, так что члены ЦК его лицо видеть не могли, но я его все время мог очень хорошо наблюдать.

Каменев открыл заседание и прочитал ленинское письмо. Воцарилась тишина. Лицо Сталина стало мрачным и напряженным. Согласно заранее выработанному сценарию, слово сейчас же взял Зиновьев.

«Товарищи, вы все знаете, что посмертная воля Ильича, каждое слово Ильича для нас закон. Не раз мы клялись исполнить то, что нам завещал Ильич. И вы прекрасно знаете, что эту клятву мы выполним. Но есть один пункт, по которому мы счастливы констатировать, что опасения Ильича не оправдались. Все мы были свидетелями нашей общей работы в течение последних месяцев, и, как и я, вы могли с удовлетворением видеть, что то, чего опасался Ильич, не произошло. Я говорю о нашем генеральном секретаре и об опасностях раскола в ЦК» (передаю смысл речи).

Конечно, это была неправда. Члены ЦК прекрасно знали, что раскол в ЦК налицо. Все молчали. Зиновьев предложил переизбрать Сталина генеральным секретарем. Троцкий тоже молчал, но изображал энергичной мимикой свое крайнее презрение ко всей этой комедии.

Каменев, со своей стороны, убеждал членов ЦК оставить Сталина генеральным секретарем. Сталин по-прежнему смотрел в окно со сжатыми челюстями и напряженным лицом. Решалась его судьба.

Так как все молчали, то Каменев предложил решить вопрос голосованием. Кто за то, чтобы оставить товарища Сталина генеральным секретарем ЦК? Кто против? Кто воздержался? Голосовали простым поднятием рук. Я ходил по рядам и считал голоса, сообщая Каменеву только общий результат. Большинство голосовало за оставление Сталина, против — небольшая группа Троцкого, но было несколько воздержавшихся (занятый подсчетом рук, я даже не заметил, кто именно; очень об этом жалею).

Зиновьев и Каменев выиграли (если б они знали, что им удалось обеспечить пулю в собственный затылок!).

Через полтора года, когда Сталин отстранил Зиновьева и Каменева от власти, Зиновьев, напоминая это заседание Пленума и как ему и Каменеву удалось спасти Сталина от падения в политическое небытие, с горечью сказал: «Знает ли товарищ Сталин, что такое благодарность?» Товарищ Сталин вынул трубку изо рта и ответил: «Ну, как же, знаю, очень хорошо знаю, это такая собачья болезнь».

Сталин остался генеральным секретарем. Пленум, кроме того, решил ленинское завещание на съезде не оглашать и текст его делегатам съезда не сообщать, а поручить руководителям делегаций съезда ознакомить с ним делегатов внутри рамок каждой делегации. Это постановление Пленума было средактировано нарочито неясно, так что это позволило руководителям делегаций просто рассказать делегатам о сути ленинского письма и решениях Пленума, без того, чтобы они могли как следует ознакомиться с ленинским текстом...

В своей книге о Сталине, написанной Троцким в последние месяцы его жизни, Троцкий (французский текст книги, страницы 514—515), описав заседание Пленума ЦК, на котором было оглашено «завещание», продолжает: «На самом деле завещанию не только не удалось положить конец внутренней борьбе, чего хотел Ленин, оно ее в высшей степени усилило. Сталин не мог больше сомневаться, что возвращение Ленина к деятельности означало бы политическую смерть генерального секретаря».

Из этих строк можно только заключить, что Ленин был еще жив, когда произошло оглашение завещания... Между тем это грубая ошибка. Завещание было прочитано на предсъездовском экстренном пленуме 21 мая 1924 года (XIII съезд проходил 23 мая — 31 мая 1924 года), то есть через четыре месяца после смерти Ленина...

На съезде Зиновьев прочел политический отчет ЦК. В самые последние дни перед съездом он просил меня сделать анализ работы Политбюро за истекший год, чтобы он мог использовать его для своего доклада. Я это проделал, разнеся тысячи постановлений Политбюро по разным категориям и приведя все это к некоторым выводам (но все это было очень условно и относительно). Зиновьев мою работу в докладе использовал, но тут же в докладе три раза привел мою фамилию, ссылаясь на меня и благодаря за проделанную мной работу. У этого была скрытая цель, которую я хорошо понимал.

Я достигал какого-то очень высокого пункта в своей карьере. Я уже говорил, что в первые дни моей работы со Сталиным я все время ходил к нему за директивами. Вскоре я убедился, что делать это совершенно незачем — все это его не интересовало. «А как вы думаете, надо сделать? Так? Ага, ну, так и делайте». Я очень быстро к этому привык, видел, что можно прекрасно обойтись без того, чтоб его зря тревожить, и начал проявлять всяческую инициативу. Но дело в том, что руководители ведомств — все члены правительства — были вынуждены все время обращаться к Сталину или в Политбюро в порядке постановки вопросов, их согласования и т. д. Они скоро привыкли к тому, что обращаться к Сталину лично — безнадежно. Сталина все эти государственные дела не интересовали, он в них не так уж много и понимал, ими не занимался и ничего, кроме чисто формальных ответов, давать не мог. Если его спрашивали о ходе решения какой-либо проблемы, он равнодушно отвечал: «Ну, что ж, внесите вопрос — обсудим на Политбюро».

Начав вести контроль за исполнением постановлений Политбюро и все время находясь в контакте (через знаменитую «вертушку») со всеми руководителями ведомств по их проблемам, я очень быстро приучил их к тому, что есть секретарь Политбюро, который в курсе всех их дел, и что гораздо лучше обращаться к нему, потому что у него можно получить и сведения, в каком положении тот или иной вопрос, и каковы мнения и тенденции по этому вопросу в Политбюро, и что по этому вопросу лучше сделать. Я постепенно дошел до того, что, в сущности, делал то, что должен был делать Сталин,— указывал руководителям ведомств, что вопрос недостаточно согласован с другими ведомствами, что, вместо того, чтобы его зря вносить на Политбюро, надо сначала сделать то-то и то-то, другими словами, давал дельные советы, сберегавшие время и работу, и не только по форме, но и по сути движения всяких государственных дел. Ко мне обращались все чаще и чаще. В конце концов я увидел, что я явно превышаю свои полномочия и делаю то, что, по существу, должен был бы делать генсек ЦК. Тогда я пошел к Сталину и сказал ему, что, кажется, зашел слишком далеко, слишком много на себя беру и выполняю, в сущности, его работу. Сталин на это мне ответил, что институт помощников секретарей ЦК именно для того и был создан по мысли Ленина, чтобы разгрузить секретарей ЦК от второстепенных дел, чтобы они могли сосредоточить свою работу на главном. Я возразил, что в том-то и дело, что я занимаюсь совсем не второстепенными вопросами, а важнейшими (конечно, я понимал, что для Сталина государственные дела вовсе не являются важнейшими; самое важное для него была борьба за власть, интриги и подслушивание разговоров соперников и противников). Сталин мне ответил: «Очень хорошо делаете, продолжайте».

В результате всего этого моя карьера стала принимать какие-то странные размеры (не надо забывать, что мне было всего двадцать четыре года). Венцом всего было то, что Зиновьев и Каменев вспомнили инициативу Ленина: «Мы, товарищи, пятидесятилетние, вы, товарищи, сорокалетние, нам надо готовить смену руководства: тридцатилетних и двадцатилетних». В свое время были выбраны два тридцатилетних: Каганович и Михайлов (я об этом уже говорил). Теперь решили, что пора выбрать двух «двадцатилетних». Этими двумя оказались Лазарь Шацкин и я. Нам, конечно, ничего не было официально сказано, но благодаря доброжелательной информации зиновьевских секретарей, об этом узнал Шацкин, а от каменевских секретарей Музыки и Бабахана узнал и я. То, что Зиновьев три раза назвал мою фамилию в важнейшем политическом документе года — политическом отчете ЦК на съезде,— приобретало новый смысл.

Шацкин и я, мы постарались ближе познакомиться друг с другом. Шацкин был очень умный, культурный и способный юноша из еврейской крайне буржуазной семьи. Это он придумал комсомол и был его создателем и организатором. Сначала он был первым секретарем ЦК комсомола, но потом, копируя Ленина, который официально не возглавлял партию, Шацкин, скрываясь за кулисами руководства комсомола, ряд лет им бессменно руководил со своим лейтенантом Тархановым. Шацкин входил в бюро ЦК КСМ, а формально во главе комсомола были секретари ЦК, которых Шацкин подбирал из комсомольцев не очень блестящих. Сейчас (1924 г.) Шацкин по годам из комсомола уже вышел и пошел учиться в Институт Красной Профессуры. В годы ежовской чистки (1937—1938) он был расстрелян; перед расстрелом работал в Коминтерне...

Когда я попал в Центральный Комитет, я стал близок к центру всех информаций — здесь я получу верные и окончательные ответы на все те вопросы, на которые низовой коммунист дельного ответа получить не мог. Уже в Оргбюро я стал ближе к центру событий и понял многие вещи, например, что группа партаппаратчиков во главе со Сталиным, Молотовым и Кагановичем совершает энергичную и систематическую работу по расстановке своих людей для захвата в свои руки центральных органов партии, следовательно, власти, но это была лишь часть проблемы — борьба за власть. А мне нужен был общий ответ на самый важный вопрос: действительно ли все делается для блага народа?

Став секретарем Политбюро, я, наконец, получил возможность иметь нужный ответ. Эти несколько людей, которые всем правили, которые вчера сделали революцию и сегодня ее продолжают, для чего и как они ее сделали и делают? В течение года я с чрезвычайной тщательностью наблюдал и анализировал мотивы их деятельности, их цели и методы...

У власти и в борьбе за власть были две... группы, не фанатики догмы, а практики коммунизма. Одна группа — Зиновьева и Каменева, другая — Сталина и Молотова. Для них коммунизм был методом. Оправдавшим себя методом завоевания власти и вполне продолжающим оправдывать себя методом властвования. Зиновьевы и Каменевы были практиками пользования властью; ничего нового не изобретая, они старались продолжать ленинские способы. Сталины и Молотовы стояли во главе аппаратчиков, постепенно захватывавших власть, чтобы ею пользоваться; как принято теперь говорить, группы «бюрократического перерождения» и «вырождения» партии. Для обеих групп, представлявших настоящее и будущее партии и власти, вопрос о благе народа никак не стоял, и его как-то даже неловко было ставить. Наблюдая их весь день в повседневной работе, я должен был с горечью заключить, что благо народа — последняя их забота. Да и коммунизм для них только удачный метод, который никак нельзя покидать...

Я решил проверить немного глубже, как они относятся к марксизму. Официально его трогать нельзя, разрешается его только «истолковывать», и то только в смысле самом ортодоксальном.

Я часто бывал на дому у Сокольникова. Григорий Яковлевич Сокольников (настоящая фамилия — Бриллиант) был в прошлом присяжным поверенным. Он принадлежал к зиновьевско-каменевской группе и был, бесспорно, один из самых талантливых и блестящих большевистских вождей. Какую бы роль ему ни поручали, он с ней справлялся превосходно. Во время гражданской войны он успешно командовал армией. Народный комиссар финансов после нэпа, он прекрасно провел денежную реформу, создав твердый червонный рубль и быстро приведя в порядок хаотическое большевистское денежное хозяйство. После XIII съезда в мае 1924 года он был сделан кандидатом в члены Политбюро. На съезде 1925 года он выступил вместе с Зиновьевым и Каменевым и был единственным оратором, требовавшим с трибуны съезда снятия Сталина с поста генерального секретаря. Это ему стоило и поста наркомфина и места в Политбюро. На XV съезде, когда Сталин наметил свой преступный курс на коллективизацию, Сокольников выступил против этой политики и требовал нормального развития хозяйства, сначала легкой промышленности.

Как-то (это было в 1925 году) я зашел к Сокольникову. Он был нездоров и не выходил из дому. Обычно в таких случаях мы говорили о финансах, об экономике. В этот раз я решил рискнуть и завел разговор о марксизме. Не отрицая революционной роли марксизма, я остановился на критике марксистской теории. Исходя из того, что теория создавалась почти век тому назад и что жизнь принесла много нового, что требует теорию пересмотреть и обновить, а также из того, что Политбюро, например, фактически этой теорией в сегодняшнем виде не пользует-

ся... я намечал под видом желательных улучшений довольно сильную ломку. Сокольников внимательно выслушал мою длинную речь, ничего не возражая. Когда я кончил, он сказал: «Товарищ Бажанов, в том, что вы говорите, много верного и интересного. Но есть табу, которых трогать нельзя. Дружеский совет: никогда никому не говорите того, что вы мне сказали». Конечно, этому совету я последовал.

СЕКРЕТАРИАТ СТАЛИНА

ВОЕННЫЕ

Прошел XIII съезд, и Товстуха энергично занимается следующим «полутемным делом». Он забирает «для изучения» все материалы съезда. Но вскоре выясняется, что его интересуют не все материалы, а некоторые. Он изучает их вместе с каким-то темным чекистом, который оказывается специалистом по графологии.

Когда съезжаются делегаты съезда, они являются в мандатную комиссию съезда, которая проверяет их мандаты и выдает членские билеты съезда (с правом решающего голоса или совещательного). При этом каждый делегат съезда должен собственноручно заполнить длиннейшую анкету с несколькими десятками вопросов. Все подчиняются этой обязанности.

Пока идет съезд, мандатная комиссия производит статистическую работу анализа анкет и в конце съезда делает доклад: в съезде участвовало столько-то делегатов, столько-то мужчин, столько-то женщин; по социальному происхождению делегаты делятся так-то; по возрасту; по партийному стажу; и так далее, и так далее. Все делегаты понимают необходимость подробных анкет, которые они заполняли.

Но есть одна деталь, которой они не предвидят.

В конце съезда происходит избрание центральных партийных органов (ЦК, ЦКК, Центральной Ревизионной комиссии). Перед этим собираются лидеры Центрального Комитета с руководителями главнейших делегаций (Москвы, Ленинграда, Украины и т. д.). Это так называемый «сеньорен-конвент», который все называют в просторечии не иначе как «синий конверт». Он вырабатывает в спорах проект состава нового Центрального Комитета. Этот список печатается, и каждый делегат с правом решающего голоса получает один экземпляр списка. Этот экземпляр является избирательным бюллетенем, который будет опущен в урну при выборах ЦК, производящихся тайным голосованием. Но то, что есть только один список, вовсе не значит, что делегаты обязаны за него голосовать. Здесь партия, а не выборы советов. В партии еще некоторая партийная свобода, и каждый делегат имеет право вычеркнуть из списка любую фамилию и заменить ее любой другой по своему выбору (которую, заметим кстати, он должен написать своей рукой). Затем производится подсчет голосов. Очень мало шансов, чтобы намеченный «синим конвертом» оказался невыбранным; для этого нужен маловероятный сговор важных делегаций (столичных и других). Но хотя список весь обычно проходит, количество поданных голосов за выбранных варьирует в широких пределах. Если, скажем, делегатов 1000, то наиболее популярные в партии люди пройдут с 950—970 голосами, а наименее приемлемые не соберут и 700. Это очень замечается и учитывается.

Что совсем при этом не учитывается и что никому не известно — это работа Товстухи. Больше всего интересует Товстуху (то есть Сталина), кто из делегатов в своих избирательных бюллетенях вычеркнул фамилию Сталина. Если б он ее только вычеркнул, его имя осталось бы покрытым анониматом. Но, вычеркнув, он должен был написать другую фамилию, и это дает данные о его почерке. Сравнивая этот почерк с почерками делегатов по их анкетам, выполненным их рукой, Товстуха и чекистский графолог устанавливают, кто голосовал против Сталина (и, следовательно, его скрытый враг), но и кто голосовал против Зиновьева, и кто против Троцкого, и кто против Бухарина. Все это для Сталина важно и будет учтено. А в особенности, кто скрытый враг Сталина. Придет время — через десяток лет — все они получат пулю в затылок. Товстуха подготовляет сейчас списки для будущей расплаты. А товарищ Сталин никогда ничего не забывает и никогда ничего не прощает.

Чтобы все сказать об этой работе Товстухи, я должен несколько забежать вперед. После XIII съезда партии, и в 1925, и в 1926, и в 1927 годах продолжается та же внутрипартийная свобода, идет борьба с оппозицией в комитетах, на ячейках, на собраниях организаций, на собраниях партактива. Лидеры оппозиции яро приглашают своих сторонников выступать как можно больше, атаковать Центральный Комитет — этим они подчеркивают силу и вес оппозиции.

Что меня удивляет, это то, что после XIV съезда Сталин и его новое большинство ЦК ничего не имеет против этой свободы. Это, казалось бы, совсем не в обычаях Сталина: проще запретить партийную дискуссию — вынести постановление пленума ЦК, что споры вредят партийной работе, отвлекают силы от полезной строительной деятельности.

Впрочем, я уже достаточно знаю Сталина и догадываюсь, в чем дело. Окончательное подтверждение я получаю в разговоре, который я веду со Сталиным и Мехлисом. Мехлис держит в руках отчет о каком-то собрании партийного актива и цитирует чрезвычайно резкие выступления оппозиционера. Мехлис негодует: «Товарищ Сталин, не думаете ли вы, что тут переходят всякую меру, что напрасно ЦК позволяет так себя открыто дискредитировать? Не лучше ли запретить?» Товарищ Сталин усмехается: «Пускай разговаривают! Пускай разговаривают! Не тот враг опасен, который себя выявляет. Опасен враг скрытый, которого мы не знаем. А эти, которые все выявлены, все переписаны — время счетов с ними придет».

Это следующая «полутемная» работа Товстухи. В своем кабинете «Института Ленина» он составляет списки, длинные списки людей, которые сейчас так наивно выступают против Сталина. Они думают: «Сейчас мы против, завтра, может быть, будем за Сталина — в партии была, есть и будет внутренняя свобода». Они не понимают, что Сталин у власти дает им возможность подписать свой смертный приговор: через несколько лет по спискам, которые сейчас составляет Товстуха, будут расстреливать пачками, сотнями, тысячами. Велика людская наивность.

Как я себя чувствую в секретариате Сталина — этом пункте редкой важности? Я не питаю ни малейшей симпатии ни к Каннеру, ни к Товстухе. О Каннере я думаю, что это опасная змея, и отношения у меня с ним чисто деловые. Видя мою карьеру, он старается держаться со мной очень любезно. Но никаких иллюзий у меня нет. Если завтра Сталин почтет за благо меня ликвидировать, он поручит это Каннеру, и Каннер найдет соответствующую технику. Для меня Каннер — преступный субъект, и то, что он так нужен Сталину, немало говорит и о «хозяине», как любят его называть Мехлис и Каннер. Внешне Каннер всегда весел и дружелюбен. Он небольшого роста, всегда в сапогах (неизвестно почему), черные волосы барашком.

Товстуха (Иван Павлович) высокий, очень сухощавый интеллигент, туберкулезный; от туберкулеза он и умрет в 1935 году, когда расстрел по его спискам только начнется. Жена его тоже туберкулезная. Ему лет тридцать пять — тридцать шесть. До революции он был эмигрантом, жил за границей, вернулся в Россию после революции. Неизвестно почему он стал в 1918 году секретарем Народного Комиссариата по Национальностям, где Сталин был Наркомом (правда, ничего там не делал). Оттуда он перешел в аппарат ЦК, еще до того, как Сталин стал генсеком. Когда в 1922 году Сталин стал генсеком, он взял Товстуху в свои секретари, и практически до самой своей смерти Товстуха был в сталинском секретариате, выполняя важные «полутемные дела», хотя в то же время формально он был, как я уже говорил, и помощником директора Института Ленина, а потом Института Маркса, Энгельса и Ленина. В 1927 году Сталин сделает его своим главным помощником (я в это время уже не буду в секретариате, а Мехлис уйдет учиться в Институт Красной Профессуры). Тогда под его началом в секретариате Сталина будет и Поскребышев, который будет заведывать так называемым Особым Сектором, а после смерти Товстухи займет его место; и Ежов, который будет заведывать «сектором кадров» сталинского секретариата (это он будет продолжать списки Товстухи; это он через несколько лет, став во главе ГПУ, будет расстреливать по этим спискам и зальет страну новым морем крови, конечно, по высокой инициативе своего шефа, великого и гениального товарища Сталина); и Маленков, секретарь Политбюро (которого все же из осторожности будут называть «протокольным секретарем Политбюро»), и заместитель Поскребышева по Особому Сектору; он заменит потом Ежова, как начальник сектора кадров.

По мере того как Сталин все более и более будет становиться единоличным диктатором, этот его секретариат будет играть все более важную роль. Придет момент, когда в аппарате власти будет менее важно, что вы Председатель Совета Министров или член Политбюро, чем то, что вы — сталинский секретарь, который имеет к нему постоянный доступ.

Товстуха — мрачный субъект, смотрит исподлобья. Глухо покашливает — у него только пол-легкого. Сталин питает к нему полное доверие. Ко мне он относится осторожно («уж очень блестящую карьеру делает этот юноша»), но не может мне простить, что я заменил его (и Назаретяна) на посту секретаря Политбюро и продолжаю быть в самом центре событий, а он вынужден где-то за кулисами вести для Сталина какую-то грязную работу. Один раз он пытается меня укусить. Он говорит Сталину (не в моем присутствии, а при Мехлисе, который мне потом все рассказал): «Почему Бажанов называется секретарем Политбюро? Это вы, товарищ Сталин, секретарь Политбюро. Бажанов же имеет право только называться техническим секретарем Политбюро». Сталин ответил уклончиво: «Конечно, ответственный секретарь Политбюро, выбранный Центральным Комитетом, это я. Но Бажанов выполняет очень важную работу и разгружает меня от многого».

Я Товстуху не люблю — это темный субъект, завистливый интриган, готовый на выполнение самых скверных поручений Сталина.

Лев Захарович Мехлис возраста Товстухи. После гражданской войны он перешел в Нар. Ком. Раб. Крест. Инспекции, другой наркомат, во главе которого стоял, ничего в нем не делая, Сталин; отсюда Сталин берет его в свои секретари в ЦК в 1922 году. Мехлис порядочнее Каннера и Товстухи, он избегает «темных» дел. Он даже создает себе удобную маску «идейного коммуниста». Я в нее не очень верю, я вижу, что он — оппортунист, который ко всему приспособится. Так оно и произойдет. В будущем никакие сталинские преступления его не смутят. Он будет до конца своих дней безотказно служить Сталину, но будет при этом делать вид, будто бы в сталинское превосходство верит. Сейчас он личный секретарь Сталина. Хороший оппортунист, он принимает все и всему подчиняется, принимает и мою карьеру и старается установить со мной дружелюбные отношения. В 1927 году Товстуха его выживает из сталинского секретариата. Он уйдет на три года учиться в Институт Красной Профессуры. Но в 1930 году он придет к Сталину и без труда докажет ему, что центральный орган партии «Правда» не ведет нужную работу по разъяснению партии, какую роль играет личное руководство Сталина. Сталин сейчас же назначит его главным редактором «Правды». И тут он окажет Сталину незаменимую услугу. «Правда» задает тон всей партии и всем партийным организациям. Мехлис в «Правде» начнет изо дня в день писать о великом и гениальном Сталине, о его гениальном руководстве. Сначала это произведет странное впечатление. Никто Сталина в партии гением не считает, в особенности те, кто его знает.

В 1927 году я не раз заходил в ячейку Института Красной Профессуры. Это был резерв молодых партийных карьеристов, которые не столько изучали науки и повышали свою квалификацию, сколько изучали и рассчитывали, на какую лошадь поставить в смысле делания своей дальнейшей карьеры. Потешаясь над ними, я говорил: «Одного не понимаю. Почему никто из вас не напишет книги о сталинизме. Хотел бы я видеть такой Госиздат, который эту книгу не издаст немедленно. Кроме того, ручаюсь, что не больше, чем через год, автор книги будет членом ЦК». Молодые карьеристы морщились: «Чего? О сталинизме? Ну, ты уж скажешь такое — циник...»

В 1927 году употреблять термин «сталинизм» — это казалось неприличным. В 1930 году время пришло, и Мехлис из номера в номер «Правды» задавал тон партийным организациям: «Под мудрым руководством нашего великого и гениального вождя и учителя Сталина». Это нельзя было не повторять партийным аппаратчикам на ячейках. Два года такой работы, и уже ни в стране, ни в партии о товарище Сталине нельзя было говорить, не прибавляя «великий и гениальный». А потом разные старатели изобрели и много другого: «отец народов», «величайший гений человечества» и т. д.

В 1932 году Сталин снова возьмет в свой секретариат Мехлиса. Но Товстуха Сталину все же удобнее, и Сталин постепенно пустит Мехлиса по советской линии. Перед войной он будет начальником ПУРа (Политического Управления Кр. Армии), потом народным комиссаром Государственного Контроля, во время войны — членом Военных Советов армий и фронтов (где он будет настоящим сталинцем — ни перед чем не отступающим, неукротимым пожирателем красноармейских жизней), после войны снова Министром Государственного Контроля. Умрет он в собственной кровати в том же году, что и Сталин.

Сталинский секретариат растет и играет все более важную роль. Но основная битва Сталина за власть еще не выиграна. Только что, в мае 1924 года, Зиновьев и Каменев спасли Сталина, а он уже думает, как их предать...

17 июня на курсах секретарей уездных комитетов при ЦК Сталин сделал доклад, в котором довольно ясно объявил своим будущим аппаратчикам, что диктатура пролетариата сейчас, в сущности, заменяется диктатурой партии. Но в то же время, не называя Зиновьева и Каменева, направил огонь против них, обвиняя их в разных ошибках.

Зиновьев реагировал очень энергично. По его требованию было немедленно созвано совещание «руководящих партийных работников» (членов Политбюро и 25 членов ЦК), на котором Зиновьев и Каменев поставили вопрос ребром, и об атаке против них, и о сталинском тезисе о «диктатуре партии» как явной ошибке. Совещание, конечно, сталинский тезис осудило и осудило сталинское выступление против двух остальных членов тройки. Сталин увидел,

что поторопился и совершил ошибку. Он заявил, что подаст в отставку со своего поста генерального секретаря. Но совещание приняло это за формальную демонстрацию и отставки не приняло.

С другой стороны, Зиновьев и Каменев поняли сталинский маневр в сторону Троцкого и усилили атаки против Троцкого, требуя его исключения из партии. Но большинства в ЦК за исключение Троцкого не было. Зиновьев попробовал через своих молодцов выпустить на арену ЦК комсомола, который вдруг потребовал исключения Троцкого. Но тут Политбюро решительно вернулось к своей догме — это не дело комсомольского ума вмешиваться в политику, и в назидание разогнало ЦК комсомола, удалив из его состава полтора десятка руководящих работников.

Забавно, что в это время в ЦК Сталин тормозил атаки Зиновьева и Каменева против Троцкого. Зато в Коминтерне у Зиновьева была своя рука владыка, и на 5-м Конгрессе Коминтерна, который произошел в конце июня — начале июля 1924 года, была проведена резолюция «по русскому вопросу» против Троцкого, а болгарин Коларов, который наиболее отличался в нападениях на Троцкого, был Зиновьевым выдвинут в генеральные секретари Исполкома Коминтерна.

Но до конца года в борьбе против Троцкого внешне наступило некоторое затишье. Летом была засуха, урожай был очень плохой. В августе произошло восстание в Грузии. В Политбюро шли споры о политике по отношению к крестьянству. Строго говоря, Политбюро не знало, какую политику по отношению к крестьянству принять. Политбюро хотело вступить на путь индустриализации страны. За какой счет ее производить, то есть за счет кого?.. Ортодоксальные коммунисты во главе с Преображенским предлагали произвести «первоначальное социалистическое накопление» за счет крестьянства. Политбюро колебалось. Обсуждение проблемы на пленуме ЦК в конце октября ничего не дало, несмотря на принятие пышных деклараций о повороте «лицом к деревне». Захватить в свои руки деревню при помощи коллективизации, согнав крестьян в колхозы? Тут вспомнили, что еще недавно, в одной из своих последних статей, в статье «О кооперации», продиктованной 4 и 6 января 1923 года и опубликованной в «Правде» в конце мая, Ленин поставил вопрос о колхозах, но имел в виду только добровольное создание колхозов, и на пленуме ЦК 26 июня 1923 года этот вопрос обсуждался, и ленинская директива была принята. Но Зиновьев и Каменев особенных результатов в это время ни от совхозов, ни от колхозов не ожидали, а Сталин вообще по этому поводу еще никакого мнения не имел.

Но в конце года центр внимания партийной жизни вдруг неожиданно опять перешел на борьбу с Троцким. Сталин от своей идеи использовать Троцкого против союзников отказался. А Троцкий написал книгу «1917», в предисловии к которой, названном «Уроки Октября», он энергично атаковал Зиновьева и Каменева, доказывая, что их поведение в октябре 1917 года (когда они, как известно, были против октябрьского вооруженного переворота) было отнюдь не случайно и что эти люди ни в какой мере не обладают качествами вождей революции. Эти «Уроки Октября» Троцкий опубликовал статьей в газетах. После этого Зиновьев и Каменев предложили снова мир и союз Сталину. Сталин поспешил согласиться, и тройка опять на время восстановилась. Кстати, в это время у Сталина произошел некоторый кризис неуверенности в своих силах. Он увидел, что сделал ряд промахов, перенося бой на линию политической стратегии, где он был слаб; подействовало на него и восстание в Грузии, бывшее явным результатом его грузинской национальной политики. Тут Сталин убедился, что не по линии большой политики (а как быть с деревней?) победит он соперников, а по вполне верной и испытанной линии подбора своих людей и захвата большинства в Центральном Комитете, а пока это не будет сделано, маневрировать и тянуть.

Наоборот, Зиновьев в тройке яростно требовал окончательного свержения Троцкого. В январе 1925 года прошел пленум ЦК, на котором Зиновьев и Каменев предложили исключить Троцкого из партии. Сталин выступил против этого предложения, разыгрывая роль миротворца.

Сталин уговаривал пленум не только не исключать Троцкого из партии, но и оставить его и членом ЦК, и членом Политбюро. Правда, выступления и политические позиции Троцкого были осуждены. Но, главное, наступил момент, чтобы удалить его от Красной Армии. Замена ему была давно подготовлена в лице его заместителя Фрунзе. Фрунзе Сталина не очень устраивал, но Зиновьев и Каменев были за него, и в результате предварительных торгов на тройке Сталин согласился назначить Фрунзе на место Троцкого Наркомвоеном и председателем Реввоенсовета, а Ворошилова его заместителем.

Продолжение следует.

ПЛАЧ БЕЗ СЛЕЗ

Алексей ПОЛИКОВСКИЙ

СЛЫШАЛИ ЛИ ВЫ ПЕТРА МАМОНОВА И ЕГО ГРУППУ «ЗВУКИ МУ»? СЛЫШАЛИ ЛИ ВЫ ЕГО СТРАННЫЕ, ЖУТКОВАТЫЕ, НЕРВНЫЕ ПЕСНИ, В КОТОРЫХ ПЫТАЕТСЯ ОБРЕСТИ ЗВУК И СМЫСЛ КАКАЯ-ТО ТЯЖЕЛАЯ, ТОМИТЕЛЬНАЯ БОЛЬ?

Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА

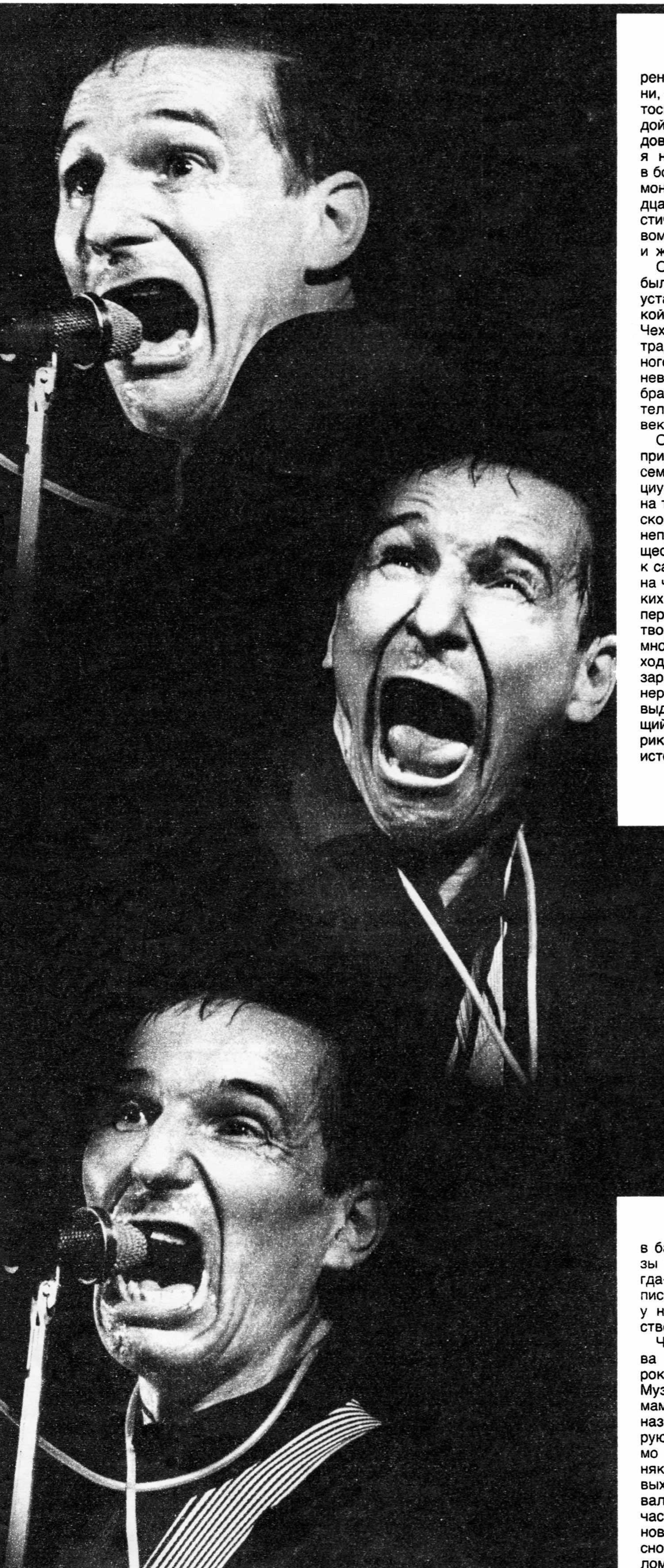
Если не принадлежите к рок-фэнам, к посетителям проходящих без анонса концертов, то вряд ли. Но вины вашей в вашем незнании нет. Да и действительно, откуда вам было узнать? Где услышать? В магазинах фирмы «Мелодия» пластинок Мамонова не купишь (может быть, только в Лондоне: там в этом году вышел диск «Звуков Му»), по телевидению Мамонов выступал всего один-единственный раз, в передаче «Музыкальный ринг». Но и те немногие минуты, что Мамонов провел на сцене, перед телекамерами (всего две песни он спел), вызвали у зрителей смятение, удивление и ярость, которую с такой непосредственностью выразил один из задававших вопросы: «Ребята, вы на самом деле психопаты или притворяетесь?»

Да, каждый, кто видел Петра Мамонова на сцене, вряд ли забудет это зрелище...

Согнутый вдвое, как от удара поддых, искажающий лицо в гримасах, Мамонов поет идиотские припевы «дуба-дуба» и «лютики-цветочки». Он движется по сцене, косолапя, с ужимками и припрыжками, на прямых негнущихся ногах. В его жестах, в мимике его резинового лица и взгляде вдруг делающихся пустыми и страшными глаз — натуралистическая точность актера, изучившего учебник психопатологии, прежде чем играть душевнобольного. Кто это? Дегенерат? Шизофреник? Юродивый? Зал часто гогочет — смешно! Зал, бывает, возмущается — кто позволил этому парню позорить облик человеческий? «У меня недавно были концерты в городе Мирном,— говорит он.— После первого концерта ко мне подходили сорокалетние женщины и говорили: «Вы мерзавец, пошляк. Вы просто гад!» Чуть ли не до пощечин дело дошло»,— рассказывает он спокойно, без обиды и насмешки. В людях, не понимающих то, что он делает на сцене, он видит не врагов и недоброжелателей, а жертв жизни, достойных жалости и любви. «Неумение понимать — это беда общества. В людях сидит: все должны быть как все! Столько дряни загнано в людей телевизором! — говорит горестно.— Культурологическую работу я там, в Мирном, провел — и врубились! Врубились! С четвертого концерта уже непонимания не было, все понимали...» Понимали — что? То, что Мамонов на сцене показывает их (нас), иногда утрируя, а иногда и не очень... Но это так трудно понять, так не хочется признать! Ведь то всеобщее озлобление и одичание, которыми залита страна, они (нам кажется) нас не касаются, происходят не с нами, с другими. Мы-то, мы лично хорошие.

Его песни расходятся по стране с магнитофона на магнитофон, с кассеты на кассету. В них, в этих сумрачных, безрадостных песнях, как в круглых капельках дождя, повисающих на карнизах, искаженно отражается вся наша жизнь. Вот он поет: «Я часто сижу и грущу. Я умею плакать без слез. Я делаю пустые глаза. И на каждый вопрос отвечаю: «За!» Потом припев: «Я делаю деньги. Фальшивые деньги. Запомни, мы делаем фальшивые деньги». О ком это он поет, кто эти странные люди, вся недюжинная энергия которых уходит на то, чтобы создавать то, чего нет,— поддельные купюры, купюры обмана и монеты лжи?

Язык его песен и его заикающейся, спотыкающейся, вязнущей речи — русский городской язык конца XX века, сленг постаревшего хиппи, понятный всем. Это язык улиц, кухонных споров, интеллигентских разговоров о поэзии далеко за полночь, корявый язык жэков, грубый язык очередей. Удивившись, он говорит: «У меня крыша поехала!» Восхитившись: «Я тащусь, мне это по кайфу!» Он глотает слоги, он ломает интонацию, как сухой старый прутик: «Да, грит, здесь все правильно!» — но при этом способен и совсем к другому темпу и стилю, когда вдруг из его заиканий, запинаний и сбоев красивым расписным кораблем выплывает четкая, гладкая, литературно правильная фраза, исполненная достоинства: «Во-первых, давай начнем с того, что мы будем разговаривать про людей по-настоящему честных». Этой фразой он ласково и твердо устанавливает рамки разговора: у него нет ни желания, ни сил бичевать чужие пороки и горячиться из-за чужой лжи. Он не моралист, не создатель простых и доходчивых лозунгов, учащих, как переделать жизнь в три минуты,— он просто прокладывает в глубине и темноте свой неизведанный странный путь, и в глазах его сми-

рение и тоска, которой полны его песни, о чем бы они ни были. В этих песнях тоска по свободе и страх перед свободой: «Я подогретый, кипяченый, всем довольный заключенный. Из тюрьмы я не хочу» (так от имени пущенного в бойлер кипятка написал истопник Мамонов в те годы, когда по радио пятнадцать раз на дню передавали оптимистичную песню со счастливым припевом «Вся жизнь впереди, надейся и жди»).

Откуда он взялся, Мамонов? Где он был, где скрывался раньше — этот усталый человек с синей смятой жилкой на виске, в разговоре цитирующий Чехова и Брюсова и так непохожий на традиционный тип нашего полуграмотного рокера, самовлюбленно поющего невероятную ерунду и отчаянно изображающего экстаз под звуки самодеятельной музыки? Откуда он, этот человек, рискнувший показать нас — нам?

Он выплыл из самых глубин — из той придонной, тайной жизни, которая все семидесятые таилась в расщелинах социума. Вся его жизнь, после того как он на третьем курсе ушел из полиграфического института, была неудержимым, непрерывным выскальзыванием из общественной лжи — вниз, к свободе, к самому себе. Никого он не винит и ни на что не обижен. О тех темных, одиноких годах, когда вызревали в нем его первые песни, он рассказывает умиротворенно и смиренно: «Грустно, да? Немножко грустноватые песни у меня выходили. Ну, такие. Что ж делать». Он зарабатывал на хлеб в журнале «Пионер», где, неловко подделываясь под выдуманный взрослыми несуществующий детский язык, писал заметки в рубрику «Ты, я, наш отряд». Потом работал истопником в котельной, банщиком

ве. Добрый такой». Кошмарные сны. Советский сюр.

Мамонов ставит на магнитофон катушку, ложится на диван, закрывает глаза. Ворона, стоявшая на углу крыши, взмахивает тяжело крыльями и летит в белое зимнее небо. Шипит пленка, музыка приближается, невидимо набухает в стылом воздухе его московской квартирки с изрисованными детьми обоями, с куском штукатурки, отвалившимся от стены. И вот пошла музыка, пошла слитным, плотным, серым потоком, в котором поблескивает орган, и взрывается вдруг короткими отчаянными соло гитара, и вступает нервный мужской голос, поющий дикие, странные слова — звуки му.

Это муки самовыражения, муки поиска звуков.

Крутятся катушки, ползет пленка, звучит музыка. Звучат песни, сочиненные здесь, в этой московской окраинной квартирке, отрепетированные в комнате бас-гитариста Липницкого, неподалеку от сада «Эрмитаж», исполняемые со сцен Москвы, Свердловска, Мирного. Крутятся катушки, звучат песни, поет Мамонов — поет о нас, о нашей сегодняшней жизни, в которой мы годами так успешно раскулачивали человека в самих себе: «Мы скоро поженимся. Купим квартиру. Я кафель наклею на стенки сортира. Стану хорошим. Так будем жить, мы хорошие оба. Будем любить мы друг друга до гроба. Хорошие оба. До хорошего гроба». Сторона кончается, шипит пустая пленка. Мамонов стоит у магнитофона, переворачивает катушки. «Мрачные у тебя песни,— говорю я ему.— Это, знаешь, как мрак зимы — встаешь утром, за окном черно, тоска». «Это ты хорошо сказал,— бормочет он.— Но и не очень

в бане, где усердно записывал рассказы и разговоры клиентов — думал когда-нибудь написать роман. Папка с записями тех лет до сих пор хранится у него. Стихи тоже писал. «Их, естественно, не печатали»,— говорит он.

Что же все-таки такое песни Мамонова и театр Мамонова? «Подвальный» рок? (Подвальный не по месту, по духу.) Музыка ужаса? (По аналогии с «фильмами ужассв».) «Наша дичь» — так он называет свои песни и ту почву, в которую они уходят корнями, тот невыносимо долгий немой брежневский столбняк, когда мысли и чувства, не находя выхода наружу, из сознания продавливались в галлюцинации и сны. «Мне часто снился Брежнев,— говорит Мамонов, заикается, тихо лепечет в трансе, снова переживая прошлое.— За столом, уставленным блюдами, мы все вместе сидим, весело так. И он во гла-

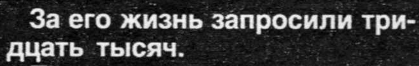
хорошо. Нет! — вдруг без спотыканий и запинаний, взволнованно обращается он ко мне.— Ты там чего-то не расслышал. Там свет есть!» «Свет?» «Свет... понимаешь... тот свет, который... — он снова запинается обо что-то внутри себя.— Который... что...» «Тот свет, который открывается, только когда спустишься до самого глубокого мрака?» — догадываюсь я. «Да... да». Он сидит на своем огромном, полкомнаты занимающем, изогнутом диване, бледный, усталый, со скорбно опущенными углами рта, с веселым Миком Джаггером на груди, и глаза на его изможденном лице вдруг делаются слабыми, несчастными глазами. «Есть оптимизм, который на самом деле такой мрак, мрачнее не бывает,— бормочет он.— Надейся и жди, вся жизнь впереди... Вот так... А у меня в песнях свет... Есть, есть свет. Послушаем еще?»

БОИ БЕСПОЩАДНЫЙ

За его жизнь запросили тридцать тысяч.

Передали записку жене и назначили место встречи. Здесь должны были получить деньги и вернуть похищенного. Но об этом уже знали в милиции. К операции по захвату бандитов подключили ОМОН — отряд милиции особого назначения.

Взяли оружие и выехали на место.

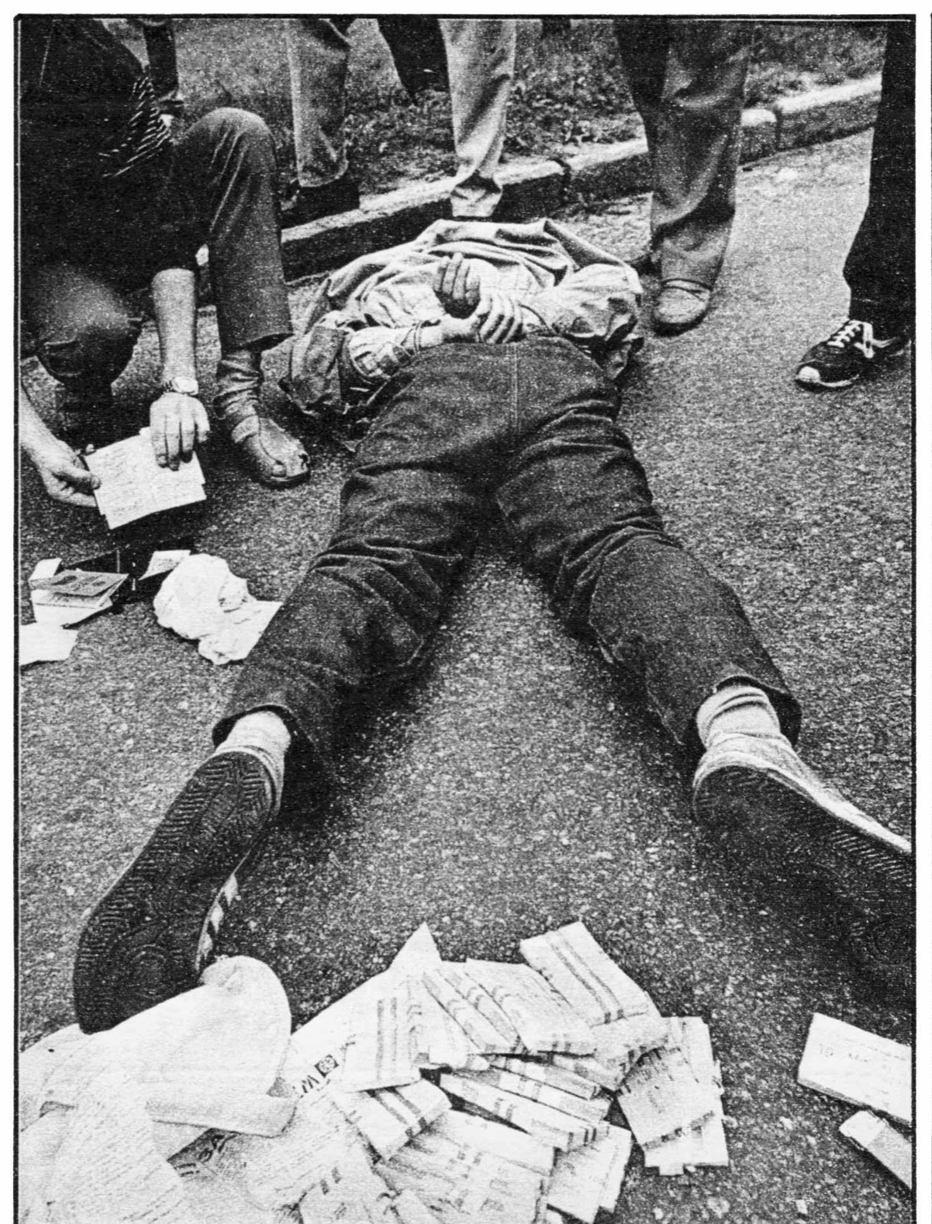
Вся операция длилась недолго — меньше минуты, несколько мгновений, похожих на скольжение по лезвию бритвы, между жизнью и смертью.

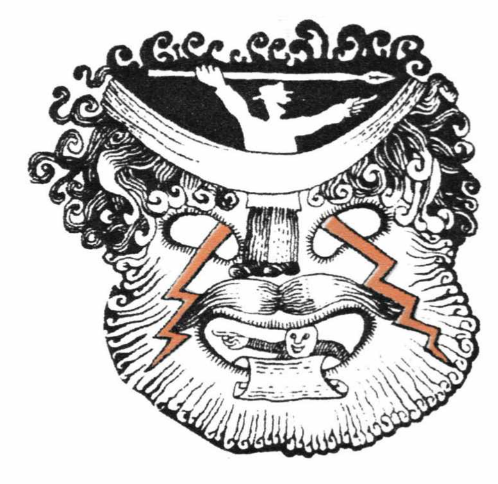
Только за последние шесть месяцев этого года отделом по борьбе с организованной преступностью Киевского УВД обезврежено и ликвидировано около пятидесяти преступных групп. Вдумайтесь: по две в неделю. Волна жестокой преступности, без преувеличения, захватила страну, а информация МВД СССР подчас похожа на сводку военных действий.

Что ж, на войне как на войне.

Е. ЛУКАЦКИЙ
Фото автора

МЫ РИФМУЕМ

Игорь ИРТЕНЬЕВ

ГЕКЗАМЕТРЫ

Вот и настало оно, время великих свершений,
вот и настало оно, вот и настало оно...
Цивилизованный строй кооператоров Ленин
нам завещал уходя, свет за собой погасив.
«Сталина личности культ много принес нам несчастий» —
так мне в селенье одном мудрый поведал старик.
Жизнь — лишь отрезок пути между рожденьем и смертью.
Он у кого-то длинней, а у кого-то — увы.
Тут кое-где на местах разные мненья бытуют.
Это, товарищи, нас с вами пугать не должно.
«Нужно почаще бывать нам в трудовых коллективах» —
так мне в селенье одном мудрый поведал старик.
Тот же поведал старик, что масоны во всем виноваты.
В чем-то, товарищи, да, но далеко не во всем.
Ельцин, Карякин, Попов, Сахаров, Гранин, Заславский,
Власов, Станкевич, Дикуль, Друцэ, Собчак, Горбачев.
Мазуров, Гроссу, Белов, Гвоздев, Масол, Родионов,
Червонописский, Патон, Калиш, Касьян, Горбачев.
Есть преимущество у однопартийной системы,
но в чем оно состоит, смертному знать не дано.

ПЕСНЬ О ЮНОМ КООПЕРАТОРЕ

Сраженный пулей рэкетира,
Кооператор юных лет
Лежит у платного сортира
С названьем гордым «туалет».

О перестройки пятом годе,
В разгар цветения ея
Убит при всем честном народе
Он из бандитского ружья.

Мечтал покрыть Страну Советов,
Душевной полон широты,
Он сетью платных туалетов,
Но не сбылись его мечты.

На землю кровь течет из уха,
Застыла мука на лице...
А где-то рядом мать-старуха,
Не говоря уж об отце,

Не говоря уже о детях
И о жене не говоря...
Он мало жил на этом свете,
Но прожил честно и не зря.

На смену павшему герою
Придут отважные борцы
И в честь его везде построят
Свои подземные дворцы.

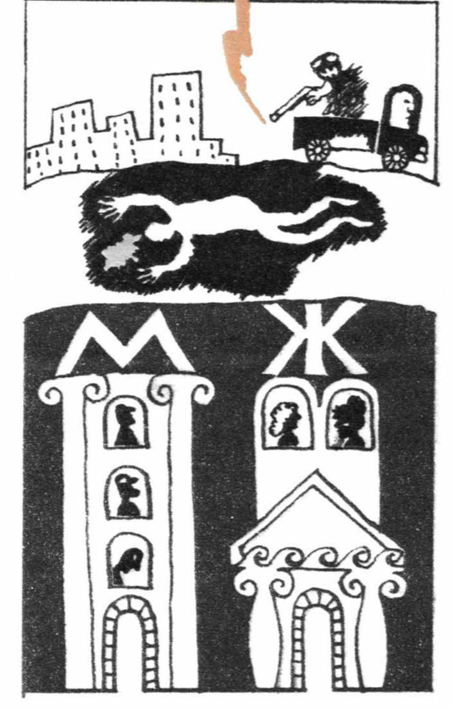

Рисунок А. СОКОЛОВА (Ленинград)

МЫ ИРОНИЗИРУЕМ

Виктор СЛАВКИН

Дорогой Михаил Залманович!

Пишет Вам человек, которого Вы, наверное, забыли, живя на Вашей исторической родине, но который помнит Вас на своей исторической родине, продолжая на ней жить. Но, сдается мне, не должны Вы забыть ту памятную дату 27 февраля 1972 года, когда состоялось общее собрание Верхнежуйской писательской организации, после которого Вы были исключены из этой организации, а я был туда принят. Конечно же, после стольких симпозиумов, конгрессов, пен-клубов и а-ля фуршетов на фоне Ваших нынешних друзей: Курта Воннегута, Ежена Ионеско, Папы Римского и Майкла Джексона — поистерся облик простого рабочего паренька, внештатного корреспондента Верхнежуйской заводской многотиражки, который в этот судьбоносный вечер вышел на трибуну и, тряхнув своими русыми кудрями, произнес: «Пусть в такое великое время лишние крысы бегут с нашего корабля, от этого нам только легче будет погружаться в наше светлое будущее». Это был я.

С тех пор прошло семнадцать лет. Поредел мой русый чубчик, развились мои кудри, а бывший рабочий паренек превратился в мужика, которого каждый вечер можно встретить в пивной при Верхнежуйском мужском туалете, который Вы, в свою очередь, забыли после стольких мест, где Вам посчастливилось побывать.

Однако согласитесь, дорогой Михаил Залманович, в том, чего сегодня достигли Вы на ниве литературы нашего русского зарубежья, есть доля и моего скромного труда. Ведь если бы не слово «крыса», может быть, все и обошлось — получили бы Вы какой-нибудь там выговор, остались бы членом Союза писателей, забрали бы заявление из ОВИРа, внесли бы Вас обратно в список на получение продовольственного заказа к празднику, дали бы путевку в дом творчества «Пицунда» на январь... Но когда после моего выступления в зале раздались бурные аплодисменты, переходящие в оскорбительные выкрики, Ваши колебания «ехать не ехать» окрепли, и Вы поехали. И вот теперь — кто Вы, и кто я...

Нет, поначалу, спасибо вам, моя жизнь переменилась в лучшую сторону. Меня избрали секретарем Союза писателей, мои газетные информации, корреспонденции и подписи к фотографиям выпустили двухтомным собранием сочинений, которое можно было купить в любом продовольственном магазине в наборе с гречкой и палкой ветчинно-рубленой колбасы. Этот двухтомник

и по сей день лежит на полке, но теперь уже книжного магазина, поскольку продавать его сейчас практически не с чем.

Зато сегодня мы занимаем первое место по перестройке и гласности — в нашем районе разоблаченных доносчиков и казнокрадов оказалось на 18% больше, чем в соседнем Нижнежуйском. И тут я снова стал героем дня. Короче, исключили меня из Союза писателей за то, за что в свое время приняли, отобрали партийный билет за то, за что дали, выселили из квартиры за то же самое, за что вселили... К тому же от меня ушла жена, разлюбив меня именно за то, за что полюбила. Все от меня отвернулись.

И вот однажды, когда я трезвым взглядом (по причине зашитой в организм торпеды) оглянулся кругом, я вдруг увидел, что никого, кроме Вас, дорогой Михаил Залманович, у меня не осталось. Звала меня к себе наша местная «Память», но я к ним не пошел в знак уважения к Вашему пятому пункту и лично к батюшке Вашему Залману, о котором сейчас много пишет наша местная пресса и который был расстрелян в годы культа личности за то же, за что впоследствии был реабилитирован.

Настало время покаяний. И вот чего я пишу Вам это письмо, дорогой Михаил

Залманович,— горит моя душа, скребет еще не уснувшая совесть, хочу очиститься, пасть перед Вами на колени, вымолить у Вас прощение. Но, чувствую, заочно это сделать будет трудно — слишком тяжел мой грех. Поэтому вот какая у меня к Вам просьба, дорогой Михаил Залманович, пришлите мне, пожалуйста, приглашение, и я немедленно выеду на Вашу историческую родину для своего искреннего покаяния, благо с выездами у нас сейчас просто. Прямо и честно встану я перед Вами, во всем повинюсь, плюньте мне в глаза — но только пригласите! Человек я непритязательный и сильно Вас не обременю. Неужели в Вашем трехэтажном особняке не найдется небольшая комнатенка для кающегося христианина?.. А харчи я отработаю, выступая на Ваших читательских конференциях в библиотеках Тель-Авива, я даже два-три слова выучил по-вашему для этой цели. И пусть все узнают, каким тернистым путем шли к высотам литературы наши славные русские писатели еврейской национальности! Пусть воочию увидят, какие препятствия вставали на их пути в виде живого примера моего появления рядом с Вами.

И кто знает, дорогой Михаил Залманович, может быть, со временем привыкнете Вы ко мне, и мы окончательно подружимся, ведь люди мы не чужие, и много чего будет нам вспомнить долгими тель-авивскими вечерами. Кроме того, читал я, что у вас, эмигрантов, часто бывают приступы ностальгии, когда, казалось, все брось, беги в аэропорт, бери билет в одну сторону, гори оно все огнем,— а я тут как тут! Взглянете Вы на мое незатейливое лицо, и возвращаться Вам резко расхочется. И снова можно будет нам с Вами жить и работать на Вашей исторической родине, издали наблюдая за успехами перестройки, от всей души сочувствуя нашим бывшим землякам.

А если что и переменится там у них в худшую сторону и сделаюсь я снова нужен своему любезному отечеству, то обещаю замолвить за Вас словечко перед той же «Памятью», благо у меня остались там два-три верных корешка. Но пока что душа моя тянется к Вам, совсем потерял я покой. Каждую ночь является ко мне крыса с «Огоньком» в зубах, в котором меня ругают за то; за что раньше хвалили, причем в том же самом журнале. Не дайте пропасть, спасите меня, дорогой Михаил Залманович! Жду ответа, как соловей лета. Зай гизунт!

Ваш Иван

МЫ ГОВОРИМ

● **СПИД предупреждает: Минздрав СССР опасен для вашего здоровья!**

Вл. БОРЕВ

● **Его звездным часом стал комендантский.**

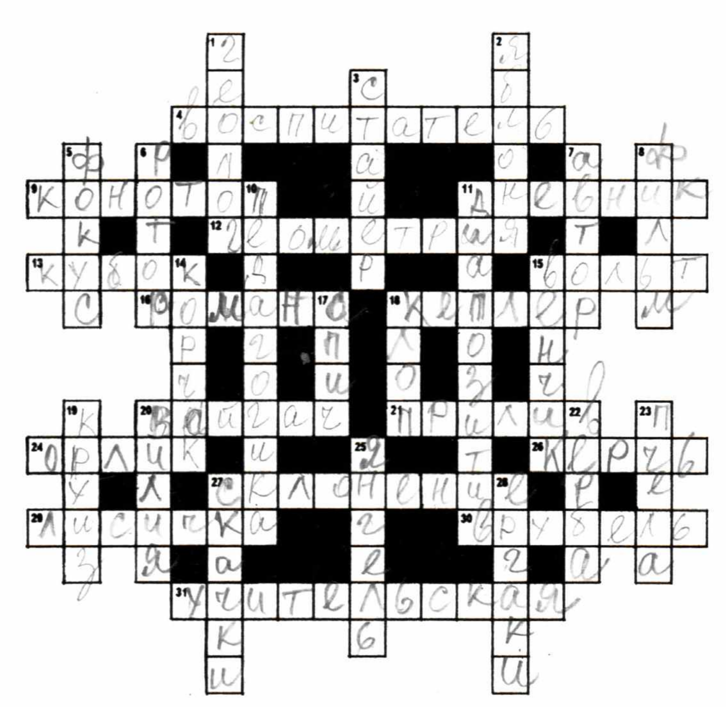
● **В чем сила москитов? В их подавляющем большинстве.**

● **Спецстоловая «Кормило власти».**

Виктор ШЕНДЕРОВИЧ

Материалы подготовили Игорь ДВИНСКИЙ и художник Виктор КОВАЛЬ.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Наставник, педагог. 9. Город в Сумской области. 11. Ученическая тетрадь для записи уроков и отметок. 12. Раздел математики. 13. Приз в спортивных состязаниях. 15. Единица электрического напряжения. 16. Небольшое вокальное лирическое произведение. 18. Немецкий астроном, открывший законы движения планет. 20. Остров на границе Баренцева и Карского морей. 21. Периодическое повышение уровня моря. 24. Персонаж поэмы А. С. Пушкина «Полтава». 26. Город-герой. 27. Изменение имени по падежам и числам. 29. Северное созвездие. 30. Русский живописец, автор картины «Демон». 31. Комната в школьном здании для преподавателей.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Специалист по изысканию полезных ископаемых. 2. Фруктовое дерево. 3. Спортсмен, бегун на длинные дистанции. 5. Точка пересечения параллельных лучей, прошедших через оптическую систему. 6. Вращающаяся часть турбины. 7. Создатель научного, литературного произведения. 8. Кинокартина. 10. Наука о воспитании и обучении. 11. Фотографический снимок на стекле или пленке. 14. Польский педагог, писатель, врач, героически боровшийся за жизнь детей в годы фашистской оккупации. 15. Часть цветка. 17. Краткая приветственная речь. 18. Пьеса В. В. Маяковского. 19. Морское путешествие по замкнутому кругу. 20. Река в Белоруссии и Литве. 22. Разновидность ивы. 23. Насекомое, собирающее цветочный нектар. 25. Конструктор ракетно-космической техники, академик, дважды Герой Социалистического Труда. 27. Вид конного спорта. 28. Хребет в Западном Саяне.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 39

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Компрессор. 6. Сатурн. 8. Атташе. 10. Ганна. 11. Таль. 12. Жерех. 16. Олимп. 18. Логика. 19. Халва. 20. Экскаватор. 21. «Гроза». 23. Оборин. 24. Алжир. 26. Фураж. 28. Ципа. 30. Байка. 31. Синтез. 32. Каунас. 33. «Попрыгунья».

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Кобура. 2. Шпинат. 3. Усмань. 4. Кортеж. 7. Арнем. 9. Ширма. 10. Гелиограф. 13. «Хованщина». 14. Пластов. 15. Мартину. 17. Поэма. 19. Хорда. 22. Зархи. 25. Лайка. 27. Житков. 28. Цезура. 29. Арктур. 30. Брусья.

НЕТ ПРОБЛЕМ?

Рисунок Андрея ВАНСОВИЧА

«Никогда не забудется тот день, когда меня, пятилетнего мальчика, отец повел в цирк.

Цирк! Когда вошли в зал, меня поразило обилие света и людей. И сразу слово «цирк» стало для меня реальным, ощутимым, понятным. Вот он — огромный купол, застеленный красным ковром манеж, слышны звуки настраиваемого оркестра...»

Это — первые впечатления от цирка Юрия Никулина, ныне директора и художественного руководителя Старого Нового цирка на Цветном бульваре. Старого, потому что цирку уже более ста лет. Нового, потому что на месте старого построили новый, внешне очень похожий на старый.

И сколько мальчишек и девчонок, впервые побывав в цирке на Цветном, на всю жизнь это запомнят!

40 коп.
Индекс 70663

